

ISSN 2311-0546

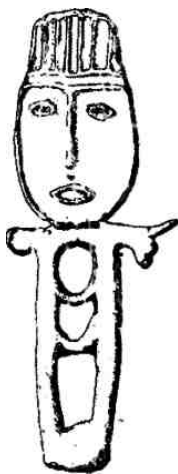
ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

№ 2(34) 2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

№ 2 (34) 2016

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринаева Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б.,
Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е., Каландаров
Т.С., Мартынова М.Ю., Макеева А.И. (отв. секретарь), Халдеева Н.И., Харламова Н.В.,
Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ),
Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Пашалы П.М. (Республика
Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США),
Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим
(Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

По вопросам оформления статей

Белова Наталья Андреевна

belovanatalia2009@yandex.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2016

© Журнал «Вестник антропологии», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главных редакторов

<i>Васильев С.В., Чешко С.В.</i> История науки - науке	4
--	---

К юбилею Ю.В. Бромля

<i>Чешко С.В.</i> О творческом наследии Ю.В. Бромля	6
<i>Комарова Г.А.</i> Роль Ю.В. Бромля в судьбе отечественной этносоциологии	25
<i>Губогло М.Н.</i> Аллюзии импрессионизма в этносоциологии	54

Физическая (биологическая) антропология

<i>Саливон И.И., Марфина О.В.</i> Роль миграций в формировании антропологического состава населения Беларуси	81
<i>Шведчикова Т.Ю., Харламова Н.В., Рассказова А.В., Чагаров О.С.</i> Средневековое население Северо-Восточного Причерноморья (по материалам раскопок христианского храма у с. Веселое IX–XI вв.)	94
<i>Ямпольская Ю.А.</i> Грацилизация телосложения и типы конституции: популяционная и внутригрупповая изменчивость (вторая половина XX века, Москва)	117

Изустная история

<i>Sergis Manolis. G. Memories and Oblivion: An occupied village in the Rhodopes (Western Thrace, Greece, 1941–1944)</i>	127
--	-----

Антропологическая мозаика

<i>Каландаров Т.С.</i> К проблеме антропологического изучения ислама в Средней Азии	152
<i>Лялявина Е.В.</i> Эволюция родильной обрядности томских татар в XX–XXI вв.	167

Рецензии

<i>Чешко С.В.</i> Рец. на: <i>Савинов Л.В.</i> Управление национальными отношениями: учеб. пособие. РАНХиГС, Сиб. Ун-т упр. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. – 164 с.	185
--	-----

Письма читателей

<i>Королева Е.А.</i> Когда уходит энергия доверия	192
---	-----

Contents	196
-----------------	-----

Our Authors	197
--------------------	-----

Правила оформления статей	199
----------------------------------	-----

КОЛОНКА ГЛАВНЫХ РЕДАКТОРОВ

ИСТОРИЯ НАУКИ – НАУКЕ

Знание истории науки – неперенное условие ее развития. Это хорошо известно и звучит банально. Однако в реальной научной деятельности этнологов интеллектуальные достижения предшественников учитываются и используются, как нам кажется, в недостаточной степени. А если используются, то, зачастую очень выборочно и довольно догматично. В публикациях современных авторов, особенно пишущих на темы, связанные с методологией науки и теоретическими подходами к анализу эмпирического материала, обычно фигурируют три-четыре имени ученых, назначенных переменчивой и конъюнктурной цеховой модой классиками. Таких «классиков» сегодня насчитывается, наверное, много если с десятков, причем, их номенклатура со временем меняется. Остается одно – почти полное отсутствие отечественных ученых.

Последнее едва ли можно объяснить некоей маргинальностью советской/русской этнологии. В советское время, в эпоху безраздельного господства исторического материализма в его примитивной официальной интерпретации «историко-партийной наукой» (как и научных взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса в целом), никаких иных крупных и самостоятельных – даже «относительно» самостоятельных – теоретических концепций не могло «иметь место быть». Концепции создавались, но громко заявлять о них о них было нельзя. Возможно, это вырабатывало в ученых некоторую скромность, как сегодня говорят, в презентации своих идей. Единственным и почти невероятным в тех условиях исключением была «теория этноса» Ю.В. Бромлея, по своей масштабности объективно заслуживающая достойного места в истории науки наряду с ведущими этнологическими школами (и ведь реально «школа Бромлея» сложилась и подспудно существует донныне). Видимо, блюстители «исторического материализма» ее просто не поняли. Кстати говоря, нельзя сказать, что и западная наука развивалась в прошлом столетии абсолютно свободно, хотя, разумеется, и без явной цензуры со стороны чиновников. Сильное влияние оказывал идеологический «мейнстрим» – антиэволюционизм, антимарксизм, идеализм.

Пренебрежительное отношение к традициям отечественной этнологической мысли объясняется, видимо, ее плохой «раскрученностью» и синдромом «нет пророка в своем отечестве». В последние десятилетия Институт этнологии и антропологии РАН издал несколько очень добротных и полезных сборников статей, посвященных трудам советских и досоветских этнологов. Но явно недостаточно. Начинающие исследователи в массе своей демонстрируют полное незнание этих трудов и некритичную апологетику «постмодернистских» сочинений англо-американских авторов.

Впрочем, главная проблема, которая подвигла нас обратиться к читателям через «Колонку главных редакторов», заключается в другом. История науки не должна рассматриваться лишь как факты, эпизоды прошлого, которые хорошо бы, конечно, знать – для общего развития, – но не обязательно использовать в исследованиях. Чтобы понять, что полезно, а что нет, надо не только знать, но и перечитывать с учетом движения теоретической мысли и накоплением новых знаний за последние десятилетия. К сожалению, после известных историографических трудов С.А. Токарева ничего похожего не написано.

Возможно, энтузиасты истории науки, смогут использовать некоторые из изложенных здесь мыслей для соответствующих заявок на гранты. А мы предлагаем потенциальным авторам нашего журнала вернуться к наследию предков в форме обстоятельных обзоров, рецензий или полнообъемных статей. А ведь еще и увлекательно!

С.В. Васильев

С.В. Чешко

К ЮБИЛЕЮ ЮЛИАНА ВЛАДИМИРОВИЧА БРОМЛЕЯ

(21 ФЕВРАЛЯ 1921 г. – 4 ИЮНЯ 1990 г.)

УДК 93/99

© С.В. Чешко

О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ю.В. БРОМЛЕЯ

Статья посвящена памяти выдающегося ученого и организатора советской этнографической науки академика Ю.В. Бромлея. Конкретно речь идет о разработанной им «теории этноса». При этом Ю.В. Бромлей опирался на обширный эмпирический материал, использовал ряд идей других крупных отечественных исследователей, учитывал достижения зарубежной науки. В последние десятилетия «теория этноса» подвергалась как правомерной, так и несправедливой критике. Автор считает, что при всех очевидных недостатках этой концепции, она внесла существенный вклад в развитие отечественной теоретической мысли в области этнологии. Кроме того, автор подвергает анализу и критике возникший в начале 1990-х годов миф о том, что «теория этноса» – это некий вариант западного «примордиализма»

Ключевые слова: этнография, этнология, антропология, «теория этноса», «конструктивизм», «примордиализм».

Возможно, 95-летие со дня рождения – не самая круглая дата. Но все же, редколлегия «Вестника антропологии» сочла уместным опубликовать серию статей, посвященных памяти выдающегося деятеля отечественной науки. Ниже публикуются статьи, касающиеся научного наследия Юлиана Владимировича Бромлея и его роли в организации советской этнографии.

Разумеется, журнал готов принимать и новые материалы, связанные с этой датой, равно как и материалы о других крупных ученых и научных школах, оставивших заметный след в отечественной и мировой этнологии/антропологии. И дело тут не только в том, чтобы отдать должное памяти и творческому наследию этих людей. Молодые исследователи в массе своей плохо знают историю науки, часто пытаются изобрести велосипед (а еще чаще – с радостью обнаруживают его в модных публикациях, относимых к «постмодернизму»). А велосипед-то, оказывается, был сконструирован задолго и до их рождения, и до возникновения этого жанра в мировой антропологии.

Ждать совсем «круглой даты» даже и рискованно – останутся ли к тому времени в строю способные что-то написать коллеги, которые знали Ю.В. Бромлея по совместной работе и читавшие его работы? Публикуемые в этом номере статьи принадлежат перу именно этих, знающих людей.

Вспомнить о научных трудах Ю.В. Бромлея и его труде на ниве организации, развития советской этнографии и многолетнего руководства Институтом этнографии АН СССР надо еще и потому, что практически сразу после его кончины (если судить по публикациям на методологические темы этнологии) о нем либо забыли, либо стали упоминать преимущественно в контексте резкой и далеко не всегда, на мой взгляд, справедливой критики советской этнографии. «При жизни ученого, – писал А.С. Мыльников – в ра-

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, гл. со-редактор журнала «Вестник антропологии». Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

ботах многих авторов чуть ли не ритуально упоминалась его имя, приводились ссылки на его труды. Потом, как часто водится, это становилось все реже и реже, а многие ключевые положения концепции Ю.В. Бромлея начали подвергаться либо суровой критике, либо замалчивались» (Мыльников 2002: 3). Еще более резко и небезосновательно высказался В.С. Хан, имея в виду, прежде всего, критику идей Ю.В. Бромлея: «... методологические разногласия последних десятилетий углубились настолько, что стали приводить к поляризации профессионального научного сообщества. Научные тексты запестрели ярлыками в адрес оппонентов. Агрессивность стала нормой полемики, сведение счетов с “прошлым” – формой самоутверждения и ресурсом мобилизации амбиций, а академические дискуссии превратились в политические баталии...» (Хан 2015: 5).

За прошедшие после смерти Ю.В. Бромлея четверть века (!) количество известных мне публикаций, в которых содержались попытки спокойного научного анализа теоретических взглядов Ю.В. Бромлея, можно, наверное, сосчитать по пальцам (см., например: Арутюнов 2006; Заринов 2000, 2002; Карлов 2014; Мыльников 2002; Рыбаков 2001a; Он же 2001b; Хан 2015). В работах многих авторов, стремящихся вписаться в конъюнктурный «mainstream» Ю.В. Бромлей, как правило, прямо не называется (это почти, как в серии романов о Гарри Поттере: «ну Вы сами знаете, о ком идет речь»), но латентно фигурирует не иначе, как доктринер, схоласт, продукт советской идеологии и, конечно же, как олицетворение советского варианта западного примордиализма, который сегодня не пинает «разве что ленивый». Кстати говоря, я не уверен, что Ю.В. Бромлей знал о таком научном направлении – во всяком случае, я не встречал в его работах упоминаний о нем. И он еще больше бы удивился, равно как и его критики, что его отнесли к когорте конструктивистов (Формирование 2015: 40).

Можно упомянуть еще сборник «Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология», но в подобных мемориальных изданиях серьезного критического анализа не бывает по «умолчанию». Обычно бывает другое. Авторы пишут о том, что им дорого, а памятная дата – это только повод для самовыражения. И это, на мой взгляд, неверно. В науке классическое «de mortuis aut bene, aut nihil» не работает, если только критики не скатываются к жанру «плясок на костях». А у меня есть устойчивое впечатление, что уже больше двадцати лет такие танцы и происходят. В моей статье читатели вряд ли обнаружат этот жанр, равно как и апологетику идей Юлиана Владимировича. Ученый заслуживает даже не почестей, не лавров. Он заслуживает корректного научного анализа его изысканий. Я попытался сделать такой анализ – получилось ли, судить коллегам и читателям.

* * *

Сегодня стало нормой легкомысленно-огульное отрицание методологических разработок советских этнографов (а таковых было, кстати, значительно меньше, чем в зарубежной антропологии) и некритичная апологетика идей их западных коллег. Почти в каждой выходящей книге, статье, в защищаемых диссертациях, хоть как-то связанных с теоретическими вопросами, указывается, что автор совершенно определенно опирается на «прогрессивную» парадигму *конструктивизма* в противовес «ретроградному» *примордиализму*. При этом (по ссылкам) легко угадывается, что автор судит о последнем по работам самих конструктивистов.

Бывает, что формулировки настолько схожи, что закрадывается мысль, не списывают ли такие авторы друг у друга или, что вернее всего, не опираются ли на

что-то когда-то высказанное авторитетное мнение. Вот пример. В настоящем номере публикуется моя рецензия на учебное пособие Л.В. Савинова. «Примордиалистский подход, – утверждает автор – строится на представлении о том, что этносы являются естественной и неизменной данностью» (Савинов 2014: 68). А вот что сказано в автореферате недавно защищенной кандидатской диссертации: «В противоположность примордиалистскому подходу, конструктивистский подход подчеркивает динамический характер национальной идентичности, ее проективный характер» (Кауганов 2016: 21). И в известной своей, мягко говоря, неаккуратностью Википедии читаем примерно то же самое: «**Примордиализм** или **эссенциализм** – в этнологии (этнографии), одно из научных направлений, рассматривающее этнос как изначальное и неизменное объединение людей “по крови” с неизменными признаками. Является наиболее ранним направлением в этнологических исследованиях, развивавшимся на основе установок философского эссенциализма. В рамках примордиализма развивались эволюционистские представления об этносе, учения об этносе С.М. Широкогорова и В. Мюльмана, дуалистическая концепция Ю.В. Бромлея, пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева и др.» (Примордиализм 2016).

К этой теме я обращался неоднократно и, право, не хотел бы лишний раз надоедать читателям и раздражать коллег, но все же придется опять ее затронуть, а пока я позволю себе высказать некоторые соображения относительно теоретического наследия Ю.В. Бромлея, а именно, об его «теории этноса».

Я как-то уже писал, что сознательно ставлю этот термин в кавычки, и когда впервые это сделал, это вызвало немалое неудовольствие самого Юлиана Владимировича (Чешко 2014а: 21), хотя он, по своей аристократичной деликатности, выразил его очень сдержанно. Он, видимо, подумал, что я ставлю под сомнение его труд, а мне казалось, что «теория этноса» так будет лучше узнаваться среди других методологических концепций¹. И теперь думаю, что это правильно, учитывая, что существуют еще как минимум две теории, связанные с этносом – С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева, – которые по ряду принципиальных положений резко отличаются от бромлеевского варианта. Его я предпочитаю закавычивать, а для всего направления, связанного с концептуализацией *этноса* придумал термин «этносология» (Чешко 2014b: 57), не претендуя, разумеется, на то, что он понравится коллегам.

Впервые я услышал о «теории этноса» и увидел самого академика Бромлея году в 1975 или 1976, когда он пришел на истфак МГУ, чтобы прочитать спецкурс для нас, студентов кафедры этнографии, построенного на базе недавно вышедшей его первой монографии на эту тему – «Этнос и этнография». Мягко говоря, то, что мы слышали, было крайне необычно. Потом, и на кафедре, и в Институте этнографии (еще до начала публичной критики) приходилось слышать немало скептических суждений со стороны «традиционных этнографов», которые сочли теоретизирования Ю.В. Бромлея ненужным для этнографической науки занятием. И это было, наверное, естественно, поскольку в советской этнографии подобных амбициозных методологических построений до тех пор не было.

Удивительным сейчас кажется другое – как это академик, главный этнограф страны, директор академического института (а в то время такие научные учреждения студентам даже МГУ представлялись чем-то вроде обиталища олимпийских богов!), снизошел до спецкурса для небольшой студенческой группы (нас было-то человек десять) и рискнул вывалить на наши, объективно говоря, не готовые к этому го-

ловы то, что вызывало сомнения и непонимание даже у маститых ученых. Какова была цель такой несколько, наверное, авантюрной акции? Возможно, Ю.В. Бромлей таким образом пытался подготовить будущих исследователей к работе в новом теоретическом поле, просто приучая их к новым понятиям, к достаточно высокому уровню обобщений. Кто знает...

Как бы то ни было, скоро «теория этноса» стала почти нормативной доктриной советской этнографии; правда, в таком статусе она просуществовала до тех пор, пока Ю.В. Бромлей оставался директором Института и пока не рухнула вся советская общественно-политическая система, что повлекло за собой и ревизию привычных методологических ориентиров в общественных науках. А до того – А.С. Мыльников это верно подметил – наблюдались некоторые признаки превращения «теории этноса» в нечто негласно-обязательное для работ, во всяком случае, начинающих исследователей.

Вспоминаю, как я работал над своей кандидатской диссертацией об этнокультурных процессах у североамериканских индейцев (это было в начале 1980-х годов). С одной стороны, все еще было необходимо найти хоть какие-то поводы сослаться на «классиков марксизма-ленинизма», и это требовало немало фантазии и изобретательности. А с другой стороны, считалось приличным использовать положения «теории этноса». И эти самые этнокультурные процессы у индейцев я пытался уложить в систему *этнических процессов*, составляющую важную часть «теории этноса». Сегодня я уже и не знаю, дало ли это что-то для понимания жизни индейцев – скорее всего, немного. А еще где-то в начале 1990-х годов одна моя несостоявшаяся аспирантка, практически сразу же после поступления в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН, пришла ко мне и вполне серьезно заявила, что знает, как подправить «теорию этноса», и стала чертить какую-то малопонятную схему из пересекающихся кругов: а тема-то предполагавшейся диссертации касалась каких-то аспектов культуры молдаван. Кстати говоря, сама модель «пересекающихся кругов» в интерпретации этноса хоть и не нова, но перспективна – важно только понять, что в эти круги поместить.

Для лучшего понимания того, что такое «теория этноса», полезно прочитать историографические части книг Ю.В. Бромлей. Во-первых, в них содержится самый подробный историографический свод с добротным анализом, причем, не только в отечественной, но и в зарубежной научной литературе, по проблемам этнологии/антропологии. Можно, конечно, сказать, что этот анализ ограничивался пределами, обусловленными нормами дозволенного в рамках официальной советской идеологией. И действительно, во многих случаях это чувствуется, но ведь иначе в то время невозможно было писать и публиковать. А во-вторых, Ю.В. Бромлей обильно ссылался на работы предшественников и работавших с ним коллег. Он ввел в научный оборот работы эмигранта С.М. Широкогорова (возможно, но только предполагаю, с подачи П.И. Пучкова, выходца тоже из эмигрантской среды)². Иными словами, «теория этноса» – это не умозрительный конструкт одного, отдельно взятого кабинетного ученого, а результат творческого обобщения идей многих ученых – П.И. Кушнера, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова, С.А. Арутюнова, В.И. Козлова и др.

Замечания о том, что «теория этноса» во многом следовала советским методологическим традициям, в своем большинстве справедливы. Это касается, прежде всего, стадийного, формационного подхода к описанию того, что И.В. Сталин назвал «историческими общностями людей»: племя – народность – нация. Ю.В. Бромлей фактически сохранил сталинскую трехчленку³. Правда, он не афишировал это обсто-

ительство, но его типология этнических общностей определенно является ее паллиативом. Впрочем, я не уверен, что за это Ю.В. Бромлей надо укорять, равно как и подвергать обструкции теоретические выкладки Сталина. А и Сталин ведь ничего здесь не выдумал – не следует преувеличивать его таланты. Надо полагать, он знал немало, особенно по части трактовки нации и так называемого «национального вопроса».

Смешно было бы отрицать реальность существования и племени, и народности (этот термин сегодня почти вышел из употребления, но он был вполне обиходен в дореволюционной России⁴), и нации, как и то, что они складываются на разных стадиях развития, именуемых в советской литературе общественно-экономическими формациями: в этом понятии я тоже не вижу ничего плохого, неверного, устаревшего. Мне гораздо меньше нравится безлика, ничего не объясняющая с точки зрения собственно этнологии типология, предложенная кем-то из старших коллег в 1980-е годы: просто выделялись этносоциальные организмы эпохи первобытности, эпохи древности, эпохи средневековья, эпохи капитализма и эпохи социализма. Но в любом случае – не нравится употребление термина «организм» в отношении человеческих сообществ. Мало того, что это дает формальное основание для упреков в биологизации культуры (хотя советские-то этнографы сами очень боялись быть заподозренными в этом). Привыкание к этому понятию может спровоцировать иллюзию, что большие общности людей, включая, прежде всего, этносы, думают и действуют как некое единое целое, чего никогда не бывает. Эта иллюзия, между прочим, является одним из краеугольных камней радикального национализма и, особенно, этнонационализма.

Вот что действительно сомнительно – это деление наций на буржуазные и социалистические. После распада Советского Союза и «социалистического лагеря» народы, входивших в него стран, всего за несколько лет умудрились превратиться из социалистических в капиталистические нации. Особенно удивительным в этой связи выглядит пример ГДР. Мало того, что один лишь снос берлинской стены (и последующее объединение Германии) перенес восточных немцев из социализма в капитализм, он еще и похоронил идею о двух немецких нациях, продвигавшуюся этнологами СССР и ГДР! Хотя, похоронил ли? Если разобраться, то в «постсоветских» зарубежных государствах наверняка можно обнаружить следы «социалистической» эпохи – по крайней мере, в психологии людей старших поколений, а чем дальше от этой эпохи, тем больше и в настроениях ностальгирующей молодежи. А о бывших республиках Советского Союза – и говорить нечего. Интересно, к какому типу нации, с точки зрения советской науки и «теории этноса», в частности, следовало бы отнести современную российскую нацию – к «постсоциалистической», «недокапиталистической», «государственно-монополистической» (вспомним ГМК как стадию развития послевоенного капиталистического мира, о которой писали в советское время) или какой-то иной?

Но все это имеет отношение к пониманию нации как гражданско-политической общности в контексте формационного подхода. Если же рассматривать нацию в качестве общности этнической, то получается довольно надуманно, «на тоненького». Правда, Ю.В. Бромлей считал нацию (как и племя и народность) не просто этническим образованием, а *этно-социальным* организмом, но это мало помогает по причине именно этого «этно-». Думаю, что взгляды Ю.В. Бромлея на сущность нации – это одно из самых слабых положений «теории этноса». Он, конечно, знал, что означает нация в международной терминологии, но все же счел необходимым соединить сталинскую нацию с этносом.

На мой взгляд, главной заслугой Юлиана Владимировича – разумеется, для своего времени – было то, что он, в условиях безраздельного господства методологии исторического материализма, осмелился и смог разработать целостную концептуальную базу для нужд этнографической науки, хотя и не противоречащую канонам исторического материализма. Возможно, поэтому adeпты советской «историко-партийной науки», косо смотревшие на «теорию этноса», не имели возможности заклеить ее как противоречащую этим канонам. Страшно представить, что было бы, если бы они узнали, что в 1980-е годы некоторые западные авторы находили сходства между «теорией этноса» и разработками южноафриканских антропологов (см.: *Скальник* 2006)! Апартеид-то в ЮАР был отменен лишь в 1994 г.

Ю.В. Бромлей легализовал понятия *этнос*, *этнические общности* и связанные с ними категории, дав, таким образом, этнографии собственную объектно-предметную область. Нельзя не признать и того, что при Ю.В. Бромлее и во многом именно благодаря ему в СССР существенно повысился общественный статус этнографии.

Если же говорить о собственно научном значении «теории этноса», то она, безусловно, занимает видное место в истории этнологии. «Как бы к ней сегодня не относиться, – отмечал М.С. Мыльников – она составила эпоху в истории отечественной, а в известном смысле и зарубежной этнографической науки» (*Мыльников* 2002: 3). Рискну сказать, что по своей архитектонике, внутренним логическим связям она, наверное, может считаться едва ли ни идеальным примером теоретического конструирования – это безотносительно к тому, что ее отдельные положения, да она сама в целом вполне заслуживают критического анализа, как, впрочем, и любая научная концепция. Другое дело – насколько «теория этноса» эвристична, пригодна для использования в конкретных исследованиях. Ю.В. Бромлей старался иллюстрировать свои умозаключения именно конкретными примерами, касающимися этнокультурного развития (определенных) народов, и объем приведившегося им материала поражает своей масштабностью. Однако манера аргументации «пример – вывод» (особенно, когда это касалось иллюстрации этнических процессов) выглядит несколько наивной, свойственной, возможно, именно кабинетным ученым.

Не припомню сколько бы значимых работ, написанных на конкретных этнологических материалах, в которых положения «теории этноса» использовались бы в качестве инструментария для анализа и интерпретации этих данных. Думаю, дело тут не в слабости, никчемности этой концепции и не в ее тихом саботаже (в советское время) или тотальном отрицании (после кончины Юлиана Владимировича).

Любая теория высокого уровня обобщения едва ли может непосредственно применяться в практических изысканиях. И именно в *этом* отношении «теория этноса», как минимум, не хуже считающихся классическими концепций, сработанных, например, в русле диффузионизма, функционализма или французской социологической школы. Все они являются неотъемлемыми составными частями истории мировой этнолого-антропологической науки, отражая логику движения теоретической мысли. Изучение и осмысление этого интеллектуального континуума (даже, казалось бы, фантастических идей), видимо, необходимо этнологу для того, чтобы понять суть вещей, которые он изучает – в том числе, и следуя принципу «от противного», подвергая сомнению и критике творчество предшествующих поколений ученых. А делить концептуальные построения на «правильные» и «неправильные» – это некорректно. Об этом же писал М.С. Мыльников: «Разумеется, развитие научной мысли неизбежно влечет за собой или пересмотр

многих положений, прежде считавшихся бесспорными, или полный отказ от них. Однако, как свидетельствует та же история науки, ее нормальное развитие происходит в конечном счете на путях не отторжения ранее накопленного опыта, а его критического переосмысления в интересах дальнейшего развития» (Мыльников 2002: 3). Об этом писали также И.Ю. Заринов (Заринов 2002: 25–26) и С.Е. Рыбаков (Рыбаков 2001а: 19).

Можно, пожалуй, выделить то, чем «теория этноса» если и не навредила, то и не помогла развитию советской этнографии. В головы ученых внедрилась мысль о том, что все изучаемое этнографией обязано иметь «этническую окраску», а если ты уж что-то исследуешь, то, хоть расшибись, должен ее и найти. Не могу назвать себя радикальным сторонником начавшейся в 1990-е годы *антропологизации* этнологии, которая поставила серьезный вопрос о специфике исследовательского поля этнологии и о самих ее перспективах как самостоятельной, особой научной дисциплины. Но сегодня уже очевидно, что отчаиваться по поводу «ускользающей этничности» (если иметь в виду ее *онтологическую* составляющую) нет смысла. Скорее, следует приложить умственные усилия, чтобы попытаться понять, что может дать этнология в исследовании общественных процессов в современном трансформирующемся мире.

* * *

Вернусь к высказанному мною выше замечанию о совершенстве «теории этноса». Ее логика и построение мне представляются так.

1. Вводится в качестве базового, «родового» для этнографии понятие «этнос». Обуславливается это многозначностью общепринятого прежде в отечественной науке понятия «народ». Это было вполне логично и важно для утверждения суверенитета этнографии, хотя и остававшейся (и остающейся донине) в номенклатуре исторических наук, – даже именно потому и важно.

Комментарий автора. Не стану повторять аргументы тех исследователей, которые ставят под сомнение реальность этноса, – они хорошо известны по публикациям 1990–2000-х годов. А лучше всех им ответил, кажется, С.А. Арутюнов в собственном ему арутюновском стиле: «Несмотря на имеющиеся настойчивые попытки спеть отходную, то бишь, реквием по этносу, приходится вновь вспомнить слова Братца Кролика о том, что “Братец Лис с виду ну совсем покойничек, а вот ведет себя так, как покойнички себя не ведут”. Или, как сказал бы другой литературный герой, писатель в мягкой детской курточке (из “Золотого тельца”), этнос существует, и с этим приходится считаться. Соответственно, приходится и заниматься теорией этноса» (Арутюнов 2006: 104).

Следует подчеркнуть, что Ю.В. Бромлей не был склонен абсолютизировать этнос. Правда, В.И. Козлов писал: «Многие ученые (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев и др.) отстаивали идею панэтничности, т. е. представление о том, что этнос является наиболее универсальной формой социальной жизни людей» (Козлов 1995: 47). В отношении Гумилева – это верно, а Бромлей подобных мыслей не высказывал. Такое суждение правильной было бы отнести к дисциплинарному шовинизму С.М. Широкогорова, который считал этнографию некой «супернаукой»: «Этнология является венцом знания человека» (Широкогоров 1922: 13). Если я правильно понимаю «теорию этноса» Ю.В. Бромлея, то ее смысл состоял в том, чтобы выделить этнос во всей совокупности человеческих общностей.

2. Если вводится новое понятие, то его надо ясно идентифицировать, и Ю.В. Бромлей дает ему четкую формулировку (в разных его работах формулировки несколько варьировали, но смысл оставался неизменным).

Комментарий автора. Определение этноса – это, на мой взгляд (да и не только на мой), одно из самых уязвимых мест в теории этноса. Лучше всех об этом, кажется сказал Л.Н. Гумилев, теоретические выкладки которого на ниве *этносологии* мне представляются гораздо более заслуживающими критики, чем «теория этноса» Ю.В. Бромлей. «У нас нет ни одного реального признака, – писал Л.Н. Гумилев – для определения любого этноса как такового, хотя в мире не было и нет человеческой особи, которая была бы внеэтнична. Все перечисленные признаки [язык, культура, идеология. – С.Ч.] определяют этнос “иногда”, а совокупность их вообще ничего не определяет» (Гумилев 1989: 48).

Об этом писали и другие авторы (о мой точке зрения см., в частности: Чешко 1994; Чешко 2014). Пожалуй, наиболее жесткие оценки содержались в давней статье Е.М. Колпакова, который, по сути, подверг «теорию этноса» тотальной обструкции. Не думаю, что это оптимальный пример научной критики, когда все отрицается и ничего позитивного взамен вообще не предлагается. Но Е.М. Колпаков заметил и разобрал один из самых слабых и, в то же время, ключевых аспектов в бромлеевской дефиниции этноса – указание на решающее значение этнического самосознания, закрепленного в самоназвании. Он справедливо, на мой взгляд, указал на то, что критерий *этнического* самосознания, по сравнению с другими типами самосознания людей – его особая, межпоколенная устойчивость, – плохо работает (Колпаков 1995: 17–19).

В этом вопросе есть важный нюанс, на который обращал внимание С.Е. Рыбаков (Рыбаков 2001а: 10–11), комментируя следующее высказывание Ю.В. Бромлей: «... было бы неверно возводить этническое самосознание в ранг решающего свойства этноса, его своеобразного демиурга... как и любая форма сознания, – явление вторичное, производное от объективных факторов» (Бромлей 1983: 196). С.Е. Рыбаков пишет: «Создается впечатление, что автор “Очерков...”», будучи добросовестным исследователем, прямо не говорил об этом, но отводил в этой схеме этническому самосознанию... роль, мягко говоря, несколько более значимую, чем это следовало бы приверженцу исторического материализма...» (Рыбаков 2001а: 11). Думаю, С.Е. Рыбаков верно угадал позицию Ю.В. Бромлей. От себя добавлю, что разделение социальных явлений на «объективные» и «субъективные» мне представляется давно устаревшей традицией «марксистско-ленинской» философии. Если что-то существует в головах людей, то это – объективная реальность, которая оказывает не меньшее, а подчас и большее влияние на поведение людей, особенно если идет речь об этнополитических процессах, противоречиях и конфликтах.

3. Этносы состоят из людей, и Ю.В. Бромлей попытался дать характеристику человеку-индивиду как «мельчайшей ячейки» этноса через понятие «этнофор» (Бромлей 1981: 47).

Комментарий автора. Кто-то может сказать, что это, возможно, самое надуманное положение «теории этноса». А мне представляется, что тут есть еще над чем подумать. Кстати, бромлеевский этнофор несколько ассоциируется с базовой личностью американской школы культуры и личности. Правда он отмечал, что этнофор «не способен самостоятельно обеспечивать межпоколенное воспроизводство этнических свойств» (Там же). Разумеется, он имел в виду не физиологическую сторону дела, а то, что этническая специфика формируется и воспроизводится через коллективность, от семьи и далее по лестнице иерархии социальных связей и структур.

4. Требовалось рассмотреть этническую материю в контексте социально-экономических и политических отношений, структур и институтов. В результате возникли категории «этникос» и «этно-социальный организм» (ЭСО).

Комментарий автора. Эти термины сегодня почти вышли из употребления, но это не значит, что не существует самих обозначенных Ю.В. Бромлеем явлений. Вместо этникоса говорят, например, об этнических русских или этнических корейцах.

А вот взгляды Ю.В. Бромлея на соотношение этникоса и ЭСО мне кажутся противоречивыми. Позволю себе просто процитировать себя.

«Соотношения этникоса и ЭСО могут быть разными. Они могут совпадать, но это очень редкий, скорее, теоретический вариант в силу чрезвычайно высокой этнической мозаичности современных государств – их насчитывается свыше 190 при 4-5 тыс. этносов. Часто этникос пространственно оказывается шире ЭСО, когда речь идет о заморских “нациях эмигрантов” (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, страны Латинской Америки) или распространении этникоса в силу иных причин (Германия, Австрия, Швейцария, Монако, Румыния, Молдавия). Бромлей указывал и на случаи, когда этникос оказывается уже ЭСО. Но фактически в таких случаях следует говорить о полиэтнических общностях, что подрывает взгляды самого Бромлея» (*Чешко* 2014b: 59–60). В самом деле, бромлеевских моноэтнических ЭСО так мало в современном мире (да и в прошлые исторические эпохи), что это, скорее, исключение, чем правило.

5. Наконец, этносы находятся в постоянном развитии и взаимодействии друг с другом. Поэтому конструируется классификация этнических процессов.

Комментарий автора. Эта часть «теории этноса» мне представляется наименее противоречивой и достаточно пригодной для осмыслений реальных этнокультурных процессов.

Интересны соображения Ю.В. Бромлея о доминирующих тенденциях этнического развития во второй половине XX века. Правда, именно в этом вопросе особенно явно проявился формационный детерминизм Ю.В. Бромлея.

Этнические процессы в капиталистических странах и в странах «третьего мира» он рассматривал в контексте деколонизации, классовой борьбы и того, что мы сегодня называем глобализацией. «Судя по всему, – писал Ю.В. Бромлей – этноинтегрирующая тенденция в конечном счете выступает как доминирующая; однако... она прокладывает себе путь в диалектическом и подчас остро противоречивом взаимодействии с этнодифференцирующей тенденцией» (*Бромлей* 1982: 13–14). А эту тенденцию он связывал «в условиях капитализма» с конфликтами, имеющими «этнонациональную или этнорасовую окраску» (Там же: 14).

Сложней пришлось со странами социализма, и здесь Ю.В. Бромлею пришлось проявить немалые дипломатические способности. С одной стороны, он не мог не видеть интеграционных процессов в экономике и культуре стран «социалистического лагеря». С другой стороны, возможно, не мог прямо заявить о доминировании этноинтеграционных процессов в этих странах, поскольку это противоречило бы тогдашнему генеральному идеологическому лозунгу «расцвета и сближения наций» при социализме. Ю.В. Бромлей и делал акцент именно на этой «двуединой тенденции», а также на вопросе о формировании общего культурного пласта «советского народа как новой исторической общности».

Эту концепцию «советского народа» сегодня (да уже, как минимум, лет двадцать) критикуют как сугубо искусственную, идеологизированную конструкцию совершенно напрасно. Но по сути это был паллиатив концепции нации в неэтни-

ческом смысле этого понятия. Главный недостаток заключался даже не в том, что «советский народ» жестко увязывался с социалистической формацией, а том, что он не увязывался с общей историей России, с тем историко-культурным континуумом, который сегодня, слава богу (а точнее, благодаря упорной просветительской работе этнологов и президенту В.В. Путину), привыкают называть и, главное, воспринимать как российскую нацию.

Вернемся к взглядам Ю.В. Бромлея. У него есть важные соображения относительно этногенетических процессов.

Я немало лет проработал в качестве ответственного соредатора историко-этнографической серии «Народы и культуры» (совместно с В.А. Тишковым), издаваемой до сих пор под руководством Института этнологии и антропологии РАН, при финансировании Российским гуманитарным научным фондом и публикуемой издательством «Наука». Здесь я не развиваю, а только обозначаю сюжет о том, что в ходе работы над томами серии мне приходилось ломать стереотип о разграничении понятий «этногенез» и «этническое развитие»; похоже – не получилось, и часто были серьезные конфликты с авторами томов. Во всех томах серии прослеживается характерная для еще «тогдашней», советской этнографической традиции понимания этногенеза как нечто очень давно навсегда свершившегося и этнических процессов как нечто сейчас происходящее. А ведь все это – процессы движения этнической материи, это развитие. К тому же, если почитать книги на соответствующую тему, то «этническое развитие» на проверку оказывается всем, кроме этнических эволюций: политическая история, экономика, народное искусство и многое другое.

А у Бромлея читаем (это уже без каких-либо формационных, классовых, идеологических и т. п. «контекстов»): «... новые этносы не только возникают в наше время, но, очевидно, будут возникать и в обозримом будущем» (Бромлей 1981: 64). И еще: «Однако в силу того, что подавляющее большинство современных народов сложилось уже давно, понятия “этногенетические процессы”, “этногенез” обычно ассоциируются с далеким прошлым. Иначе говоря, эти понятия могут употребляться в узком и широком значении» (Бромлей 1981: 64).

Не стоит иронизировать по поводу увлечения Ю.В. Бромлеем «узкими» и «широкими» ипостасями того или иного понятия. А вот интересно, как бы он охарактеризовал феномен «этнического грюндерства» в постсоветских условиях (не вспомню, где я впервые употребил этот термин), который, как я представляю, имеет два основных варианта:

- «проснувшаяся этничность» субэтнических групп;
- «этничность» во имя причитающихся в России «коренным малочисленным народам» льгот и преференций.

Приведу еще мнение В.С. Хана касающееся методологической комплексности «теории этноса».

Характерными (суммарными) чертами «теории этноса» являются:

- *реализм* (этносы есть реальность);
- *онтологизм* и *объективизм* (этносы есть объективная реальность);
- *нэйчерализм* (этносы есть естественное – не искусственное, кем-то сконструированное – явление);
- *историцизм* (этносы есть продукт исторического развития и имеют конкретно-историческую природу);

- *субстанциализм и эссенциализм* (носителем этнических признаков является этническая субстанция или сущность, коей является этнос);
- *коммунализм* (этноты есть общности, причем, общности специфические);
- *констанциализм* (этноты есть устойчивые общности);
- *аксиологический нейтралитет* (свойства этноса интерпретируются как данность, вне оценки с позиций полезности и оппозиции «хорошо – плохо». См.: Хан 2015: 6–7).

По-моему, это наиболее полная характеристика методологических основ «теории этноса».

* * *

Как и обещал, вернусь и к уже «проклятой» теме о соотношении «теории этноса» Ю.В. Бромлея и западного «примордиализма».

И ту, и другую в наших публикациях зачастую обвиняют в следующих грехах: *этнические образования рассматриваются в качестве изначальных, первородных человеческих сообществ. Они статичны, не подвержены изменениям, не развиваются. Столь же статичны и представления о них.* Не буду здесь подробно анализировать «примордиализм», поскольку это не является темой настоящей статьи, но некоторые необходимые замечания все же приведу.

У Пьера Ван ден Берге, признанного классика примордиализма – хотя он сам отдавал пальму первенства Максу Веберу, Клиффорду Гирцу и Эдварду Шилзу (Berge 1987: 17), – я не нашел ничего похожего на то, что я выделил выше курсивом. Его основные идеи сосредотачивались вокруг эволюции живой природы, приведшей к становлению человечества, соединившего в себе биологическое и социальное начала.

Вот некоторые положения концепции Ван ден Берге.

- *Culture grows out biological evolution* (Berge 1987: 6).
- *Homo sapiens evolved as one species among many – through a process of natural selection, similar to that of the animals* (Там же: 10).
- *The primordial ethny is thus an extended family* (Там же: 25).
- *The phenomenon of ethnicity in humans, however, is not in principle different from the phenomenon of boundary maintenance between animal societies* (Там же: 35).
- *The meaning of ethnicity can be extended to unhumans* (Там же: 36).
- *Ethnicity can be manipulated but cannot be manufactured* (Там же: 27)*.

Продолжить цитирование можно, как можно и упрекнуть меня в произвольном выдергивании фраз. Примордиализм как таковой заслуживает *специального рассмотрения*, поскольку вокруг него скопилось очень много мифов, зачастую явно предвзятого характера. А нормального анализа в отечественной литературе я не встречал.

Но даже в приведенных мною высказываниях Ван ден Берге разве есть что-

*«Homo sapiens сформировался как один из видов среди прочих – в ходе процесса естественного отбора в животном мире».

«Первоначальный этни – это, таким образом, расширенная семья».

«Как бы то ни было, феномен этничности в принципе не отличается от инстинкта отстаивания границ между сообществами животных».

«Понимание этничности может быть распространено и на нечеловеческие сообщества животных».

«Этничностью можно манипулировать, но ее нельзя сфабриковать» (здесь и далее перевод автора. – С.Ч.).

то, похожее на ставшими у нас расхожими и даже приличествующему хорошему тону филиппиками в отношении «кондово-примордиалистского» подхода? Такой примитивный подход к пониманию примордиализма, сформировавшийся в умах некоторых наших коллег, можно было бы назвать не «примордиализмом», а «итернализмом» (от англ. «eternal»: «вечный», «неизменный»).

Идея биосоциальной (или, если угодно, как кому нравится, социобиологической) природы человеческого сообщества настолько тривиальна и, кажется, настолько бесспорна, что и дискутировать здесь особо не о чем, разве что в человеке первично – биологическое или социальное. Отрицать связь человека с прочей природой – это отрицать саму генеральную до сих пор в науке идею о человеке и человеческом обществе как результате происходившей на Земле эволюции, концепцию антропосоциогенеза. Между прочим, этим и занимаются многие СМИ, включая RenTV и некоторые другие федеральные телевизионные каналы, рассказывающие о деятельности дочеловеческих суперцивилизаций. Надо полагать, что именно эти цивилизации и стали «конструктивистами» этносов, как и всего прочего в нашем мире...

А классик конструктивизма Фредерик Барт писал: «... ethnic groups are categories of aspiration and identification by the actors themselves, and thus have the characteristic of organizing interaction between people» (Ethnic 1970: 10)**. Возможно, я несколько схулиганил таким сопоставлением. Но, думаю, не очень. Барт (и другие «идейные» конструктивисты) много писал о взаимодействии этнических групп, о происходящих в них процессах. Но, кажется, даже не задался мыслью о происхождении таких общностей.

Кстати говоря, к числу приверженцев «примордиализма» следует, в первую очередь, отнести, например, Марину Львовну Бутовскую, которая начинала с этологии приматов и в результате последовательных и немалых усилий сумела конституировать невозможное для советской науки направление «этология человека» и сегодня является одной из самых «вестернизированных» (точнее, наверное, продвинутых) по части использования современных методик мировой антропологии исследовательниц. Немного помню заседание диссертационного совета Института этнографии АН СССР (а в то время заседания Совета проходили в большом зале заседаний на ул. Дм. Ульянова, 19, и на защиты приходили, кажется, все две сотни научных сотрудников – настолько люди интересовались научными проблемами и общеинститутскими делами). Я в числе многих тогда недоумевал, почему в нашем институте допущена защита диссертации М.Л. Бутовской, не знаю обстоятельств дела, но председателем Совета был Бромлей. Не думаю, что это было проявлением его «примордиалистских» ориентаций. Скорее – способности улавливать новое и перспективное. Уместно напомнить, что именно при Бромлее и благодаря его «попустительству» начали формироваться новые научные направления – этносоциология, этнопсихология и др.

По большому счету, стремление строго разделить исследователей по идеолого-методологическим направлениям – это какая-то архаическая традиция, которая в конкретных изысканиях скорее мешает, нежели помогает постичь суть исследуемых явлений. Думаю, продуктивней пытаться найти полезные идеи и подходы в разных методологических системах, в работах разных авторов, тем более что далеко не всегда их можно четко рассортировать по научным школам и нишам.

** «... этнические группы представляют собой категории, касающиеся устремлений и идентификации самих действующих лиц, и, таким образом, имеющие характер организации взаимодействия людей».

Теперь посмотрим на «примордиализм» Бромлей с точки зрения представлений-мифов, о которых я писал немного выше, и в сравнении со взглядами С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева: это, вероятно, будет ближе к пониманию течения отечественной этнологической мысли, нежели экспресс-сравнение с зарубежными концепциями.

Определение этноса

С.М. Широкогорov	Л.Н. Гумилев	Ю.В. Бромлей
«... этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящаемых традицией и отличаемых ею от таковых других групп» (Широкогорov 1923: 12).	«... этнос – феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диакронической хронологией исторических событий» (Гумилев 1989: 15).	Этнос «... может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (Бромлей 1981: 27).

Происхождение и сущность этноса

«... этнографические явления нужно рассматривать как функцию биологическую...» (Широкогорov 1922: 10). «... война есть естественное стремление (психически) растущего этноса, проявляющего таким образом свою биологическую мощь, – война есть чисто биологическая функция этноса...» (Широкогорov 1923: 97).	К отмеченному выше Л.Н. Гумилев добавил, что этнос – это явление географическое: поскольку имеются разные ландшафты, то разнообразны и этносы (Гумилев 1990: 17), а также что этносы представляют собой «биофизические реальности, облеченные в социальную оболочку» (Там же: 29). «... этнология – это наука об импульсах поведения этнических коллективов, подобная этологии, науке о поведении животных» (Гумилев 1989: 18).	Приведенная выше дефиниция этноса избавляет от необходимости дополнительных пояснений о том, что Ю.В. Бромлей не сомневался в социальной природе этноса как продукта человеческого социогенеза. Ю.В. Бромлей определенно склонялся к тому, что самыми ранними этносами (и уж, во всяком случае, ЭСО) можно считать племенные образования, но не роды на доплеменной стадии развития (Там же: 12, 72)⁵. Иными словами, Ю.В. Бромлей отнюдь не считал этнос чем-то «первородным» в истории человечества.
---	---	---

С.М. Широкогоров	Л.Н. Гумилев	Ю.В. Бромлей
Этнические процессы		
Суть: основа движения этноса – стремление к захвату территории; этнос таким путем борется за существование в окружающей этнической среде (<i>Широкогоров</i> 1923: 100 и др.). Этносы могут находиться в состоянии стационарном, в развитии, в состоянии гибели (Там же: 88). «Развитие этноса происходит не по пути усложнения каждого явления, но по пути приспособления всего комплекса явлений» (Там же: 126).	Видимо, нет смысла пересказывать концепцию Л.Н. Гумилева (пассионарность, химеры и т.п.), достаточно хорошо известную в научных кругах. Замечу только, что в ней явственно просматриваются влияния предшественников: • взглядов С.М. Широкогорова, в частности, в том, что касается фаз состояния этноса; • «энергетических» концепций американских неозволюционистов Л. Уайта и Дж. Стюарда об источниках движения этнической материи, доведенных Л.Н. Гумилевым до абсурда.	«На протяжении своего существования каждый этнос практически перманентно подвергается этноэволюционным изменениям» (Там же: 64). «Более того, новые этносы не только возникают в наше время, но, очевидно, будут возникать в обозримом будущем» (Там же: 64). При этом Ю.В. Бромлей был весьма далек и от парадигмы «естественного отбора» С.М. Широкогорова и от фантастических построений Л.Н. Гумилева. Он был последовательным приверженцем историзма и социологизма в рассмотрении этнических процессов

При большом желании к примордиалистам (а точнее, к придуманным мною в этой статье *итерналистам*) можно отнести именно С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева, а также С.А. Арутюнова, который писал: «В том или ином облике этничность существует всегда, это такая же необходимая форма существования человека, как вид для остальной живой материи» (*Арутюнов* 1995: 8). И еще: «... этничность всегда, хотя бы незримо, присутствует в любой деятельности человека, даже если он этого не сознает или активно не желает» (Там же: 9). Впрочем, я не вкладываю в подобные «измы» какого-либо отрицательного смысла и никого не хочу обидеть. Тем более, что и меня можно при большом желании причислить к этим «итерналистам», поскольку я как-то написал о явлении «этнической самости»: «Оно может проявляться повсюду, влиять на любые сферы жизни и деятельности человека...» (*Чешко* 1994: 39). Правда, в этой фразе важно *допущение* такой возможности, а не утверждение неизбежности. А уж Ю.В. Бромлей считать «примордиалистом» нет никаких оснований. Он работал, в целом, в русле традиций советской исторической школы, которую тоже нельзя считать каким-либо вариантом примордиализма. Вообще же миф о связи советской этнографии с примордиализмом возник, как мне кажется, либо от непонимании сути дела, либо в пику советскому научному наследию – подобно тому, как в начале 1990-х годов было модно и прилично отвергать все советское.

* * *

Теоретические изыскания Ю.В. Бромлей можно оценивать по-разному, однако огульно отрицать его значение для науки было бы неправильно. Без сомнения – без сомнения для меня – Юлиан Владимирович Бромлей был крупным ученым, возможно, самой яркой личностью в истории советской этнографии.

Юлиан Владимирович достоин доброй памяти не только за его научные заслуги. Знаю по своему опыту общения – он был хорошим человеком. Полагаю (с учетом совместной работы и собственным опытом работы в качестве заместителя директора института), Ю.В. Бромлей был очень хорошим директором института. Думаю он был прекрасным организатором этнографической науки в стране – сегодня бы сказали «топ-менеджером».

В качестве руководителя Юлиан Владимирович мне запомнился способностью слушать, понимать и делать выводы. В качестве ЧЕЛОВЕКА... Это всегда очень субъективно, но любое мнение не может быть не субъективным. А вот когда директор академического института, приходя утром на работу, приветствует уборщицу по имени-отчеству, то это уже вполне объективный штрих к оценке его личности.

Может быть, лучше всего порядочность и мудрость Ю.В. Бромлея проявились в отношении Г.М. Афанасьевой, получившей во время одной из своих экспедиций тяжелейшую травму и оказавшейся прикованной к креслу-каталке. Юлиан Владимирович, вопреки всем существовавшим тогда правилам, оставил ее в штате Института на полной ставке. А Галина Михайловна, собрав все свое мужество и терпеливость и опираясь на поддержку супруга, Юрия Борисовича Симченко, сумела написать отличную книгу и защитить докторскую диссертацию.

Опыт общения с Юлианом Владимировичем Бромлеем и его заместителями в пору его директорства и моего появления в Институте (Соломон Ильич Брук и Леокадия Михайловна Дробизева), со многими старшими коллегами убеждает меня в том, что руководить академическим институтом означает, прежде всего, следующее:

- уважать людей – будь то научный сотрудник или «обслуживающий персонал»; отвратительно, когда начальник унижает подчиненного, но не менее отвратительно обратное – когда нижестоящие «по статусу» (закавычил потому, что в науке понятие «статус» имеет очень относительное значение) не соблюдают элементарных норм субординации и «цеховой» этики;
- иметь организационные навыки для управления коллективом;
- уметь *слышать* альтернативные точки зрения и делать, *если нужно*, коррективы в своей политике.

* * *

4 июня 1990 года Юлиан Владимирович умер. Грех так говорить, но он умер вовремя. Он не увидел развала своей страны. Он не услышал того, что нередко делают с его научным наследием.

Примечания

¹ Наверное, у Ю.В. Бромлея было бы больше оснований обижаться на П. Скальника, который в названии своей статьи почему-то закавычил только «теорию»: «Советская “теория” этноса и ее южноафриканская параллель» (Скальник 2006). Из контекста статьи, на мой взгляд, вовсе не следует, что автор уж настолько пренебрежительно относился к творчеству Ю.В. Бромлея. В статье содержится немало критических замечаний, в том числе и несправедливых. Но в то же время, отмечены и заслуги Ю.В. Бромлея перед советской наукой.

² При этом Ю.В. Бромлей проигнорировал замечания Широкогогорова о том, что понятия «племя», «народность», «национальность» настолько туманны с научной точки зрения, что их нельзя употреблять в исследовательских целях (*Широкогогоров* 1923: 13–15). Бромлей проигнорировал и другой пассаж Широкогогорова о том, что представление о том, что «... у современных цивилизованных народов... нация определяет собою группу людей, объединенных в государство единством обычаев, языка и происхождения» неверно. Широкогогоров писал в связи с этим, что у английской, американской, французской и других наций нет единства *происхождения* (Там же: 14).

Пожалуй, наиболее обстоятельный анализ взглядов С.М. Широкогогорова, во всяком случае в отечественной научной литературе, дал А.М. Кузнецов (*Кузнецов* 2006).

³ П. Скальник детализировал эту «трехчленку», отметив, что у Ю.В. Бромлей присутствует «пятичленка» – ЭСО (этносоциальные организмы) стадий племени, рабовладельческой и феодальной народностей, буржуазной и социалистической наций (*Скальник* 2006: 80).

⁴ Правда, смысл термина «народность» менялся. Так у Даля читаем: «... **Народность**, совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого» (*Даль* 1995: 462). Иными словами, термин «народность», как это зафиксировал для своего времени В.И. Даль (1860-е годы), означал не какую-то человеческую общность, а то, что мы сегодня могли бы назвать «этничностью» в *онтологическом* смысле этого понятия.

⁵ В этом отношении «примордиалистами», скорее, можно считать, например, В.Р. Кабо, считавшего первобытную общину «исторически первой и элементарной этнической единицей» (*Кабо* 1988: 43), и В.П. Алексеева, усматривавшего в «малочисленных эндогамных образованиях первобытности» выражение начальных стадий процесса этнообразования (*Алексеев* 1986: 136).

Литература

- Академик 2003 – Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / отв. ред. С.Я. Козлов. М.: Наука, 2003.
- Арутюнов 1995 – Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение, 1995. № 5. С. 7–10.
- Арутюнов 2006 – Арутюнов С.А. Мысли Кролика у овра Братца Лиса // Этнографическое обозрение, 2006. № 3. С. 104–106.
- Бромлей 1973 – Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
- Бромлей 1981 – Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981.
- Бромлей 1982 – Бромлей Ю.В. Основные тенденции этнических процессов в современном мире // Советская этнография, 1982. № 2. С. 3–15.
- Бромлей 1983 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Гумилев 1989 – Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. 2-е изд. Л.: ЛГУ, 1989.
- Гумилев 1990 – Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.
- Даль 1995 – Даль В. Толковый словарь живого русского языка. М.: Издательский центр «ТЕР-РА», 1995. Т. 2.
- Заринов 2000 – Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблемы интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение, 2000. № 2. С. 3–18.
- Заринов 2002 – Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение, 2002. № 1. С. 3–30.

- Карлов 2014 – Карлов В.В. Этнос и этнокультурные процессы в эпоху глобализации // Вестник антропологии, 2014. № 2 (28). С. 6–14.
- Кауганов 2016 – Кауганов Е.Л. Содержание и динамика немецкой национальной идентичности после Второй мировой войны. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Козлов 1995 – Козлов В.И. Проблематика «Этничности» // Этнографическое обозрение, 1995. № 4. С. 39–55.
- Колпаков 1995 – Колпаков Е.М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение, 1995. № 5. С. 13–23.
- Кузнецов 2006 – Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение, 2006. № 3. С. 57–71.
- Мыльников 2002 – Мыльников А.С. О феномене «постэтничности»: современный взгляд на некоторые идеи Ю.В. Бромлея // Этнографическое обозрение, 2002. № 2. С. 3–9.
- Примордиализм 2016 – Примордиализм. Википедия – свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org>. Дата обращения: апрель 2016.
- Рыбаков 2001а – Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // Этнографическое обозрение, 2001. № 1. С. 3–22.
- Рыбаков 2001б – Рыбаков С.Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.
- Савинов Л.В. Управление национальными отношениями: учеб. пособие. РАНХиГС, Сиб. Ун-т упр. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014.
- Скальчик 2006 – Скальчик П. Советская «теория» этноса и ее южноафриканская параллель // Этнографическое обозрение, 2006. № 3. С. 73–85.
- Тишков 2003 – Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Филиппов 2010 – Филиппов В.Р. «Советская теория этноса». Историографический очерк. М.: Институт Африки РАН, 2010.
- Формирование 2015 – Формирование понятийного аппарата в области гармонизации межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений (методические определения, статьи, стенограмма заседания) / По материалам семинара, прошедшего 28 октября 2014 года в Общественной палате Российской Федерации. М., 2015.
- Хан 2015 – Хан В.С. Об антиномиях и современном противостоянии в этнологии // Вестник антропологии, 2015. № 1 (29). С. 4–25.
- Чешко – Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение, 1994. № 6. С. 35–49.
- Чешко 2014а – Чешко С.В. Вспомнить об «этноте»? // Вестник антропологии, 2014. № 2 (28). С. 20–25.
- Чешко 2014б – Чешко С.В. Этнология и социальная антропология: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2014.
- Широкогоров 1922 – Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922.
- Широкогоров 1923 – Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.
- Элез 2001 – Элез А.Й. Критика этнологии. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001.
- Ethnic 1970 – Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences / Ed. by Frederik Barth. Bergen; Oslo; London, 1970.
- Van den Berghe 1987 – Van den Berghe Pierre L. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1987.

References

- Akademik Iu. V. Bromlei i otechestvennaia etnologia. 1960–1990-e gody. S.Ia. Kozlov (ed.). Moscow: Nauka, 2003.
- Arutiunov S.A. Mysli Krolika u odra Brattska Lisa // Etnograficheskoe obozrenie, 2006. No. 3. Pp. 104–106.

- Bromlei Iu.V.* Etnos i etnografiia. Moscow: Nauka, 1973.
- Bromlei Iu.V.* Ocherki teorii etnosa. Moscow.: Nauka, 1983.
- Bromlei Iu.V.* Osnovnye tendentsii etnicheskikh protsessov v sovremennom mire // Sovetskaia etnografiia, 1982. No. 2. Pp. 3–15.
- Bromlei Iu.V.* Sovremennye problemy etnografii (ocherki teorii i istorii). Moscow: Nauka, 1981.
- Cheshko S.V.* Chelovek i etnichnost' // Etnograficheskoe obozrenie, 1994. No. 6. Pp. 35–49.
- Cheshko S.V.* Etnologiya i sotsial'naya antropologiya: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. obrazovaniia. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2014.
- Cheshko S.V.* Vspomnit' ob «etnose»? // Vestnik antropologii, 2014. No. 2 (28). Pp. 20–25.
- Dal' V.* Tolkovyĭ slovar' zhivogo russkogo iazyka. Tom vtoroi. Moscow: Izdatel'skii tsentr «TER-RA», 1995.
- Elez A.I.* Kritika etnologii. Moscow: MAIK «Nauka/Interperiodika», 2001.
- Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences. Frederik Barth (ed.). Bergen; Oslo; London, 1970.
- Filippov V.R.* «Sovetskaia teoriia etnosa». Istoriograficheskii ocherk. Moscow: Institut Afriki RAN, 2010.
- Formirovanie poniatiinogo apparata v oblasti garmonizatsii mezhna-tional'nykh (mezhetnicheskikh) i mezhreligioznykh otnoshenii (metodicheskie opredeleniia, stat'i, stenogramma zasedaniia) / Po materialam seminar, proshedshego 28 oktiabria 2014 goda v Obshchestvennoi palate Rossiiskoi Federatsii. Moscow, 2015.
- Gumilev L.N.* Etnogenez i biosfera zemli. 2-e izd. Leningrad: LGU, 1989.
- Gumilev L.N.* Geografiia etnosa v istoricheskii period. Leningrad: Nauka, 1990.
- Karlov V.V.* Etnosy i etnokul'turnye protsessy v epokhu globalizatsii // Vestnik antropologii, 2014. No. 2 (28). Pp. 6–14.
- Kauganov E.L.* Soderzhanie i dinamika nemetskoĭ natsional'noi identichno-sti posle Vtoroi mirovoi voyny. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Moscow: IEA RAN, 2016.
- Khan V.S.* Ob antinomiiakh i sovremennom protivostoianii v etnologii // Vestnik antropologii, 2015. No. 1 (29). Pp. 4–25.
- Kolpakov E.M.* Etnos i etnichnost' // Etnograficheskoe obozrenie, 1995. No. 5. Pp. 13–23.
- Kozlov V.I.* Problematika «Etnichnosti» // Etnograficheskoe obozrenie, 1995. No. 4. Pp. 39–55.
- Kuznetsov A.M.* Teoriia etnosa S.M. Shirokogorova // Etnograficheskoe obozrenie, 2006. No. 3. Pp. 57–71.
- Myl'nikov A.S.* O fenomene «postetnichnosti»: sovremennyi vzgliad na nekotorye idei Iu.V. Bromleia // Etnograficheskoe obozrenie, 2002. No. 2. Pp. 3–9.
- Primordializm. Wikipedia – the free encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org>.
- Rybakov S.E.* Filosofii etnosa. Moscow: IPK Gossluzhby, 2001.
- Rybakov S.E.* Sud'by teorii etnosa. Pamiati Iu.V. Bromleia // Etnograficheskoe obozrenie, 2001. No. 1. Pp. 3–22.
- Savinov L.V.* Upravlenie natsional'nymi otnosheniami: ucheb. posobie. RANKhiGS, Sib. Un-t upr. Novosibirsk: Izd-vo SibAGS, 2014.
- Shirokogorov S.M.* Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniia etnicheskikh i etnograficheskikh iavlenii. Shankhai, 1923.
- Shirokogorov S.M.* Mesto etnografii sredi nauk i klassifikatsiia et-nosov. Vladivostok, 1922.
- Skal'nik P.* Sovetskaia «teoriia» etnosa i ee iuzhnoafrikanskaia parallel' // Etnograficheskoe obozrenie, 2006, No. 3. Pp. 73–85.
- Tishkov V.A.* Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii. Moscow: Nauka, 2003.
- Van den Berghe Pierre L.* The Ethnic Phenomenon. New York, 1987.
- Zarinov I.Iu.* Sotsium – etnos – etnichnost' – natsiia – natsionalizm // Etnograficheskoe obozrenie, 2002. No. 1. Pp. 3–30.
- Zarinov I.Iu.* Vremia iskat' obshchii iazyk (problemy integratsii razlichnykh etnicheskikh teorii i kontseptsii) // Etnograficheskoe obozrenie, 2000. No. 2. Pp. 3–18.

S.V. Cheshko. Heritage of Yu.V. Bromley.

The article is devoted to the memory of the outstanding scientist and organizer of Soviet the ethnographic science – Yu.V. Bromley. Specifically, the «theory of ethnos», developed by Y. Bromley, is observed. In addition, Yu.V. Bromley relied on extensive empirical material, used some ideas of other prominent domestic researchers and took into account the achievements of foreign science. In recent decades, the «theory of ethnos» have been strictly criticised. The author believes that despite all the obvious shortcomings of this concept, it made a significant contribution to the development of the domestic theoretical thought in the field of ethnology. In addition, the author exposes the analysis and criticism of a myth, emerged in the early 1990s, that «the theory of ethnos» is not more than a variant of Western «primordialism».

Key words: *ethnography, ethnology, anthropology, «theory of ethnos», «primordialism», «constructivism».*

УДК 93/99

© Г.А. Комарова

РОЛЬ Ю.В. БРОМЛЕЯ В СУДЬБЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ*

Лучше или хуже Бромлей Боаса или Тернера – это вопрос оценки личного вклада, а вот что Бромлей характеризует целый период в истории советской этнографической мысли – это факт истории, и никуда от него не уйдешь.
Л.С. Клейн (АФ 2015 № 26: 316).

Формирование новых научных подходов, основанных на междисциплинарной интеграции было важной отличительной чертой советской этнографии в 1960–1980-е годы, когда Ю.В. Бромлей возглавлял Институт этнографии АН СССР. Среди них особое место занимали этносоциологические исследования. Статья посвящена роли Ю.В. Бромлея в становлении этносоциологии, которая, в свою очередь, оказала существенное влияние на развитие советской этнографической науки

Ключевые слова: этнография, этнология, этнос, междисциплинарность, этносоциология, этнометодология, этничность

Юбилей, особенно если отсчет времени идет на десятилетия, дает повод для того, чтобы оглянуться назад, оценить итоги пройденного и заглянуть в будущее. В 2016 году исполняется 95 лет со дня рождения Ю.В. Бромлея и пятьдесят лет с момента создания в Институте этнографии АН СССР нового структурного подразделения «Сектора конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР», в лоне которого на стыке этнографии и ряда смежных наук возникла отечественная этническая социология (этносоциология), особая роль в становлении и развитии которой принадлежит именно Юлиану Владимировичу Бромлею. Абсолютно прав М.Н. Губогло, который считает, что «нас можно было бы принять за манкуртов, если бы мы не помнили, не понимали и не признали того, что расширением своего тематического горизонта отечественная этнология в немалой степени обязана административной и творческой деятельности академика Ю.В. Бромлея <...> Зеленый свет, открытый им для ряда новых научных направлений, не означал “балканизацию” этнографии, а “обромлял” ее такими междисциплинарными спутниками, без которых она оказалась бы не способной идти в ногу со временем, когда Россия вступила в период крутых трансформационных процессов» (Губогло 2003: 131).

Отечественная этнография традиционно сопряжена с историей, археологией, антропологией, демографией и другими родственными науками, а развитие междисциплинарных научных направлений на их основе было предметом постоянной заботы академического руководства. Еще Сергей Павлович Толстов, бывший с 1943 по

Комарова Галина Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: galakom@mail.ru.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00043а.

1965 гг. директором головного (главного) в СССР академического учреждения – Института этнографии АН СССР, призывал «... развивать те отрасли науки, которые связаны с этнографией и позволяют представить происхождение и жизнь народов» (Толстов 1957). Не случайно в годы правления С.П. Толстова «институт стал этим славиться» (Тишков 1995: 94). Наиболее прогрессивные этнографы были убеждены в том, что «этнография – дисциплина, обладающая огромным тематически разнообразнейшим материалом, может и должна служить источником для ряда различных отраслей науки» (Косвен 1946: 227). В научном сообществе считалось, что «этнография, сохраняя определенную специфику методики, вносит свой вклад в разрабатываемое комплексом обществоведческих наук понимание процессов, происходящих в общественной жизни современных народов» (Альтман, Куманев 1964: 252–253).

Юлиан Владимирович Бромлей, пришедший на смену Сергею Павловичу Толстову и руководивший ИЭ АН СССР с 1966 по 1989 гг., полагал, что «специфика предмета этнографии приводит к тому, что у нее нет зон, разделов знания, которые не пересекались бы с какой-либо из смежных наук, позволяющих углубить познание этнически особенного» (Бромлей, Шкаратан 1969: 18). Ю.В. Бромлей и его единомышленники считали, что «поскольку познавательные задачи этнографии требуют исследования не какой-либо одной конкретной сферы жизни народа, а всех сфер, в которых находит проявление этническая специфика, постольку этой науке присущ комплексный подход и применение многообразных приемов изучения общества, созданных в различных науках» (Бромлей, Шкаратан 1969: 7). И в целом в советской этнографии тех лет господствовало представление о том, что «все крупные обществоведческие проблемы наших дней являются комплексными» (Бромлей, Шкаратан 1969: 3). Можно было бы приводить многочисленные примеры того, как в 1960–1980-е годы большинство сотрудников ИЭ АН СССР постоянно соприкасались с междисциплинарностью в этнографии/этнологии. Вся атмосфера и научная жизнь в институте тех лет были пронизаны идеями междисциплинарного подхода, а любая обществоведческая проблематика требовала комплексных исследовательских подходов.

Междисциплинарная интеграция этнографии со смежными науками и формирование на их основе таких новых научных направлений как этнодемография, этноэкология, этнография детства, этноэкономика, этнолингвистика, этнопсихология, этническое картографирование, этностатистика, этнохореография, этносоциология особенно активно шла именно в 1960–1980-е годы минувшего века, когда ИЭ АН СССР возглавлял Ю.В. Бромлей (Брук 1978; Козлов 1982, 1994; Кон 1983; Комарова 1980, 1985, 2004, 2005а, 2012, 2014). Особое место в этом процессе принадлежало этносоциологии – междисциплинарному направлению, возникшему в конце 1960-х годов на стыке относительно молодой конкретной социологии и традиционной этнографии и оказавшему существенное влияние на развитие этнографической науки этого периода.

Причины возникновения этносоциологии в СССР

Регулирование межэтнических отношений всегда было важной задачей и вместе с тем камнем преткновения для советской власти. Долгосрочный исторический эксперимент по строительству в СССР федерального государства на этнической основе требовал постоянного осмысления и теоретического анализа. Однако обсуждение национальных проблем почти тридцать лет было под запретом. Как заметил извест-

ный российский социолог Б.М. Фирсов, «в Советском Союзе потребовались тридцатилетние усилия для того, чтобы “с грехом пополам” обеспечить благоприятные условия для раскрепощения социологического знания» (Фирсов 2011: 223). Лишь в 1956 г. национальная проблематика вошла специальным разделом в Отчетный доклад XX съезда КПСС и только после этого советским ученым было разрешено заниматься социологией с целью подтверждения правильности политики КПСС. В результате в СССР возник заказ на фундаментальные социологические знания, отражающие изменения в жизни народов с обязательным учетом этнического многообразия населения страны, 45% которого составляли нерусские. Выдвинутая перед советской наукой задача в результате стала одним из объективных факторов возникновения этносоциологии в СССР.

В советской этнографии тех лет также наметились определенные изменения. Они были вызваны тем, что во внешней политике СССР появился особый интерес к странам, получившим независимость после второй мировой войны; а во внутренней политике советское руководство стремилось продемонстрировать свои успехи в национальной сфере. «Перед советскими этнографами ставилась задача – исследовать современные этнические процессы как у нас в стране, так и за рубежом» (Бромлей, Шкаратан 1969: 16). Это была задача изучения актуальных проблем современности, т. е. процессов и явлений, выходящих за рамки традиционного этнографического знания, к чему они ни теоретически, ни методологически не были готовы. К концу 1960-х годов «со всей очевидностью обнаружилась острая необходимость в новых путях и средствах изучения современных этнических процессов. Охарактеризовать современное этническое развитие и его перспективы невозможно было без конкретного изучения особенностей культуры, быта, психологии в различных социальных средах и ситуациях» (Дробижева 1976: 64). Именно в этот период в советском этнографическом сообществе (как, впрочем, и в западной науке) наметился кризис, вызванный изменением объекта исследования этнографической науки, в промышленно развитых странах, где этническая множественность социальных явлений и усложнившаяся социальная дифференциация этнических процессов уже не могли быть в достаточной мере изучены методами традиционной этнографии. Этнографам «для прорыва в современность» был необходим переход с микроуровня исследований, отражаемого в их работах, на макроуровень, освещаемый социологами (Дробижева 2001). Советские социологи в эти годы также стремились «расширить границы конкретных исследований и усилить их результативность в понимании исключительно важных для страны социально-национальных процессов» (Арутюнян и др. 1986: 3). Взаимное стремление «социологизировать» этнографию и «этнографизировать» социологию (а по сути дела, возникновение фундаментального конфликта внутри самих дисциплин) послужило еще одним важным объективным фактором рождения этносоциологии (Бромлей; Шкаратан 1969: 17).

Родоначальниками этнической социологии на Западе принято считать У. Томаса и Ф. Знанецкого, создавших в начале XX века классическую работу «Польский крестьянин в Европе и Америке». Хотя «Философский словарь» Генриха Шмидта, изданный в Лейпциге в 1932 г., упоминая о существовании особой «этнологической социологии», среди самых известных имен называет таких ученых, как Адольф Бастиан, Эрнст Гроссе, Вильгельм Копперс, Вильгельм Шмидт, Генрих Шурц. Сам термин «этносоциология» был введен в научный оборот Р. Турнвальдом в 1930-е годы и означал изучение социальных явлений в доиндустриальных обществах. Но, незави-

симо от этого, в советской науке он появился в середине 1960-х годов как название междисциплинарного направления, возникшего на стыке этнографии и социологии. Родоначальник отечественной этносоциологии чл.-корр. РАН Юрий Варганович Арутюнян спустя сорок лет после ее возникновения подчеркивает, что «рождение этносоциологии в нашей, в прошлом еще более многонациональной, стране не случайно. Оно было продиктовано временем – ростом потребности понимания национальных отношений и возможностей их реального осмысления. Возникновение этносоциологии по существу было одним из множества следствий поворота в социальной жизни страны, памятной для многих исторической оттепели. Без этого не могло быть бракосочетания социологии с этнографией, уже в 1970–1980-е годы способствовавшего расширению реальных границ традиционной этнографической науки и в какой-то мере преобразовавшего ее сущность» (Арутюнян 2009: 13).

Наряду с объективными причинами появления отечественной этносоциологии, существовали и субъективные факторы. Важнейшим из них стал тот факт, что в 1966 г. директором Института этнографии АН СССР (с 1990 г. – ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН) был назначен Ю.В. Бромлей. Как вспоминает В.Р. Кабо, научный сотрудник ИЭ АН СССР с февраля 1957 года, «диктатура старомодного консерватора Толстова сменилась правлением Бромлея, представителя иного поколения, более гибкого политически и идеологически... Бромлей чутко улавливал малейшие перемены, происходившие на верхах власти, и мгновенно реагировал на них» (Кабо 2008: 229). Юлиан Владимирович Бромлей в те годы не только занимал достаточно влиятельные позиции в Президиуме АН, но и был склонен к научным инновациям. Возглавляя Межведомственный научный совет по изучению национальных процессов при Президиуме АН СССР, он понимал новые задачи и перспективы этнографии.

Перед советскими этнографами стояла дилемма: либо отказаться от изучения современности, либо кооперироваться с социологами. Между тем, они знали о том, какие важные изменения происходили в социальной и культурной антропологии на Западе. В частности, было известно, что в науках исторического цикла к 1950-м годам победила «новая история»: история структур, а не событий, история экономическая и социальная, история «большой длительности» (*la longue duree*, по выражению Ф. Броделя). К тому же, когда в послевоенные десятилетия большое распространение получили количественные, математические методы (клиометрия), изучение индустриальных обществ, социально значимых проблем современных народов и межэтнических отношений все более переходило к социологии. Однако, когда уже казалось, что новая парадигма прочно утвердилась в мировой науке, стали раздаваться голоса о том, что история, изучая «массы», потеряла из виду реального, живого человека, стала анонимной и обезличенной. Дискуссия, разгоревшаяся в западной социологии между «качественниками» и «количественниками» в 1960–1970-е годы (Ковалев, Штейнберг 1999; Семенова 1998), ярко отразила разочарование ученых в объяснительной силе социальных наук, в целом, и социологии, в частности. Так, В. Филстед утверждал, что «... теоретические, методологические и понятийные тенденции углубляют пропасть между социологами и эмпирическим социальным миром. <...> Возрастающая тенденция к квантификации ведет к уменьшению понимания этого мира <...>. Если мы хотим лучше понять человеческое поведение, то вместо того, чтобы постоянно увеличивать дистанцию от феноменов эмпирического социального мира, социологи должны вступать с людьми в прямой контакт» (Filstead 1979: 29).

В результате смена приоритетов в западных социальных науках привела к их антропологизации, которая стала закономерной стадией в длительной эволюции науки. Важно отметить, что этот междисциплинарный диалог представителей разных наук, и прежде всего антропологии и социологии, возник не в результате простых заимствований из смежных дисциплин, а вследствие внутренней потребности в обновлении методики и проблематики, которую наука испытывала в послевоенные десятилетия. Взаимное знакомство с достижениями социальных наук оказалось одним из средств этого обновления (см. подробнее: Комарова 2012).

Советские этнографы в «споре о позитивизме» участия не принимали. Но среди них были такие, кто также разделял опасение, что увлечение количественной социологией ведет к гигантскому разрыву между миром социальным и миром социологическим, сконструированным учеными. Наряду с этим они считали, что важнейшие с точки зрения этнографии методы исследования – неструктурированное включенное наблюдение и нарративное интервью – социологи несправедливо считают второсортными, хотя именно с их помощью можно понимать и анализировать социальные действия.

К числу этих ученых относился и Юлиан Владимирович Бромлей. Возглавив Институт этнографии, он заявил: «Мы сделаем другой институт, в котором будет развиваться социология национальных отношений как новая самостоятельная область» (Дробижева 2003). Ю.В. Бромлей был утвержден в должности директора ИЭ АН СССР Общим собранием АН СССР 8 февраля 1966 года. А 25 февраля 1966 года Президиум АН СССР уже постановил: «Для развития конкретно-социальных исследований в области этнографии организовать в Институте этнографии АН СССР Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР», позднее переименованный в Отдел этносоциологии, что и положило начало возникновению нового междисциплинарного направления – отечественной этносоциологии. В ее становлении и развитии в 1960–1980-е годы правления Ю.В. Бромлей, на мой взгляд, можно выделить, три периода:

- 1) 1966–1971 гг. – период становления;
- 2) 1972–1985 гг. – академический период;
- 3) 1986–1990 гг. – период перестройки.

Период становления этносоциологии

Академик Ю.В. Бромлей считал, что «наиболее перспективный путь дальнейшего прогресса в изучении национальных отношений – кооперация специалистов, представляющих различные научные дисциплины» (Куличенко 1980: 319). Неслучайно, начиная с середины 1960-х годов с целью формирования и развития этносоциологического направления коллектив Института этнографии АН СССР постоянно пополняли историки, социологи, психологи, философы, демографы, математики: Ю.В. Арутюнян (1966 г.), В.А. Большаков (1966 г.), И. А. Гришаев (1974 г.), А.И. Гинзбург, Л.М. Дробижева (1969 г.), И.С. Кон (1978 г.), В.С. Кондратьев (1966 г.), А.Д. Коростелев (1980 г.), А.М. Коршунов (1975 г.), И.М. Кузнецов (1974 г.), А.А. Сусоколов (1975 г.), С.В. Тютюкин (1967 г.), В.Н. Шамшуров (1971 г.), О.И. Шкаратан (1981 г.), Г.В. Старовойтова (1988 г.) и другие специалисты.

Первым из этих ученых в ИЭ АН СССР Бромлей пригласил Юрика Вартановича Арутюняна. К тому времени Ю.В. Арутюнян – «один из плеяды выдающихся исто-

риков, сформировавшихся в послесталинский период, во времена хрущевской оттепели» (Губогло 2004: 3), был уже известным ученым. Окончив в 1949 г. Ереванский педагогический институт, а в 1952 г. аспирантуру Института истории АН СССР, он с 1965 по 1969 гг. возглавлял Лабораторию конкретно-социологических исследований философского факультета МГУ. Ю.В. Арутюнян был инициатором организации и проведения широкомасштабных конкретно-социологических исследований советской деревни, которые с начала 1960-х годов осуществлялись в рамках исследовательского комитета по социологическим проблемам села Советской социологической ассоциации. В ходе этих обследований изучался широкий круг проблем: формирование социальной структуры советского села; основные этапы и тенденции его развития; социально-профессиональные и управленческие группы в сельском населении; их характеристики в разных сферах жизни; процессы социальной мобильности и т.д. Материалы историко-социологических исследований села нашли отражение в книгах Ю.В. Арутюняна «Историческая роль МТС и их реорганизация» (М., 1958), «Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг.» (М., 1960), «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны» (М., 1964). Таким образом, к 1966 году с именем Арутюняна уже было связано утверждение важного и перспективного междисциплинарного направления, находящегося на стыке социологии и истории. И неслучайно Ю.В. Арутюнян стал лидером нового междисциплинарного направления, возникшего в лоне советской этнографии.

Особенно важная и незаменимая роль досталась Ю.В. Арутюняну в первые годы становления нового научного направления. По словам самого Юрика Варгановича, на первых порах он «выполнял своеобразную роль «отца-одиночки» нового направления: пестовал, лелеял, учил его делать первые шаги; подбирал единомышленников, обучал учеников, создавал команду...» (АФ 2009). Он не только возглавил в 1966 году вновь созданный в рамках ИЭ АН СССР сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР и стал признанным родоначальником зарождающейся отечественной этносоциологии, но всегда был и остается ее идеологом и мозговым центром. Как вспоминают ученицы и коллеги Ю.В. Арутюняна – В.К. Малькова и Л.В. Остапенко, «в рабочем портфеле Юрика Варгановича всегда было полно идей, которыми он со свойственной ему широтой души делился с нами, своими единомышленниками, а мы, в свою очередь, подхватывали и сообщая претворяли их в научную действительность» (АФ 2009).

Высокий научный авторитет Ю.В. Арутюняна, а также богатый административный и творческий ресурс Ю.В. Бромлея позволили к началу 1970-х годов собрать в стенах ИЭ АН СССР высокоинтеллектуальную и профессиональную команду единомышленников с различной научной специализацией, но объединенных одним научным направлением. По мнению Л.М. Дробижевой, «их первоначальные научные интересы заметно отразились на облике отечественной этносоциологии: Ю.В. Арутюнян разрабатывал сельскую социологию, О.И. Шкаратан – урбансоциологию, И.С. Кон – социологию личности и т.д.» (Дробижева 2003). Наряду с вышеперечисленными специалистами, имеющими различное базовое образование и успешно работающими под руководством Ю.В. Арутюняна в Секторе конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР с самого момента его создания, в нем трудились и профессиональные этнографы, специализирующиеся на исследовании проблем современности: М.Н. Губогло (1966 г.), Ж.А. Иванова (1966 г.), В.К. Маль-

кова (1968 г.), А.П. Новицкая (Санникова) (1967 г.), Л.В. Остапенко (1967 г.), С.С. Савоскул (1968 г.), Л.А. Тульцева (1970 г.) и др. Многие их коллеги – «традиционные» этнографы – также проявили большой интерес к новому направлению и в дальнейшем работали в тесном сотрудничестве с этносоциологами.

Однако в целом советское этнографическое сообщество отнеслось к появлению этносоциологии неоднозначно и настороженно. Как заметил В.А. Тишков, отвечая на вопрос о различии и единстве между этнографией и этнической социологией, «в рамках нашего института, например, очень трудно приживалась этническая социология, т.е. изучение этничности методами социологического опроса». При этом, не отрицая высокого статуса, достигнутого этносоциологией в системе отечественного обществоведения, он справедливо резюмировал: «Нужно отдать должное родоначальникам этого направления (Ю.В. Арутюняну, М.Н. Губогло и Л.М. Дробижевой), которые утвердили это направление в такой степени, что оно стало почти отдельной дисциплиной на стыке двух наук – этнологии и этносоциологии» (Тишков 2001: 13). И все же в 1960–1980-е годы среди традиционных этнографов встречалось немало тех, кто считал этносоциологию чуждой этнографии. Например, по мнению В.Н. Басилова, «Ю.В. Бромлей, расширив рамки предмета этнографии, по сути дела разрушил эту науку» (Басилов 1992: 8–9; Кон 1993: 5). Правда, несколько позже В.Н. Басилов, не согласившись с общественной оценкой своей позиции, откорректировал ее следующим образом: «Ю.В. Бромлей сузил предмет этнографии, отняв у нее задачу исследования современности... У отечественной этнографии в ходе экспериментов Ю.В. Бромлея отнимались и предмет исследования, и молодые кадры, и жизненное пространство» (Басилов 1993: 161). Этнографы – «традиционалисты» считали, что в ИЭ АН СССР в 1960–1980-е годы «шло последовательное разрушение этнографии. И курс на перерастание в социологию (приставка “этно” – не меняет сути дела) и провозглашение теоретических исследований приоритетными (в отличие от конкретных) означали одно: этнографии отводилось место второстепенной и бесперспективной, отжившей свой век дисциплины» (Басилов 1995: 38). Более того, некоторая часть этнографов считала, что администрация ИЭ АН СССР «в прямом смысле слова вытесняла этнографию из Института, принимая в штат специалистов, не занимающихся и не собирающихся заниматься этнографией. К началу 1980-х годов этнографы в московской части Института этнографии составляли меньшинство» (Басилов 1995: 31). В целом, у определенной части отечественных этнографов сформировалось мнение о том, что «этносоциология не оправдала связанных с ней ожиданий» (Басилов 1992: 9). Ссылаясь на то, что «под социологическими понимаются строго формализованные методы сбора эмпирической информации», они считали одной из причин кризиса отечественной этнографии – «увлечение социологией (в ущерб собственно этнографии)» (Этнография 1982).

По словам В.Р. Кабо, в 1960–1980-е годы «теория этноса стала, благодаря Бромлею, ключевой проблемой этнографии, оттеснившей на второй план другие проблемы. Под его пером этнос приобрел черты абстрактной теоретической конструкции, имеющей весьма отдаленное отношение к той живой действительности, которую призвана изучать этнография. Неслучайно именно при Бромлее в институте расцвели смежные с этнографией науки – социология, демография, фольклористика, в то время как полевое этнографическое исследование – главный источник этнографических фактов – все более вырождалось. На всей продукции Института этнографии лежала печать провинциализма, самоизоляции от мирового научного процесса; да

что там – рвались последние связи даже с традициями отечественной этнографии. Публикации этнографов стали образцом ползучего эмпиризма; теоретических обобщений они боялись и избегали» (Кабо 2008: 229–230).

Однако в научном сообществе были и такие ученые, которые полагали, что расширение границ традиционной этнографии и сближение ее со смежными общественными науками – тенденция современного познания мира. Они считали огромной заслугой академика Ю.В. Бромлея то, что он понимал и разделял подобный научный подход. По их мнению, «если бы нашим парадом вместо Ю.В. Бромлея командовал Басилов, ни этносоциологии, ни этнопсихологии, ни этнографии детства у нас бы не было» (Кон 1993: 5). А ведь именно фундаментальные исследования в области междисциплинарных направлений позволили советским этнографам и этносоциологам даже в условиях идеологического прессинга изучать реальные процессы развития народов СССР. Этносоциологические исследования изначально имели междисциплинарный характер, используя знания, научные подходы, исследовательские приемы и методы не только этнографии/этнологии/антропологии, социологии, но и истории, социальной психологии, политологии, демографии, экономики и других наук.

Этносоциологию с момента возникновения определили как междисциплинарное направление, изучающее социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах. «Судьбы наций в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов – изменения общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов, т.е. явлений, выходящих за рамки традиционных этнографических интересов. Это, скорее, проблемы социологические, но, со своей стороны, без этнографического анализа, и в первую очередь внимания к этнической множественности социальных явлений, они также не могут быть осмыслены» (Арутюнян и др. 1986: 4), – таким было представление о новой дисциплине. Становление этносоциологии сопровождалось дискуссиями о предмете и объекте науки, а также о применении специальных методов получения научного знания. Как отметил С.В. Соколовский, «советская этносоциология развивалась приблизительно по тому же пути, что и американская социология этнических групп, но ее институциональное положение (“прописка” в Институте этнографии, а не в Институте социологии АН СССР) при использовании вполне социологических методов исследования обуславливала ее ориентацию на этнографическую проблематику и интеграцию в тогдашнюю этнографию. С другой стороны, советская теоретическая этнография (в частности, теория этнических процессов) многое заимствовала из проводимых американскими социологами исследований ассимиляции и несла на себе печать социологического мышления» (АФ 16: 137).

Взаимосвязь общих социальных явлений и процессов с этническими явлениями и процессами составляла предмет исследований этносоциологии в период ее формирования. На следующих этапах развития этносоциологии видение предмета трансформировалось от «общего определения к развернутому представлению о предметной области этносоциологии как дисциплины, изучающей социальные аспекты развития и функционирования этносоциальных и этнокультурных групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды, взаимодействий между личностью и этнической общностью, закономерности соци-

альных действий и коллективного поведения этнических групп» (Арутюнян и др. 1999; Губогло 2002; Дробижева 2003). Объектом этносоциологии стали народы (этноты) в их социальном многообразии. В советской науке тех лет этноты изучали, прежде всего, этнографы. Этносоциологический подход отличался тем, что в этносоциологических исследованиях объект рассматривался через личность, включенную в этническую группу. Этнические группы в социологическом понимании – это сегменты, части общества, члены которых осознают себя (или считаются с точки зрения других) носителями общей культуры и обладают чувством солидарности (Дробижева 1976).

Конкретный анализ в этносоциологии всегда осуществлялся как с учетом макросреды (т.е. общих социально-экономических и политических условий в стране), так и различных уровней микросреды (начиная с особенностей этнической и социокультурной ситуации в различных типах городов и сел и кончая средой личного общения людей: работа, учеба, семья и т.д.). Неслучайно Ю.В. Бромлей настаивал на том, «чтобы этносоциология ни в коем случае не сводилась к изучению просто социальных параметров наций (без корреляции с этническими факторами), это будет уже просто конкретная социология» (Бромлей 1987: 162).

Исследования в этносоциологии базировались на широкой источниковедческой базе, позволявшей получить целостное представление о предмете этносоциологических исследований, а именно – о системной взаимосвязи социальных и этнических явлений и процессов. Вот почему, начиная со своих первых крупных проектов, этносоциологи выделяли две стратегические линии исследований – изучение социальных процессов в различных этнических средах и этнокультурных процессов в их социальном разнообразии. Как отмечал Ю.В. Арутюнян, «судьбы наций в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов, изменения общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов, т.е. явлений, выходящих за рамки традиционных этнографических интересов. Это скорее проблемы социологические, но, со своей стороны, без этнографического анализа, и в первую очередь, внимания к этнической множественности социальных явлений, они также не могут быть осмыслены» (Арутюнян 1986: 4).

Подобные задачи, стоящие перед этносоциологами при проведении комплексных исследований, постоянно стимулировали их в поисках нестандартных исследовательских подходов. Поступательное развитие этносоциологии и дальнейшая кооперация этносоциологических и этнографических научных исследований потребовали в 1970–1980-е годы совершенствования методик сбора и обработки массовых данных. Этносоциология, адаптировав совокупность социологических методов, сыграла в этом процессе роль передаточного звена этих методик из социологии в этнографию. С первых своих шагов этносоциологи, постоянно шлифуя собственные этносоциологические методы, в своей научной деятельности в дополнение к исследовательским методикам, разработанным в социологии, психологии, статистике, демографии и т.д., постоянно обращались к традиционным этнографическим методам, что было закономерно и обусловлено их исследовательскими задачами. По мнению Ю.В. Бромлей, уже в годы становления этносоциологии ее методики не только начали «... проникать и в “собственно” этнографические исследования современности» (Бромлей 1973: 251), но и оказали плодотворное воздействие на их дальнейшее развитие (см. подробнее: Комарова 2014).

Начиная с первых же крупных проектов, этносоциологи выделяли две стратегические линии исследований – изучение социальных процессов в различных этнических средах и этнокультурных процессов в их социальном разнообразии. В 1970–1980-е годы активно велась разработка целого ряда направлений этносоциологических исследований: изучение изменений социально-этнической структуры народов, социальных аспектов взаимодействия культур, в том числе этнолингвистических процессов, межличностных национальных отношений и т.д. (*Дробнижева* 1976: 67). Например, Ю.В. Арутюняном и О.И. Шкаратаном были разработаны новые подходы при изучении социальной структуры народов с анализом изменений, выделением групп по характеру труда, выяснением темпов межпоколенной и внутрипоколенной мобильности и т.д. Глубокое проникновение в развитие социальной структуры позволило ученым выйти в новые сферы исследования, в частности такой сферой оказалась социология этнонациональных процессов в СССР. Отечественные этносоциологи неслучайно отметили этническую вариантность социального развития многонационального советского государства. Общие для страны социальные явления весьма по-разному проходили не только в этнических общностях Союза, но и внутри этнических групп.

Уже в ранних работах по этносоциологии, особенно в исследованиях сельского населения, фиксировались существенные групповые (внутриэтнические) особенности культуры изучаемых народов, что сказывалось и в национальных ориентациях, и в их реальном поведении. Так, Ю.В. Арутюнян своими монографиями «Опыт социологического изучения села» (М., 1968), «Социальная структура сельского населения СССР» (М., 1971) внес большой вклад в изучение проблем соотношения межклассовых и внутриклассовых различий, уделил особое внимание многообразию социальной структуры общества, связанной с этническими особенностями, а также различиями в экономических и географических условиях отдельных регионов страны.

С тех пор исследование социальной структуры народов, представляющей собой важнейший индикатор уровня их экономического, социального и культурного развития навсегда стало одной из центральных тем в этносоциологии. Главной особенностью подхода этносоциологов к анализу социальной структуры было рассмотрение ее через призму этнической культуры, с учетом народных традиций, специфики исторического развития и т.п. И сегодня мало, кто может изучать сферу этногосударственных и межэтнических отношений, без учета главного методологического требования этносоциологии – системного подхода ко всей совокупности взаимосвязанных социальных и этнических явлений с целью выявления меры их взаимодействия и взаимообусловленности. Особую роль в системном анализе играет осмысление модернизации социальной структуры народов как существенного фактора, влияющего на ход и конкретное проявление современных трансформационных процессов. Помимо родоначальников данного направления – Ю.В. Арутюняна и О.И. Шкаратана – в 1970–1980-е годы проблемы социальной структуры народов разрабатывали В.И. Бойко, Ю.Ю. Кахк, К. Халлик, Л.В. Остапенко, А.А. Сусоколов, В.С. Кондратьев, А.Б. Дзадзиев, Г.В. Старовойтова, В.И. Ильин, Л.С. Перепелкин, Е.И. Клементьев, В.В. Коротева, М.М. Юсупов и др. В дальнейшем в русле названной тематики трудились также многие другие исследователи из разных регионов Союза: А.Н. Белокопыт (Ставрополье), Р.М. Валиахметов, Р.Р. Галямев (Башкортостан), Т.Р. Калимуллин (Беларусь), А.В. Кудрин (Пермь), Р.А. Кузьмина (Якутия), И.И. Подойницы-

на (Якутия), Л.А. Шатрова (Татария) и т.д. В том же исследовательском направлении начали работать отечественные этнографы, применяя разработанные этносоциологами методики исследования этносоциальной структуры.

Обратив пристальное внимание на этнические различия в профессиональных предпочтениях людей и на воздействие приверженности представителей разных национальностей к определенным видам трудовой деятельности на социально-профессиональный состав населения, ученые начали изучение роли этнокультурного фактора в производственной жизни общества. Одним из первых, кто обратился к исследованию данных вопросов, был директор Института этнографии АН СССР, академик Ю.В. Бромлей, работы которого, изданные в 1983 г. – «Совершенствование национальных отношений в СССР», «Национальные трудовые традиции – важный фактор интенсификации производства» (в соавторстве) и «Национальные традиции в социалистической экономике» (в соавторстве), – заложили теоретическую основу в изучении этнических аспектов трудовой занятости советских людей. У истоков этого исследовательского направления стояли Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробизева, О.И. Шкаратан. Разработка этнических аспектов трудовой занятости нашла продуктивное продолжение в трудах В.В. Коротеевой, Л.В. Остапенко, Л.С. Перепелкина, А.А. Сусоколова и других.

В эти же годы М.Н. Губогло первым в отечественной науке выделил и начал проводить широкие исследования этносоциальных аспектов национально-русского двуязычия (Губогло 1979а; 1984; 2004). Исследование этноязыковых процессов всегда было одним из важных направлений отечественной этносоциологии. В дальнейшем он и его ученики постоянно расширяли проблематику и обогащали их методику. Этносоциологи изучали степень влияния на различные факторы (социальное продвижение, мобильность, урбанизационные и, в целом, модернизационные процессы) знания второго (русского) языка представителями народов СССР; выявляли роль школы, армии, этнической среды, контактов людей в различных сферах жизнедеятельности в качестве факторов распространения русского языка как средства межнационального общения; устанавливали потребности населения союзных и автономных республик в школах с тем или иным языком обучения и многие другие научные проблемы.

Безусловно, социальный заказ на науку в СССР носил идеологический характер. «Конечно, деятельность этнографов, как и всех советских гуманитариев, была подчинена идеологическому диктату и контролю – но и каждый автор был, прежде всего, своим собственным цензором» (Кабо 2008: 230). Впрочем, это общеизвестная и широко распространенная мировая практика. Но именно это явление, в частности, объясняет, почему становлению этносоциологии в СССР в 1960–1980-е годы уделялось особое внимание. Ей оказывалась не только идеологическая, но и серьезная финансовая поддержка. Например, были выделены большие средства на экспедиционный фонд для организации массовых долгосрочных обследований в различных регионах СССР. В результате уже с конца 1960-х годов начались активные исследования. В Литве, Латвии и Эстонии изучались процессы интернационализации быта и культуры населения; в Узбекистане – проблемы интернационального воспитания молодежи; в Грузии и в Молдавии исследовались межэтнические контакты на промышленных предприятиях; в Таджикистане – межэтнические браки; в Белоруссии – духовная культура различных этносоциальных групп городского и сельского населения, этнические аспекты мигра-

ции и семейных отношений. Однако, проведенные в рамках отдельных республик, эти исследования были представительны лишь для конкретных предприятий, групп населения, жителей определенных городов или сельских районов.

Широкомасштабные сравнительные исследования советских наций реализовывались поэтапно. В 1967–1969 гг. было проведено первое репрезентативное исследование в Татарской АССР, в ходе которого изучались показатели экономического, социального и культурного развития татарского и русского народов. Результаты этого исследования дали возможность проанализировать реально протекающие социальные и культурные процессы, а также отработать методику для подобных исследований в других регионах Советского Союза. Коллективная монография «Социальное и национальное: опыт этносоциологического исследования в Татарской АССР» обобщила его результаты и явилась преддверием следующего общесоюзного исследования. Этот труд, вышедший в свет в 1972 году, зафиксировал появление нового научного направления – этносоциологии, завершив тем самым первый период ее развития – период становления.

Академический период развития этносоциологии

В 1972 г. в стране отмечалось 50-летие образования СССР. Для отечественных этносоциологов этот год стал началом проведения первого общесоюзного исследования, одного из самых масштабных в мировой практике. По своей выборке, задачам и избранным для анализа ситуациям оно было сходно с Гарвардским проектом по социальным и культурным аспектам развития, проведенным под руководством А. Инкелеса (*Инкелес* 1972; *Inkeles* 1964; 1981; 1984), американского социолога и антрополога, изучавшего в русле постэволюционистских идей факторы модернизации путем фундаментальных массовых опросов в ряде стран Европы, Азии, Африки и Америки. Направление и ход общесоюзного этносоциологического исследования определяла специально разработанная программа «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» (далее ОСУ). Генеральная гипотеза ОСУ «... сводилась к идее детерминации культурного развития и сближения наций общими социальными факторами. Предполагалось, что принципиальное сходство этих факторов – прежде всего, единая социально-политическая и экономическая система, процессы индустриализации и урбанизации создают основу для общности в образе жизни и культуре народов, в процессе трансформации которой национальные особенности, чем дальше, тем больше перемещаются из сферы материальной в духовную, социально-психологическую, связанную с национальным самосознанием» (*Арутюнян и др.* 1986: 6).

Проект «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» стал одним из первых, в ходе которого удалось осуществить комплексный подход, т.е. исследовать особенности не только макросреды, но и мезосреды, и микросреды. В целом, значимость этого во многом уникального проекта трудно переоценить. Неслучайно, и по сей день это масштабное исследование остается единственным в отечественной социологической науке репрезентативным комплексным кросс-культурным сравнительным межреспубликанским исследованием, проведенным по единой программе. Без сомнения, главным достижением исследований по программе ОСУ является успешно реализованный в нем принцип перио-

дической репликации и принципиальной сопоставимости данных, полученных при помощи основного инструментария массового обследования населения – вопросника для проведения стандартизированных интервью на основе репрезентативной многоступенчатой выборки.

Во всех республиках исследование проводилось по принципиально единой программе. Позже по сходной программе были также проведены обследования в Армянской ССР, Киргизской ССР, в ряде автономных республик – в Карельской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР, позднее – в Саратове, в Калининской (Тверской) области, Краснодарском крае. При этом любые дополнения, вызванные спецификой отдельных исследуемых республик или регионов, делались таким образом, чтобы не нарушить принципов строгой сопоставимости полученных материалов. На всех этапах исследования вопросник модернизировался таким образом, чтобы отразить своеобразие исторического и культурного опыта, различную степень урбанизации, индустриализации и различную длительность культурных контактов в пределах СССР. В итоге были собраны два массива данных: информация о среде, отражающая социально-культурные условия жизни, и материалы, характеризующие поведение социально-этнических групп населения. Напомним, что первый цикл исследований по программе ОСУ проводился в России, Эстонии, Грузии, Молдавии, Узбекистане. Предметом исследования выступала оптимизация социально-культурных процессов, целесообразного сочетания общего и индивидуального во всех сферах жизни не только молдаван, но и других, наиболее многочисленных национальных групп – русских, украинцев, гагаузов. Материалы исследования были опубликованы в 1980 г. в книге «Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР)».

Как известно, проведение широкомасштабных комплексных этносоциологических исследований обычно сопровождается большими сложностями. Во-первых, задача обеспечения комплексности требует серьезной финансовой поддержки и долгосрочных исследований в масштабах всей страны. Во-вторых, обеспечивать такие исследования должен крупный коллектив исследователей, имеющих одну научную школу. В-третьих, говорить о динамике социальных процессов в различных этнических средах можно, лишь опираясь на результаты серий замеров, проводимых в разное время по сопоставимым методикам. На данном этапе развития отечественной этносоциологии все эти задачи оказались выполнимы во многом благодаря Ю.В. Бромлею. Его научный авторитет и серьезный административный ресурс, безусловно, помогли в решении многих сложных задач. В частности, удачному проведению комплексных исследований способствовало то, что они не только хорошо финансировались за счет бюджетных средств, но и имели разные формы поддержки со стороны партийных и правительственных органов. Хотя и тут на всех этапах работы, начиная с подготовительного, не обходилось без сложностей. Как вспоминает С.С. Савоскул, «помимо научной подготовки – составлений исследования, инструментария для полевой работы и пр., перед каждой экспедицией секторским (сектор ИЭ АН СССР – Г.К.) начальством (прежде всего, самим Арутюняном) проводилась большая организационная работа. Прежде всего, в каждой из намеченных для обследования союзных республик и в регионах России нужно было найти ученых, достаточно весомых в местных научных и партийных кругах, готовых участвовать в нашем проекте, начиная от организации полевых исследований до написания на их основе

научных работ и участия в редактировании будущих монографий. При этом одной из наиболее сложных проблем, насколько я понимаю, была необходимость получить согласие республиканских (краевых/областных – в РСФСР) партийных руководителей на проведение исследования в “их епархии”. Кстати говоря, здесь случались и срывы. Помнится, в начале 1970-х годов неудачей закончилась попытка получить согласие ленинградского обкома КПСС на проведение опроса в Ленинграде. А про Москву тогда и думать боялись, и впервые столичные жители стали объектом нашего изучения уже во время перестройки. Ничего тогда не вышло и в Киеве, где собирался провести опрос аспирант Юрика Вартановича Толя Шевченко. Но в целом, дипломатические усилия нашего начальства, в которых, очевидно, принимал участие и директор Института (Ю.В. Бромлей – Г.К.), чаще всего увенчивались успехом, что для нас, рядовых сотрудников, означало поездку в очередную экспедицию» (*Савоскул* 2008: 321).

Во-вторых, все широкомасштабные этносоциологические исследования велись этносоциологами и этнографами ИЭ АН СССР в постоянном сотрудничестве с ведущими учеными, в том числе и этнографами, из союзных республик (Ю.Ю. Какх, В.И. Пароль, Э.Э. Ранник, В.С. Зеленчук, С.М. Мирхасилов, В.М. Квачахия, Н.И. Стурца, Р.К. Грдзелидзе, В.Б. Островский и др.). На международной научно-практической конференции в Казани в 2008 году Л.М. Дробижева напомнила о том, как представители высшего эшелона советской власти: М.Ш. Шаймиев, Ф.Х. Мухаметшин (Татария), С. Аминова, В. Чеботарева (Узбекистан), И.П. Калинин (Молдавия) также оказывали всемерную поддержку этносоциологам на самом раннем этапе их работы. Она, в частности, сказала: «Были люди (и нужно всегда помнить об этом – о значении человеческого, социального капитала), которые были мужественными и имели смелость начать новое дело» (*Дробижева* 2009: 367–368).

В-третьих, осуществление масштабных исследовательских проектов рассматриваемого периода стало возможным также благодаря удачному решению кадрового вопроса в этносоциологии. К началу 1970-х годов в Институте этнографии уже сформировался творческий научный коллектив, состоящий из ученых с разным базовым образованием, но прошедших общую школу становления этносоциологии. Многие из них к тому же получали дополнительно второе образование. Для работы в области этносоциологии приглашались выпускники философского, экономического, исторического факультетов МГУ.

Важно отметить, что школа этносоциологии планомерно создавалась через аспирантуру ИЭ АН СССР, где ей ежегодно отводилось не менее 25% всех мест. Среди них были и так называемые бесконкурсные «целевые места», выделявшиеся специально для представителей отдельных республик. Здесь нелишне напомнить, что первыми аспирантами в секторе конкретно-социологических исследований ИЭ АН СССР были Е.И. Клементьев, Л.В. Остапенко, М.Г. Кумахов, Аустрис Апситис, Г.М. Трапезников и др. Первым аспирантом, специализирующимся в области этнической психологии, стал в 1974 году И.М. Кузнецов.

В результате большой и кропотливой деятельности этносоциологов и этнографов по созданию профессиональной научной школы во многих союзных и автономных республиках возникли коллективы этносоциологов, участвовавшие как в совместных общесоюзных проектах, так и проводившие собственные исследования. Помимо таких крупных научных центров СССР как Москва, Ленинград, Новосибирск, Казань, на рубеже 1970–80-х годов в Армении, Эстонии, Латвии, Литве,

Грузии, Молдавии, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане и Киргизии начали работать кадры этносоциологов, обученные в большинстве случаев в Москве и Ленинграде. В Академиях наук Армении, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана были сформированы отделы этносоциологии. В 14 из 16 автономных республик РСФСР также работали этносоциологи, подготовленные в основном в Институте этнографии АН СССР.

Этносоциолог из Кабардино-Балкарии, выпускник аспирантуры ИЭА РАН М.Г. Кумахов так оценивает процесс создания профессиональной этносоциологической школы в СССР в 1970–1980-е годы: «Мне представляется, что этносоциология как наука многим обязана этнографии. Буквально все ведущие сектора ИЭ, научно-исследовательские институты союзных и автономных республик СССР быстро включились в новую тематику, начали буквально выращивать молодые кадры. ИЭ выступил мощным стимулятором становления нового научного направления. Принимая молодых людей в аспирантуру из разных союзных и автономных республик, обеспечивая их этносоциальной тематикой, этнографы вносили большой вклад в создание национальных школ этносоциологии, появлений новых ответвлений, становление этносоциологии как науки» (Кумахов 2008: 343). Тувинская исследовательница З.В. Анайбан, рассказывая о том, как в Туве решался вопрос о подготовке местных кадров этносоциологов, пишет: «Несмотря на существовавшие давние научные контакты с новосибирскими учеными, руководство Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) обратилось с просьбой о подготовке специалистов в области этносоциологии в Институт этнографии АН СССР (г. Москва). В результате весной этого же года один из младших научных сотрудников сектора истории и этнографии Тувинского института был направлен на стажировку в сектор конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР. Несколько других сотрудников, в основном этнографы, пожелавшие получить дополнительную квалификацию по направлению «этносоциология», осваивали эту область знания, благодаря научным консультациям, полученным во время командировок в ведущие этносоциологические центры Москвы и Новосибирска <...> В 1982 г. при Тувинском научно-исследовательском институте был открыт сектор этносоциологии» (Анайбан 2008: 244). Таким образом, силами ведущих этносоциологов ИЭ АН СССР и под непосредственным руководством Ю.В. Бромлей методично и целенаправленно велась работа по созданию общесоюзного коллектива исследователей, имеющих одну научную школу и способных обеспечить проведение широкомасштабных этносоциологических обследований.

Весьма важным и ценным звеном этого процесса стало, в частности, регулярное проведение общесоюзных этносоциологических научных конференций, семинаров, симпозиумов, разного рода рабочих совещаний, научно-практических школ и т.п., в работе которых Ю.В. Бромлей также участвовал. В частности, в мае 1979 года состоялась первая школа-семинар по этносоциологии, которую организовали и провели представители ИЭ АН СССР и АН Украины. В ее работе приняли участие этносоциологи всей страны. С теоретическими докладами выступили: Ю.В. Бромлей «О соотношении этнографии, истории и социологии», Ю.В. Арутюнян «Этносоциология: цели, средства, результаты», Л.М. Дробижева «Методология и некоторые результаты изучения межнациональных отношений», О.И. Шкаратан «Особенности изучения этносоциальной структуры в этносоциологических исследованиях», М.Н. Губогло «Этносоциологическое изучение языковых процессов», И.С. Кон «Сравнительный

анализ в различных этнокультурных средах», Ю.Ю. Кахк «Опыт этносоциологического анализа нации (по материалам переписи Эстонской ССР)», В.С. Кондратьев «Проблемы выборки в этносоциологических исследованиях». В последующие годы подобные школы-семинары состоялись в Ереване, Баку, Киеве, Львове, Элисте, Ташкенте, Таллинне. В итоге все это позволило этносоциологам организовать и провести в 1970–1980-е годы широкомасштабные репрезентативные исследования не только в союзных республиках, но и во всех республиках Урало-Поволжья, в Туве, Кабардино-Балкарии, Карелии, Коми, Северной Осетии, в других регионах страны.

Подводя некоторые итоги академического периода развития этносоциологии, важно отметить, что одним из безусловных достижений этносоциологии стало то, что с одной стороны, она фиксировала и позволяла оценивать этническую специфику механизма общих социальных процессов (в частности, в изменении социальной структуры и мобильности народов, их территориальных перемещений, особенностей экономической и политической жизни), а с другой – помогала понять социальную обусловленность и многовариантность собственно этнических процессов (изменения в культурной и языковой активности народов, в их этническом самосознании и национальных отношениях). Между тем, на общем (в целом благополучном) фоне в отечественной этносоциологии рассматриваемого периода имелись и свои особые проблемы. Наибольшие трудности были связаны с тем, что национальная проблематика в СССР «принадлежала», в первую очередь, представителям научного коммунизма. Этносоциологи находились с ними в постоянном конфликте, т.к. «в отличие от “научных коммунистов”, они не просто толковали цитаты столетней давности, а обсуждали реальные проблемы межнациональных отношений» (Кон 1993: 5). Л.В. Остапенко вспоминает, как «тяжело приходилось исследователям, изучающим современность, интерпретировать собранные эмпирические, в том числе полевые материалы. Им необходимо было, с одной стороны, «вписаться» в общую идеологическую концепцию, иначе книга не будет опубликована (в отличие от докладных записок, где не требовалось особой «завуалированности» действительности), с другой, – донести до читателей достоверные данные о реальных процессах и явлениях тогдашней жизни» (Остапенко 2006: 57).

Л.М. Дробижева пишет о том, что этносоциологи испытывали и «... прямое идеологическое давление. Например, мы не могли опубликовать прямые данные о межэтнических установках населения Эстонии. Мы их публиковали в закодированном виде, в индексах, чтобы нельзя было установить абсолютные числа по социальным и этническим группам. По Грузии были “плохие” данные. Их тоже “камуфлировали”, но специалисты могли понять суть. Данные об азербайджанских стереотипах в Армении были столь разительны, что о них вообще нельзя было упомянуть» (Дробижева 2003). И все же, по мнению Л.М. Дробижевой, преувеличивать давление идеологии на этносоциологию тех лет не следует: «Все-таки мы родились уже в другую эпоху, и можно было заниматься своей профессией без страха. Конечно, все наши труды брали “на просмотр”. По национальной тематике – почти всегда. Здесь надо было соблюдать определенные правила. Например, для одной своей книги мы нашли рецензента из обкома КПСС, который отметил большое значение работы. Когда в издательстве “Наука” эту книгу остановили, я принесла рецензию, и книжка пошла. Почти всегда находили выход из положения. Так и все делали: сначала выбираешь цитату Ленина, а потом пишешь то, что тебе нужно. Кто-то может интерпретировать это цитатничество как при-

способленчество, но в мы в действительности выбирали цитаты, которые помогали рассматривать проблему. <...> Иногда помогало специфическое умение интерпретировать данные. Например, количество желающих обучаться на родном языке и обучающихся на нем не совпадают. Это можно интерпретировать как признак скрытого конфликта, но можно показать и как свидетельство успеха культурного строительства. О социальных и национальных конфликтах можно было думать, но писать было нельзя. Зато мы никогда не говорили о расцвете и сближении наций и народностей: это было прерогативой научного коммунизма. “Расцвет” мы считали ботаническим понятием. В наших работах не было словосочетания “развитой социализм”. Аргумент у нас был простой: социализм не может быть “недоразвитый”» (Дробизева 2001).

Сравнительно спокойное существование этносоциологии в СССР обычно объясняют тем, что она развивалась в лоне этнографической науки. Так, западные ученые, отмечали, что в отличие от советских историков, творческий потенциал и научные возможности которых сковывала и ограничивала жесткая зависимость от марксистского подхода к историографии, советские этнографы в своей работе не имели подобных ограничений, т.к. власти рассматривали этнографию как идеологически безопасное поле (Greenfeld 1988: 119). Отечественные ученые также подчеркивали, что этнография в 1970–1980-е годы контролировалась не столь пристально, как, например, социология или философия. У этносоциологов «не было и половины тех бед, которые были у других, например, в Институте социологических исследований и в Институте философии. В значительной степени научная и психологическая атмосфера в институтах зависела в те годы от личности руководителя. Неслучайно коллеги из других институтов отмечали, что уровень теоретического мышления, включая и возможность научных дискуссий, в Институте этнографии был выше, а психологическая атмосфера лучше, чем в других исторических, не говоря уже о философских, учреждениях» (Кон 1993: 5). Своеобразным подтверждением слов И.С. Кона служит вывод Александра Архангельского, создавшего в 2010 г. на канале «Культура» цикл телевизионных передач «Отдел», в которых он демонстрирует «господство в 1960–1970-е годы свободной научной мысли в Институте международного рабочего движения, Институте социальных конкретных исследований, в Институте США и Канады под опекой добрых номенклатурных “царей”». Правда, при этом он оговаривается, что позднее «за подобное господство многим пришлось расплачиваться». Пример тому, в частности, – воспоминания К.В. Чистова о том, как происходила подготовка исследования Г.В. Старовойтовой «Этническая группа в современном городе». Он пишет о том, что ее диссертационная тема «была поддержана ученым советом института, однако отдел науки горкома отказался дать разрешение на массовый опрос, как того требовала тема, аргументируя это, кроме всего прочего, тем, что Старовойтова не была членом КПСС. Кроме того, руководству отдела представлялось, что оно само все знает, что нужно знать в сфере межнациональных отношений, и опрос мог, якобы, только привлечь внимание к несуществующей теме» (Чистов 1999).

Безусловно, этносоциология в рассматриваемый период по-прежнему выполняла социальный заказ господствующей в СССР идеологии. Но хотя это и сдерживало ее развитие, оно его не останавливало. Это был, хотя и специфический, чрезвычайно непростой, долгий, но тоже путь познания, неоспоримым итогом которого стали новые научные знания, новые идеи. В любом случае, лучшие научные труды этносоциологов заметно повысили в эти годы интеллектуальный уровень и престиж этнографии, как в СССР, так и за рубежом (Greenfeld 1988; Valsiner 1988; Миронов 2002). Неслучайно ряд

зарубежных авторов (*Gellner 1975, 1977, 1979; Plotkin & Howe 1985; Voronitsyn 1987*) специально привлекали внимание западных ученых к работам Ю.В. Бромлей и его коллег-этносоциологов Института этнографии АН СССР, отмечая, что «некоторые глубокие теоретические моменты в них представляют особую ценность для социологии» (*Greenfeld 1988: 119*). Известный американский антрополог Марджори Балзер, выступая в роли редактора американской версии коллективного труда Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, В.С. Кондратьева, А.А. Сусоколова, подчеркивала сходство советской этносоциологии с теорией и методологией «западной антропологической и социологической литературы» и отмечала, что в 1960-е годы, когда начинались этносоциологические исследования в СССР, учитывая политическую ситуацию того времени, не просто было даже ставить вопрос о необходимости исследования социально-культурной трансформации наций. По ее мнению, «этносоциологические исследования в СССР дали возможность осознать парадоксальное в традиционном понимании обострение национальных чувств в условиях урбанизации и усиления межнациональных контактов» (*Ethnosociology 1988: 5–6*). Американская исследовательница Л. Гринфелд, указывая на «многочисленные примеры этносоциологического подхода в советской этнографии», особо подчеркивала «методологические преимущества совместного исследования социоэкономических и демографических индикаторов в переписях населения с этническими и культурными показателями. Многие другие (советские этносоциологи – Г.К.) провели «этносоциологический» анализ урбанизации, семейных отношений, демографических тенденций, производительности труда, классовой структуры в различных советских республиках» (*Greenfeld 1988: 120*). В целом зарубежные ученые, знакомя западное научное сообщество на рубеже 1980–1990-х годов с состоянием наук гуманитарного цикла в СССР, особо выделяли целый ряд важных достижений советских этносоциологов: во-первых, «... они хорошо знали работы западных социологов и использовали их как источник сравнительных данных»; во-вторых, их исследования «содержали массу интересных социографических материалов»; в-третьих, советские этносоциологи, «... в отличие от советских социологов, не просто давали сырые данные, но и старались интерпретировать свои материалы, объяснять их и стремились к пониманию реальности» (*Plotkin & Howe 1985; Voronitsyn 1987; Greenfeld 1988; Valsiner 1988* и др.). Столь высокая оценка достижений советских этносоциологов не только западными коллегами, обычно скупыми на похвалы, но и представителями различных отечественных научных сообществ дают полное основание считать второй период развития советской этносоциологии – «академический» наиболее успешным и плодотворным.

Период перестройки в отечественной этносоциологии

3 января 1989 года Ю.В. Бромлей по причине болезни перешел на пост Почетного директора ИЭ АН СССР и в следующем году – 5 июня 1990 г. скончался. Ненадолго пережили своего создателя и опекуна и некоторые научные направления и подразделения института. В частности, сектор истории первобытного общества перестал существовать в 1992 году. Однако, этносоциология в период перестройки продолжала активно развиваться.

В конце 1980-х годов специфическая востребованность этносоциологических знаний в СССР стала особенно очевидной и проблематика этносоциологических исследований изменилась и расширилась. С конца 1980-х годов и особенно в 1990-е годы в отечественной этносоциологии разрабатывался целый корпус новых проблем. Вот лишь некоторые из них: «социальные аспекты этноконфликтных и постконфликтных ситуаций, отношение социальных групп к этнополитическим инновациям периода принятия деклараций о суверенитетах республик и новых конституций, реакции на введение государственных языков в республиках и социальные последствия этих актов, влияние новых социальных иерархий на межэтнические отношения, в том числе проблема участия во власти людей разной этнической принадлежности; новые статусные роли взаимодействующих групп, этнический фактор в социальных перемещениях, социальные аспекты адаптации новых миграционных потоков (новая этничность), изменяющиеся социокультурные дистанции групп, наконец, формирование новых идентичностей и солидарностей, – прежде всего, изучение социальных и социально-политических факторов формирования российской идентичности; соотношение гражданской, региональной и этнической, а также амбивалентной и “дрейфующей” идентичностей, социальная обусловленность толерантности-интолерантности в разных регионах страны» (Дробижева 2006: 90).

Одним из итогов этого периода также следует назвать институализацию этносоциологии как направления. Она выразилась не только в создании университетских кафедр и специальных подразделений в академических институтах, но и в расширении преподавательской деятельности этносоциологов, в чтении специальных курсов в рамках общей социологии.

И все же важнейшим результатом периода перестройки для отечественных этносоциологов, безусловно, стало то, что самые передовые из них начали изучать этническую проблематику по новому для себя кругу источников. Постсоветские социальные трансформации не могли не заставить членов научного сообщества переформулировать эпистемологические основания отечественных социальных наук, в том числе, этнографии/этнологии и этносоциологии. Традиционные подходы к изучению культур уступали место более современным. Формировался новый методологический инструментарий, более адекватный в современных условиях перехода к полиструктурному социальному и культурному пространству, глобализации социальной жизни и т.д. Все эти годы российские ученые в той мере, в какой они хотели оставаться активными и значимыми в науке, должны были меняться вместе со временем и адаптироваться (по целому ряду параметров и насколько это позволяли их способности и склонности) к новым глобальным условиям, требованиям и технологиям современной академической работы. Причем это относилось не только к конкретным результатам исследований, но и ко многим теоретическим и методологическим подходам. Как уже ранее упоминалось, в связи с необычайно расширявшейся тематикой этносоциологических исследований перед учеными, прежде всего, вставали вопросы, связанные с пониманием предмета этносоциологии как направления социологического знания и используемых в ней методов. Фундаментальный пересмотр теоретической базы с конца 1980-х годов подготовил почву для многочисленных научных дискуссий. Они были вызваны потребностью разработки новых теоретических подходов и особенно активно велись в 1990-е годы, причем в них приняли участие не только этносоциологи, но и представители других научных

направлений: политологи, социальные философы, этнологи, социологи, социальные антропологи, культурологи и др.

Одним из результатов дискуссий постсоветских лет стало то, что в современной российской этносоциологии существует большое разнообразие теоретических направлений и течений. Их невозможно представить в виде логично завершенной схемы. Причина заключается в сложности и неоднозначности интерпретации различными учеными природы объекта этносоциологии – этноса. Появились резко отличающиеся друг от друга трактовки предметной области и состояния этносоциологии (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1999; Иванов 1996; Сикевич 1999; Трубина 2011; Перепелкин, Соколовский 1995; 2012). Среди них встречаются и достаточно суровые оценки места и роли этносоциологии в отечественной науке: «Социологи так и не стали частью антропологического коммьюнити, а антропологи так и не освоили премудрости социологических методов и грамотной статистической обработки результатов, застряв на χ квадрате и t критерии Стьюдента. Рожденный от этого неравного брака гибрид оказался ребеночком с увечьем: советская теория этноса сыграла с этносоциологией плохую шутку» (АФ 2012: 134).

Сегодня принято критиковать все, что происходило в отечественной науке в советские времена. Уже немало упреков было высказано и в сторону этносоциологии. Обычно это происходит в ходе очередной вспышки дискуссии между «качественниками» и «количественниками». Некоторые ученые, начавшие работать в области этносоциологии уже после перестройки, и сегодня «зачастую не отличают (или не хотят отличать) академических этносоциологов от “научных коммунистов”, которые не только “заведовали” в СССР всей национальной проблематикой, но и находились в постоянном латентном конфликте с этносоциологами» (Дробижева 2001). При этом критики этносоциологии не учитывают (или не считают нужным учитывать) тот исторический контекст, те исторические реалии, в которых происходило формирование и развитие нового научного направления.

Между тем И.С. Кон еще 20 лет назад справедливо подметил, что «если оценивать и бромлеевскую теорию этноса в реальном историческом контексте, она заслуживает более уважительного отношения. Введенные им формальные категории давали некоторую отдушину, возможность отойти от священной формационно-эволюционистской схемы: род, племя, народность и т. д. Конечно, Ю.В. Бромлей не понимал условности и ограниченности собственных категориальных схем и постепенно они становились все более схоластическими. Но все-таки уровень теоретического мышления, включая и возможность споров, в Институте этнографии был выше, а психологическая атмосфера – лучше, чем в других исторических, не говоря уже о философских, учреждениях 1970-х годов (позже ситуация и здесь ухудшилась, но таково было свойство времени). В отличие от “научных коммунистов” и примыкавших к ним историков, этнографы не просто толковали цитаты столетней давности, а обсуждали реальные проблемы межнациональных отношений и многое другое. Со стороны эта разница была очень заметна» (Кон 1993: 5). Сотрудник ленинградской части ИЭ АН СССР А.М. Решетов согласен с подобной оценкой, утверждая, что Ю.В. Бромлей «был сам открыт для дискуссии и всемерно поощрял создание творческой обстановки в коллективе института и в науке в целом» (Решетов 2003: 295).

Сами этносоциологи постоянно подчеркивают важную роль Ю.В. Бромлея «в стимулировании этносоциологии» (Арутюнян, Дробижева 2003: 87). В частности,

М.Н. Губогло пишет: «Своему многолетнему участию в этносоциологических исследованиях, а также специализации в области этнической социолингвистики я в немалой степени обязан академику Ю.В. Бромлею, не только как директору, пригласившему меня на работу в Институт этнографии, но и как редактору одной из моих монографий (Губогло 1984), как соавтору статьи (Бромлей, Губогло 1986), ставшей в дальнейшем отправной точкой моих работ в области этнополитологии, как составителю и соредактору монографий серии «Национальные отношения в СССР», изданной Межведомственным научным советом по изучению национальных процессов при Президиуме АН СССР, председателем которого Ю.В. Бромлей являлся на протяжении ряда лет».

Коллеги и по сей день считают, что «Ю.В. Бромлей принадлежал к числу тех, не часто встречающихся руководителей, которые не только не ограничивают деятельность своих подчиненных, но, наоборот, всеми силами помогают им выделиться и получить возможно большую известность в научном мире. Он не боялся соперников, которые могли затмить его. И дело не просто в том, что он был очень неплохим человеком. По его мнению, славу руководителю научного учреждения создает хорошая работа этого учреждения и успехи в науке, достигнутые его работниками. Чем больше в нем известных ученых, тем более он знаменит, что приносит известность и его руководителю» (Семенов 2003: 196).

Заключение

Не секрет, что напряженность между конструктивистами и эссенциалистами существует и еще будет постоянно возникать во многих исследовательских полях отечественной социогуманитаристики. Похоже, что и многолетний спор между «качественниками» и «количественниками» будет продолжаться и впредь. Следить за его траекторией занимательно и весьма полезно. Лишь бы не «выплеснуть вместе с грязной водой ребенка» (возможно, далеко не идеального, но, на мой взгляд, талантливого и перспективного). Безусловно, профессиональная критика в любом деле нужна и полезна. Но именно профессиональная конструктивная критика. И при этом очень важно помнить, что «нужна взвешенная оценка опыта работы этносоциологов в Институте этнографии, без лишнего нагнетания страстей, но обязательно в контексте того времени, когда создавались труды этносоциологов. Одно ясно и сейчас: нужно разрабатывать методику этнографического изучения современности. Без этого наша наука не может плодотворно развиваться. И здесь могут помочь, притом существенно, прежде всего, смежные науки» (Решетов 2003: 296–297). Очень важно не растерять накопленный опыт, методологию, научные идеи, сохранить школу. Для отечественных этнографов/этнологов представляется весьма перспективным не только сохранять и шлифовать важнейшие, с точки зрения этнографии, методы исследования, но в дополнение к традиционным этнографическим методам шире использовать методики, разработанные в социологии, в этносоциологии, психологии, статистике, демографии и других науках. Но главное – учиться грамотно сочетать их, постоянно используя методологическую рефлекссию всей совокупности теорий, парадигм, школ, течений, образующих те или иные научные направления в междисциплинарном исследовательском поле.

Отечественная этносоциология имеет свою богатую и интересную историю. Но, к сожалению, лишь немногие помнят ее. О ее современном значении и научном вкладе красноречиво говорит хотя бы тот факт, что сегодня представители различных наук, причем не только социального цикла (социологи, психологи, философы, историки, культурологи и т.д.), но и врачи, психиатры (*Немировский, Тургетов* 1996), математики (*Гуц* 1997; *Гуц, Паутова* 2009) и многие другие, готовы «породниться» с этносоциологией, широко используя и ее достижения, и ее методологию. Вместе с тем, как считают ее основатели, «состояние и исследовательская ситуация в современной российской этносоциологии определяется противоречивостью и растерянностью, отсутствием идейных ориентиров» (АФ 17:291). И все же хочется верить, что современной российской этносоциологии, несмотря на все объективные трудности, удастся достойно преодолеть их. У нее для этого имеются богатый опыт и разработки, выполненные на профессиональном уровне. К тому же по-прежнему бесспорна актуальность комплексных исследований тех фундаментальных перемен, что происходят в современном мире, совместными усилиями этнологов, этносоциологов, этнополитологов, этнопсихологов и др. Впрочем, наши коллеги еще 35 лет назад были уверены в том, что «пока наука воспринимается лишь как средство для решения технологических и, вообще, прикладных проблем, со специализацией можно мириться. Когда же мы обращаемся к науке как к источнику знаний о сущности мира, о природе человека, достижение синтеза знаний представляется той целью, вне которой само знание лишено подлинного смысла» (Методологические проблемы 1981: 69).

Литература

- Альтман, Куманев* 1964 – *Альтман, В.В., Куманев, В.А.* (ред.). История и социология. М.: Наука, 1964.
- Анайбан* 2008 – *Анайбан З.В.* История этносоциологических исследований в Туве/ Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008. С. 243–248.
- Арутюнян* 1968 – *Арутюнян Ю.В.* Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР) // Советская этнография, 1968. № 4. С. 3–13.
- Арутюнян* 1969 – *Арутюнян Ю.В.* Конкретно-социологическое исследование национальных отношений // Вопросы философии, 1969. № 12. С. 129–139.
- Арутюнян* 1972 – *Арутюнян Ю.В.* Социальное и национальное: опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР. М.: Наука. 1972.
- Арутюнян* 1986 – *Арутюнян Ю.В.* (ред.). Современные этносоциальные процессы на селе. М.: Наука, 1986.
- Арутюнян* 1986 – *Арутюнян Ю.В.* (отв.ред.). Социально-культурный облик советских наций. М.: Наука, 1986.
- Арутюнян и др.* 1984 – *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А.* Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований. М.: Наука, 1984.
- Арутюнян и др.* 1999 – *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Арутюнян, Дробижеева* 1987 – *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М.* Многообразие культурной жизни народов СССР. М.: Мысль, 1987.
- Арутюнян, Дробижеева* 2000 – *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М.* Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социологические исследования, 2000. № 1. С. 11–21.
- Арутюнян, Дробижеева* 2010 – *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М.* Этносоциология перед вызовами времени / Вехи российской социологии. СПб.: Алетейя. 2010. С. 195–211.

- АФ 2005 – Специальный выпуск журнала «Антропологический форум» к КЭАР. СПб., 2005.
- АФ 2009 – Форум о форуме // АФ, 2009. № 10. С. 21–23.
- АФ 2012 – Антропология и социология // АФ, 2012. № 16. С. 8–168.
- Басилов 1992 – Басилов В.Н. Этнография: есть ли у нее будущее? // Этнографическое обозрение, 1992. № 4. С. 3–17.
- Басилов 1993 – Басилов В.Н. Письмо в редакцию // Этнографическое обозрение, 1993. № 6. С. 161–163.
- Басилов 1995 – Басилов В.Н. С.А. Токарев как представитель русской культуры / Козлов С.Я. (ред.) Благодарим судьбу за встречу с ним. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–40.
- Бромлей 1973 – Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
- Бромлей 1981 – Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981.
- Бромлей 1982 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1982.
- Бромлей 1983 – Бромлей Ю.В. Этнографические исследования современных национальных процессов в СССР // Советская этнография, 1983. № 2. С. 4–14.
- Бромлей 1987 – Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М.: Наука, 1987.
- Бромлей, Губогло 1986 – Бромлей Ю.В., Губогло М.Н. Политические аспекты этнографических исследований // Коммунист Молдавии, 1986. № 7. С. 67–73.
- Бромлей, Шкаратан 1969 – Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. О соотношении истории, этнографии и социологии // Советская этнография, 1969. № 3. С. 3–19.
- Бромлей, Шкаратан 1977 – Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии // Советская этнография, 1977. № 4. С. 3–18.
- Бромлей, Шкаратан 1983 – Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. Национальные трудовые традиции – важный фактор интенсификации производства // Социологические исследования, 1983. № 2. С. 3–19.
- Брук 1978 – Брук С.И. (ред.) Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978.
- Губогло 1979а – Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы. (Опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения) // Расы и народы, 1979. № 9. С. 9–31.
- Губогло 1979б – Губогло М.Н. Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинев, 1979.
- Губогло 1984 – Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия / отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1984.
- Губогло 1994 – Губогло М.Н. Язык и национализм в постсоветских республиках М.: ИЭА РАН, 1994.
- Губогло 2002 – Губогло М.Н. К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России // Отечественная история, 2002. № 6. С. 110–129.
- Губогло 2003 – Губогло М.Н. Этническая социолингвистика (1970–1980-е гг.) / Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. М.: Наука, 2003. С. 102–138.
- Губогло 2004 – Губогло М.Н. (ред.). Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2004.
- Губогло 2011 – Губогло М.Н. Опрос о IX КЭАР // Антропологический форум, 2011. № 15. С. 505–508.
- Гуц 1997 – Гуц А.К. Глобальная этносоциология. Омск, 1997.
- Гуц, Паутова 2009 – Гуц А.К., Паутова Л. А. Глобальная этносоциология. Омск: Либроком, 2009.
- Дробижнева 1976 – Дробижнева Л.М. Этносоциологическое изучение современности // Расы и народы, 1976. Вып. 6. С. 64–73.
- Дробижнева 2001 – Дробижнева Л.М. Я всегда находилась в процессе самообучения. Интервью Л.М. Дробижневой, данное Г.С. Батыгину. URL: <http://www.nir.ru>. М., 2001.
- Дробижнева 2004 – Дробижнева Л.М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований / М.Н. Губогло (ред.). Междисциплинарные исследования

- ния в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2004. С. 14–25.
- Дробижеева* 2006 – *Дробижеева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал, 2006. № 3–4. С. 90–102.
- Дробижеева* 2009 – *Дробижеева Л.М.* Этносоциология перед вызовами XXI века // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С.22–25.
- Инкельс* 1972 – *Инкельс А.* Личность и социальная структура / Американская социология М.: Прогресс, 1972. С. 37–53.
- Кабо* 2008 – *Кабо В.Р.* Дорога в Австралию: воспоминания. М.: Восточная литература, 2008.
- Какх* 1973 – *Какх Ю.Ю.* Черты сходства. Таллин: Наука, 1973.
- Ковалев, Штейнберг* 1999 – *Ковалев, Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
- Козлов* 1977 – *Козлов В. И.* Этническая демография. М.: Статистика, 1977.
- Козлов* 1994 – *Козлов В. И.* Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М.: ИЭА РАН, 1994.
- Комарова* 1980 – *Комарова Г.А.* О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке // Изучение преемственности этнокультурных явлений / И.И. Крупник (ред.). М.: ИЭ АН СССР, 1980. С. 202–213.
- Комарова* 1985 – *Комарова Г.А.* Рец. на: И.С. Кон (ред.). Этнография детства // Советская этнография, 1985. № 2. С. 158–161.
- Комарова* 2005а – *Комарова Г.А.* Этнический аспект экологизации гуманитарного знания / М.Н. Губогло (ред.) Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2005. С. 120–153.
- Комарова* 2005б – *Комарова Г.А.* Этническая социология как междисциплинарное направление в советской этнографии // Bulletin of the National Museum of Ethnology. Osaka, 2005. № 30 (1). С. 121–139.
- Комарова* 2012 – *Комарова, Г.А.* Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этнографии и этносоциологии. М.: ИЭА РАН, 2012. 207 с.
- Комарова* 2014 – *Комарова Г.А.* Этнография детства: междисциплинарные исследования. М.: ИЭА РАН, 2014. 170 с.
- Кон* 1983 – Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / Кон И.С. (редактор и соавтор).. М.: Наука, 1983.
- Кон* 1993 – *Кон И.С.* Несвоевременные размышления на актуальные темы // Этнографическое обозрение, 1993. № 1. С. 3–8.
- Косвен* 1946 – *Косвен М.О.* Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала // Советская этнография, 1946. № 2. С. 2–27.
- Куличенко* 1980 – Основные направления изучения национальных отношений в СССР / Куличенко М.И. (ред.). М.: Наука, 1980.
- Кумахов* 2008 – *Кумахов М.Г.* 40 лет: много это или мало? (Юность этносоциологии в воспоминаниях) / Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008. С. 340–345.
- Методологические проблемы 1981 – Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М.: Наука, 1981.
- Миронов* 2002 – *Миронов Б.Н.* Социология и историческая социология: взгляд историка / Социс, 2002. № 10. С.55–62.
- Немировский, Тургетов* 1996 – *Немировский Д.Э., Тургетов Д.И.* Этносоциология и психогигиена (опыт взаимодействия). Харьков, 1996.
- Остапенко* 2006 – *Остапенко Л.В.* К вопросу об изучении социальной структуры народов // Курсом развивающейся Молдовы / отв. ред. Губогло М.Н. М.: РУДН, 2006. Т. 1. С. 48–67.
- Перепелкин, Соколовский* 1996 – *Перепелкин Л.С., Соколовский С.В.* Этническая социология. М., 1996.

- Решетов 2003 – Решетов А.М. О Ю.В. Бромлее, о прожитых годах и о нас грешных (заметки с элементами полемики) / Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. М.: Наука, 2003. С. 290–303.
- Савоскул 2008 – Савоскул С.С. Из воспоминаний этносоциолога «второго призыва» / Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008. С. 315–330.
- Семенов 2003 – Семенов Ю.И. О моем пути в первобытность / Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. М.: Наука, 2003. С. 164–211.
- Семенова 1997 – Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1997.
- Сикевич 1994 – Сикевич З.В. Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб.: ЛГУ, 1994.
- Соколовский 2012 – Соколовский С.В. Социология vs. антропология: запоздалые заметки на полях к дискуссии «физики vs. лирики» // АФ, 2016. № 16. С. 130–139.
- Тишков 1995 – Тишков В.А. Нелишне узнать из первоисточника (с бывшим зам. директора ИЭ АН СССР С.И. Бруком беседует В.А. Тишков) // Этнографическое обозрение, 1995. № 1. С. 89–101.
- Тишков 2001 – Тишков В.А. Интервью с профессором В. Тишковым // Этнопанорама, 2001. № 4. С. 68–75.
- Тишков 2004 – Тишков В.А. Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи. М.: Наука, 2004.
- Толстов 1957 – Толстов С.П. Сорок лет советской этнографии // Советская этнография, 1957. № 5. С. 31–55.
- Фирсов 2011 – Фирсов Б.М. Две жизни одной науки: традиции и роли социологии в России и СССР // Антропологический форум, 2011, № 15. С. 221–240.
- Чистов 1999 – Чистов К.В. Послесловие / Старовойтова Г.В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. С. 196–203.
- Чистов 2006 – Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего. СПб.: МАЭ РАН, 2006.
- Этнография 1982 – Этнография: Учебник для студентов исторических специальностей вузов / под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М.: Высшая школа, 1982.
- Ethnosociology 1988 – Ethnosociology. N.Y., 1988.
- Filstead 1979 – Filstead W.J. Soziale Welten aus erster Hand / Gerdes K. (Hg.). Explorative Sozialforschung. Stuttgart, 1979. Pp. 29–50.
- Gellner 1975 – Gellner E. The Soviet and the Savage // Current Anthropology, 1975. No. 16 (4). Pp. 595–601.
- Gellner 1977 – Gellner E. Ethnicity and Anthropology in the Soviet Union. // Arch. Eur. Sociology, 1977. No. 18. Pp. 201–220.
- Gellner 1979 – Gellner E. Review of M. Matthews and T.A. Jones Soviet sociology // Slavic East Europa Review, 1979. No. 57. Pp. 473–490.
- Greenfeld 1988 – Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union // Annual Review Sociology, 1988. No. 14. Pp. 99–123.
- Inkeles 1964 – Inkeles A. What is Sociology? An Introduction to the Discipline and Profession. Prentice Hall: Englewood Cliffs, 1964.
- Inkeles 1981 – Inkeles A. (with D. Smith, K. Miller, O. Singh, V. Bengston, J. Dowd). Exploring Individual Modernity. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
- Inkeles 1984 – Inkeles A. The Unknown Tradition: Continuity and Innovation in the Soviet Ethnography // Dialectical Anthropology, 1984. No. 2. Pp. 1–4.
- Valsiner 1988 – Valsiner J. Developmental Psychology in the Soviet Union. Bloomington: Indiana University Press, 1988. Pp. 303–306.
- Voronitsyn 1987 – Voronitsyn S. Directory of Prominent Soviet Economists, Sociologists and Demographers by Institutional Affiliation // Radio Liberty Res. RL, 1987. No. 183/87.

References

- Altman V.V., Kumanev V.A.* (ed.). *Istoriia i sotsiologii*. Moscow: Nauka, 1964.
- Anaiban Z.V.* *Istoriia etnosotsiologicheskikh issledovaniy v Tuve / Etnosotsiologiya i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski, vospominaniia*. Moscow: Staryi sad. Pp. 243–248.
- Antropologiya i sotsiologiya // AF*, 2012, No. 16. Pp. 8–168.
- Arutiunian Iu.V.* (ed.). *Sovremennye etnosotsial'nye protsessy na sele*. Moscow: Nauka, 1986.
- Arutiunian Iu.V.* et al. *Sotsial'no-kul'turnyi oblik sovetskikh natsii: po rezul'tatam etnosotsiologicheskogo issledovaniia*. Moscow: Nauka, 1986.
- Arutiunian Iu.V.* *Konkretno-sotsiologicheskoe issledovanie natsional'nykh otnoshenii // Voprosy filosofii*, 1969, No. 12. Pp. 129–139.
- Arutiunian Iu.V.* *Opyt sotsial'no-etnicheskogo issledovaniia (po materialam Tatarskoi ASSR) // Sovetskaiia etnografiia*, 1968, No. 4. Pp. 3–13.
- Arutiunian Iu.V.* *Sotsial'noe i natsional'noe: opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniia po materialam Tatarskoi ASSR*. Moscow: Nauka, 1972.
- Arutiunian Iu.V., Drobizheva L.M.* *Etnosotsiologiya pered vyzovami vremeni / Vekhi rossiiskoi sotsiologii*. St. Petersburg: Aleteia, 2010. Pp. 195–211.
- Arutiunian Iu.V., Drobizheva L.M.* *Etnosotsiologiya: poidennoe i novye gorizonty // Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2000, No. 1. Pp. 11–21.
- Arutiunian Iu.V., Drobizheva L.M.* *Mnogoobrazie kul'turnoi zhizni narodov USSR*. Moscow: Mysl', 1986.
- Arutiunian Iu.V., Drobizheva L.M., Kondrat'ev V.S., Susokolov A.A.* *Etnosotsiologiya: tseli, metody i nekotorye rezul'taty issledovaniia*. Moscow: Nauka, 1984.
- Arutiunian Iu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A.* *Etnosotsiologiya. Uchebnoe posobie dlia vuzov*. Moscow: Aspekt Press, 1999.
- Basilov V.N.* *Etnografiia: est' li u nee budushchee? // Etnograficheskoe obozrenie*, 1992, No. 4. Pp. 3–17.
- Basilov V.N.* *Pis'mo v redaktsiiu // Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, No. 6. Pp. 161–163.
- Basilov V.N., S.A. Tokarev* *kak predstavitel' russkoi kul'tury // Blagodarim sud'bu za vstrechu s nim / Kozlov S.Ia.* (ed.). Moscow: IEA RAN, 1995. Pp. 31–40.
- Bromlei Iu.V.* *Etnograficheskie issledovaniia sovremennykh natsional'nykh protsessov v USSR // Sovetskaiia etnografiia*, 1983, No. 2. Pp. 4–14.
- Bromlei Iu.V.* *Etnos i etnografiia*. Moscow: Nauka, 1973.
- Bromlei Iu.V.* *Etnosotsial'nye protsessy: teoriia, istoriia i sovremennost'*. Moscow: Nauka, 1987.
- Bromlei Iu.V.* *Ocherki teorii etnosa*. Moscow: Nauka, 1982.
- Bromlei Iu.V.* *Sovremennye problemy etnografii*. Moscow: Nauka, 1981.
- Bromlei Iu.V., Guboglo M.N.* *Politicheskie aspekty etnograficheskikh issledovaniy // Kommunist Moldavii*, 1986, No. 7. Pp. 67–73.
- Bromlei Iu.V., Shkaratan O.I.* *Natsional'nye trudovye traditsii – vazhnyi faktor intensivizatsii proizvodstva // Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1983, No. 2. Pp. 3–19.
- Bromlei Iu.V., Shkaratan O.I.* *O sootnoshenii istorii, etnografii i sotsiologii // Sovetskaiia etnografiia*, 1969, No. 3. Pp. 3–19.
- Bromlei Iu.V., Shkaratan O.I.* *O sootnoshenii predmetnykh oblastei etnografii, istorii i sotsiologii // Sovetskaiia etnografiia*, 1977, No. 4. Pp. 3–18.
- Bruk S. I.* (ed.) *Problemy etnicheskoi geografii i kartografii*. Moscow: Nauka, 1978.
- Chistov K.V.* *Posleslovie / Starovoitova G.V.* *Natsional'noe samoopredelenie: podkhody i izuchenie sluchaev*. St. Petersburg: Limbus Press, 1999. Pp. 196–203.
- Chistov K.V.* *Zabyvat' i stydit'sia nechego*. St. Petersburg, 2006.
- Drobizheva L.M.* *Etnosotsiologicheskoe izuchenie sovremennosti // Rasy i narody*, 1976, No. 6. Pp. 64–73.
- Drobizheva L.M.* *Etnosotsiologiya pered vyzovami XXI veka R.N. Musina* (ed.) *Etnosotsiologiya v Rossii: nauchnyi potentsial v protsesse integratsii polietnicheskogo obshchestva*. Kazan': II AN

- RT, 2009. Pp. 22–25.
- Drobizheva L.M.* Etnosotsiologiya segodnia. Problemy metodologii mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy / M.N. Guboglo (ed.). Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v kontekste sotsial'no-kul'turnoi antropologii. Moscow: Nauka, 2004. Pp. 14–25.
- Drobizheva L.M.* Ia vseгда nakhodilas' v protsesse samoobucheniia. Interv'iu L.M. Drobizhevoi, dannoe G.S. Batyginu (<http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj4-01drob.html>). Moscow, 2001.
- Drobizheva L.M.* Metodologicheskie problemy etnosotsiologicheskikh issledovaniy // Sotsiologicheskii zhurnal, 2006. No. 3–4. Pp. 90–102.
- Ethnosociology. New York, 1988.
- Etnografiia: Uchebnik dlia studentov istoricheskikh spetsial'nostei vuzov / Iu.V. Bromlei i G.E. Markov (eds.). M.: Vysshiaia shkola, 1982.
- Filstead W.J.* Soziale Welten aus erster Hand / Gerdes K. (Hg.). Explorative Sozialforschung. Stuttgart, 1979. Pp. 29–50.
- Firsov B.M.* Dve zhizni odnoi nauki: traditsii i roli sotsiologii v Rossii i USSR // Antropologicheskii forum, 2011. No. 15. Pp. 221–240.
- Forum o forme // AF, 2009. No. 10. Pp. 21–23.
- Gellner E.* Ethnicity and Anthropology in the Soviet Union // Arch. Eur. Sociology, 1977. No. 18. Pp. 201–220.
- Gellner E.* Review of M. Matthews and T.A. Jones Soviet sociology 64–75 // Slavic East Europa Review, 1979. No. 57. Pp. 473–490.
- Gellner E.* The Soviet and the Savage // Current Anthropology, 1975. No. 16 (4). Pp. 595–601.
- Greenfeld L.* Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union // Annual Review Sociology, 1988. No. 14. Pp. 99–123.
- Guboglo M.N.* Etnicheskaiia sotsiolingvistika (1970–1980-e gg.) / Akademik Iu.V. Bromlei i otechestvennaia etnologiya. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 102–138.
- Guboglo M.N.* Iazyk i natsionalizm v postsovetских respublikakh. Moscow: IEA RAN, 1994.
- Guboglo M.N.* K izucheniiu problemy adaptatsii naseleniia v usloviakh obshchestvennykh preobrazovaniy v postsovetской Rossii // Otechestvennaia istoriya, 2002. No. 6. Pp. 110–129.
- Guboglo M.N.* Opros o IX KEAR // Antropologicheskii forum, 2011. No. 15. Pp. 505–508.
- Guboglo M.N.* Razvitie dvuiazychiia v Moldavskoi SSR. Kishinev, 1979.
- Guboglo M.N.* Sovremennye etnoiazikovye protsessy v USSR: osnovnye faktory i tendentsii razvitiia natsional'no-russkogo dvuiazychiia. Iu.V. Bromlei (ed.). Moscow: Nauka. 1984.
- Guboglo M.N.* Sovremennye etnoiazikovye protsessy. (Opyt, uroki i zadachi etnosotsiologicheskogo izucheniia) // Rasy i narody, 1979. No. 9. Pp. 9–31.
- Guts A.K.* Global'naia etnosotsiologiya. Omsk, 1997.
- Guts A.K., Pautova L. A.* Global'naia etnosotsiologiya. Omsk: Librokom, 2009.
- Inkeles A.* (with D. Smith, K. Miller, O. Singh, V. Bengston, J. Dowd). Exploring Individual Modernity. New York: Columbia University Press, 1981.
- Inkeles A.* The Unknown Tradition: Continuity and Innovation in the Soviet Ethnography // Dialectical Anthropology, 1984. No. 2. Pp. 1–4.
- Inkeles A.* What is Sociology? An Introduction to the Discipline and Profession. Prentice Hall: Englewood Cliffs, 1964.
- Inkel's A.* Lichnost' i sotsial'naia struktura / Amerikanskaia sotsiologiya. Moscow: Progress, 1972. Pp. 37–53.
- Kabo V.R.* Doroga v Avstraliu: vospominaniia. Moscow: Vostochnaia literatura, 2008.
- Kakkh Iu.* Cherty skhodstva. Tallin: Nauka, 1973.
- Komarova G.A.* Etnicheskaiia sotsiologiya kak mezhdistitsiplinarnoe napravlenie v sovetskoii etnografii // Bulletin of the National Museum of Ethnology. Osaka, 2005. No. 30 (1). Pp. 121–139.
- Komarova G.A.* Etnicheskii aspekt ekologizatsii gumanitarnogo znaniia. M.N. Guboglo (ed.) Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v kontekste sotsial'no-kul'turnoi antropologii. Moscow: Nauka, 2005. Pp. 120–153.

- Komarova G.A.* O poniatii “etnopedagogika” v sovetskoj etnograficheskoj i pedagogicheskoj nauke / Krupnik I.I. (ed.) *Izuchenie preemstvennosti etnokul’turnykh iavlenii*. Moscow: IE AN USSR, 1980. Pp. 202–213.
- Komarova G.A.* Opyt integratsii: mezhdistsiplinarnoe vzaimodeistvie etnografii i etnosotsiologii. Moscow: IEA RAN, 2014.
- Komarova G.A.* Rets. na: *Etnografiia detstva* / I.S. Kon (ed.) // *Sovetskaia etnografiia*, 1985. No. 2. Pp. 158–161.
- Komarova, G.A.* *Etnografiia detstva: mezhdistsiplinarnye issledovaniia*. Moscow: IEA RAN, 2012
- Kon I.S.* (redaktor i soavtor). *Etnografiia detstva. Traditsionnye formy vospitaniia detei i podrostkov u narodov Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Azii*. Moscow: Nauka, 1983.
- Kon I.S.* Nesvoevremennye razmyshleniia na aktual’nye temy // *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993. No. 1. Pp. 3–8.
- Kosven, M.O.* Problemy vospitaniia i psikhologii rebenka v svete etnograficheskogo materiala // *Sovetskaia etnografiia*, 1946. No. 2. Pp. 2–27.
- Kovalev, E.M., Shteinberg I.E.* Kachestvennye metody v polevykh sotsiologicheskikh issledovaniakh. Moscow: Logos, 1999.
- Kozlov V. I.* *Etnicheskaia demografiia*. Moscow: Statistika, 1977.
- Kozlov V. I.* *Etnicheskaia ekologiia: stanovlenie distsipliny i istoriia problem*. Moscow: IEA RAN, 1994.
- Kumakhov M.G.* 40 let: mnogo eto ili malo? (Iunost’ etnosotsiologii v vospominaniakh) / *Etnosotsiologiia i etnosotsiologi*. Issledovaniia, poiski, vospominaniia. Moscow: Staryi sad, 2008. Pp. 340–345.
- Metodologicheskie problemy vzaimodeistviia obshchestvennykh, estestvennykh i tekhnicheskikh nauk. Moscow: Nauka, 1981.
- Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v kontekste sotsial’no-kul’turnoi antropologii. *Guboglo M.N.* (ed.). Moscow: Nauka, 2004.
- Mironov B.N.* Sotsiologiia i istoricheskaia sotsiologiia: vzgliad istorika / *Sotsis*, 2002. No. 10. Pp. 55–62.
- Nemirovskii D.E., Turgetov D.I.* Etnosotsiologiia i psikhogigiena (opyt vzaimodeistviia). Khar’kov, 1996.
- Ostapenko L.V.* K voprosu ob izuchenii sotsial’noi struktury narodov. *Guboglo M.N.* (ed.). *Kursom razvivaiushchiesia Moldovy*. Moscow: RUDN, 2006. Vol. 1. Pp. 48–67.
- Osnovnye napravleniia izucheniiia natsional’nykh otnoshenii v USSR. Kulichenko M.I. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.
- Perepelkin L.S., Sokolovskii S.V.* *Etnicheskaia sotsiologiia*. Moscow, 1996.
- Reshetov A.M.* O Iu.V. Bromlee, o prozhitykh godakh i o nas greshnykh (zametki s elementami polemiki) / Akademik Iu.V. Bromlei i otechestvennaia etnologiia. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 290–303.
- Savoskul S.S.* Iz vospominanii etnosotsiologa “vtorogo prizyva” / *Etnosotsiologiia i etnosotsiologi*. Issledovaniia, poiski, vospominaniia. Moscow: Staryi sad, 2008. Pp. 315–330.
- Semenov Iu.I.* O moem puti v pervobytnost’ / Akademik Iu.V. Bromlei i otechestvennaia etnologiia. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 164–211.
- Semenova V.V.* Kachestvennye metody: vvedenie v humanisticheskuiu sotsiologiiu. Moscow: Dobrosvet, 1997.
- Sikevich Z.V.* Etnosotsiologiia: natsional’nye otnosheniia i mezhnatsional’nye konflikty. St. Petersburg, 1994.
- Sokolovskii S.V.* Sotsiologiia vs. antropologiia: zapozdalye zametki na poliakh k diskussii “fiziki vs. liriki” // *AF*, 2016. No. 16. Pp. 130–139.
- Spetsial’nyi vypusk zhurnala “Antropologicheskii forum” k KEAR. St. Petersburg, 2005.
- Tishkov V.A.* Avtoritety i preemstvennost’ v nauke: vmesto zakliucheniia // *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi*. Moscow: Nauka, 2004.
- Tishkov V.A.* Interv’iu s professorom V. Tishkovym // *Etnopanorama*, 2001. No. 4. Pp. 68–75.

Tishkov V.A. Nelishne uznat' iz pervoistochnika (s byvshim zam. direktora IE AN USSR S.I. Brukom beseduet V.A. Tishkov) // *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995. No. 1. Pp. 89–101.

Tolstov S.P. Sorok let sovetskoi etnografii // *Sovetskaia etnografia*, 1957. No. 5. Pp. 31–55.

Valsiner J. Developmental Psychology in the Soviet Union. Bloomington: Indiana University Press, 1988. Pp. 303–306.

Voronitsyn S. Directory of Prominent Soviet Economists, Sociologists and Demographers by Institutional Affiliation // *Radio Liberty Res. RL* 1987. No. 183/87.

G.A. Komarova. The role of Yu.V. Bromley in domestic Ethnic Sociology.

The formation of new scientific approaches based on multidisciplinary integration was an important characteristic of the Soviet ethnography in the 1960–1980s, when Yu.V. Bromley headed the Institute of ethnography, USSR Academy of Sciences. Ethnosociological studies occupy a special place among those approaches. The article deals with Yu.V. Bromley's role in foundation of ethnosociology, which significantly influenced development of the Soviet ethnographic science of the time.

Key words: *ethnography, ethnology, ethnos, multi-disciplinary studies, ethnosociology, ethnomethodology, ethnicity.*

УДК 93/99

© М.Н. Губогло

АЛЛЮЗИИ ИМПРЕССИОНИЗМА В ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

К 95-летию академика Ю.В. Бромля
и полувековому юбилею этносоциологии

Вклад академика Ю.В. Бромля в гуманитарное знание состоит в разработке теории этноса, современных этнических и этносоциальных процессов, что позволило значительно раздвинуть границы предметной области этнографической науки, концептуально обновить и расширить ее проблематику, усовершенствовать понятийно-терминологический аппарат, повысить ее общественный статус и практическую востребованность

Ключевые слова: этнические и этносоциальные процессы, этничность, инновации, идентичность, этносоциология, этническая мобилизация

Наступивший 2016 год знаменателен для этнологов и этносоциологов двумя важными юбилеями. 21 февраля исполнилось 95 лет со дня рождения Лауреата Государственной премии СССР, экс-директора Института этнографии АН СССР, академика Юлиана Владимировича Бромля (1921–1990 гг.) и 50 лет со дня создания сектора «Конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР», ставшего основой зарождения и развития нового научного направления – этносоциологии.

Привнесение в предметную область и проблематику советской этнографии новых исследовательских проектов, посвященных изучению социальной энергии движения этнической субстанции, анализ представлений о динамических аспектах существования этносов и этнических общностей, связанное с именем Ю.В. Бромля, можно сравнить по накалу страстей с обращением импрессионистов к изображению движений и переливов света, воздуха и цвета при некотором их одновременном охлаждении к урокам и традициям классицизма, натурализма и реализма.

В известной мере обращение Ю.В. Бромля и его единомышленников к структурной (этносу) и динамической (этнические процессы) стороне дела было предопределено вызовами динамично меняющейся реальности, необходимостью обновления предметной области советской этнографии, отказом от прямолинейного, неукоснительного следования идеологическим догмам и диктату бдительных контролеров из ЦК КПСС. Серьезным импульсом для внесения инноваций в традиционную отечественную этнографию послужил состоявшийся в 1964 году в Москве Всемирный этнографический конгресс и издание многотомной серии его материалов, что оказало творческо-импульсивное влияние на расширение кругозора советских участников конгресса.

При этом не самой привлекательной традицией «смены вех» в обновлении тематики этнографических проектов выступало частичное отречение от прошлого опыта во имя перехода от натурализма и реализма к модернизму и постмодернизму.

Губогло Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, зав. Центром межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: guboglo@yandex.ru.

Поясню о чем речь. Накануне прихода Ю.В. Бромлея в план-картах большинства сотрудников Института этнографии АН СССР доминировали остатки устаревшего натурализма и процветающий реализм в изображении исторических основ культуры и быта народов СССР и зарубежных стран¹.

Приоритетным в исследовательских проектах было картографирование и составление историко-этнографических атласов и очерков. Много сил и времени уходило на выявление и описание, подобно фотоснимкам, элементов материальной культуры, в том числе жилищ, одежды, украшений, пищевых продуктов, а также устоявшихся в веках свадебных, родильных и похоронных обрядов, пантеонов культов и религиозных представлений. Фиксация и изучение артефактов и ментифактов народной культуры ограничивалась региональной и хронологической пропиской, очерченной концом XIX – началом XX века².

Инновации, привнесенные в предметную область советской этнографии Ю.В. Бромлеем, состояли в выдвижении на передний план новых задач по изучению современных этнических процессов. В новом направлении видное место заняла разработка теории этноса и этносоциальных процессов, что послужило опорой и, вместе с тем, точкой отсчета для появления новой этносоциологической, проблематики, связанной и с этничностью, и с этнополитическими процессами.

Переход от реализма, как метода фотографического изображения элементов культуры и повседневной жизни этносов, как относительно замкнутых систем, к выявлению мотиваций, механизмов и условий изменений этнографических, этносоциальных и этнополитических явлений, в том числе на личностном и групповом уровнях, не сократило, а, напротив, значительно расширило границы предметной области этнографических исследований, приумножило наши представления о сущности этнической общности (этносов), об этнических процессах, о роли личности и этничности в этнической мобилизации³.

Последовательное расширение предметной области этнографии за более чем полувековое ее существование во второй половине XX и на заре XXI века и возрастание ее общественно-политической востребованности происходило в несколько этапов. В силу обширности и многогранности самого объекта – этносов и их изменений, на разных этапах имела место координация исследовательских проектов со смежными научными дисциплинами гуманитарного профиля. Сотворчество этнографов с археологами и географами занимало видное место, когда Институтом этнографии АН СССР руководил член-корреспондент С.П. Толстов.

Заслуга широкого внедрения историко-этнографических исследований, в том числе по созданию соответствующих атласов и монографических исследований по праву принадлежит М.Г. Левину.

Академик Ю.В. Бромлей «подружил» этнографию с социологией, в чем ему основательно помогли широкомасштабные этносоциологические проекты члена-корреспондента РАН Ю.В. Арутюняна и его сподвижников.

В 1960-е годы – в начале 1980-х годов историко-этнографическое картографирование составляло одну из важнейших задач этнографии. На переднем плане стояли задачи по выявлению и отображению на картах элементов этнической культуры путем их привязки к определенным ареалам расселения народов. Привязка к ландшафтам представлялась не только теоретической, но и практической проблемой, так как позволяла в известной мере «привязывать» элементы оседлой или кочевой

культуры к географически очерченным пространствам. Эффективность и одновременно ущербность картографирования позволяла выделять элементы этнической культуры только в определенный момент времени. «Временной срез» позволял, подобно фотоснимку, определить точку этнической истории народа, или населения, в данном ареале только в указанный, конкретный момент времени. Фиксация методом картографирования определенных элементов этнической культуры, позволяло аккумулировать аргументы как для изображения самобытности этносов (народов), так и для итогов интерференции и трансформации культур. При постановке задач по картографированию большие надежды возлагались на создание моделей этнических культур, однако, насколько можно судить, эти надежды не вполне оправдались. Вызовы нового времени, особенно связанные с глобализацией, компьютеризацией и грядущей интернетизацией потребовали большего внимания к динамическим, чем статическим аспектам развития этносов и этнических культур.

О размахе, масштабах и проблематике историко-картографических исследований можно, в частности, судить по тому, что в 1953 году для координации исследований с целью составления национальных атласов и для руководства сводных картографических трудов, охватывающих едва ли не всю Европу, была создана постоянно действующая международная Комиссия по этнологическому атласу Европы. Особо важная роль при этом отводилась Советскому Союзу, имеющему богатейший опыт по этнографическому изучению культур разных народов. В основу историко-этнографического картографирования ученые европейских стран положили три принципа: универсальность распространения, сопоставимость и степень изученности⁴.

Классической моделью историко-этнографического атласа служит «Атлас Сибири», увидевший свет под редакцией Л.П. Потапова и М.Г. Левина в 1961 году. В этом фундаментальном издании дано подробное описание быта, традиционных материальной и духовной культуры сибирских народов⁵.

Параллельно с историко-этнографическими атласами сотрудники Института этнографии АН СССР и ряда других академических и университетских центров, особенно в столицах автономных республик России и союзных республик по материалам полевых исследований издавали историко-этнографические очерки, которые в известной мере служили своеобразной легендой к Атласам или представляли собой отдельные монографии.

В каждом из этих направлений, фиксирующих культурно-исторические и природно-ландшафтные основы этнографических явлений в известной мере отражались доктринальные идеи, изложенные и обоснованные в опубликованной в 1954 году монографии М.Г. Левина «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области»⁶. С.А. Арутюнов считает, что указанная книга «определила развитие советской этнографической школы вплоть до настоящего времени» (Арутюнов 2016).

В обширном дискурсе о теоретических проблемах этнографии/этнологии сложилось не вполне корректное представление о методологических истоках концепции этноса, разработанной в начале 1970-х годов Ю.В. Бромлеем, якобы опиравшимся исключительно на полузапрещенную в советские времена полузабытую теорию этноса, предложенную в 1920-е годы известным российским ученым С.М. Широкогорым⁷ (Широкогор 1923).

Между тем сам Ю.В. Бромлей, хотя и ссылаясь на труды С.М. Широкогорова, но неоднократно уточнял, что основной информационной базой ему послужил фактический материал, аккумулированный в серии «Народы мира», состоящей из 18 то-

мов, выпущенных в свет Институтом этнографии АН СССР в 1954–1966 гг. под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР С.П. Толстова, а также на достижения отечественных этнографов (*Бромлей* 1973: 7).

Здесь в мою задачу не входит систематический обзор или анализ теории этноса Ю.В. Бромлея и тем более представление рефлексий по поводу продолжительных, не вполне содержательных на мой взгляд, хотя и горячих, но уже затихающих дискуссий. Для обозначения тектонических сдвигов, произведенных в предметной области этнографии академиком Ю.В. Бромлеем, считаю достаточным напомнить о главном. Ему принадлежит честь создания стройного каркаса теории этнической общности (этноса), его понятийно-терминологического аппарата (*Заринов* 2002) и наметить (вместе с этносоциологами и этноэкологами) узловые вопросы изменений этого каркаса на примере этнодемографических, этносоциальных, этнокультурных, этноязыковых, этнополитических и этнопсихологических процессов и объяснить переход этноса, как системы, из одного состояния в другое.

Исключительно важную роль при этом сыграли идеи Ю.В. Бромлея об этносоциальных процессах (*Бромлей* 1987), развернутые по его инициативе этносоциологические и этностатистические исследования структурных компонентов на основе которых складывался и развивался каркас этноса.

Важную роль сыграло включение в контекст нациестроительства категории этничности, впервые обзорно рассмотренную и введенную в советский этнологический дискурс Ю.В. Бромлеем в 1983 году (*Бромлей* 1983: 11, 16–19).

Основу теории этноса и современных этнических процессов Ю.В. Бромлей составляет системно упорядоченное толкование нескольких сотен терминов и понятий, отражающих субстанцию этноса и его движений, тщательно и скрупулезно, в лучших традициях отечественного академизма, систематизированных и сведенных в «понятийно-терминологические указатели» трех его фундаментальных книг (*Бромлей* 1973: 273–281; он же 1981: 375–389; он же 1983: 395–410)⁸.

Так, например, с целью типологизации этносоциальной истории человечества и современных этнических процессов, Ю.В. Бромлей выделил, в частности, несколько разновидностей консолидации, в том числе внутриэтническую, культурную, межэтническую, национальную, этногенетическую, этнокультурную. При этом особое значение он придавал выделению этнотрансформационных процессов, завершающихся появлением нового этноса, этноэволюционных, не ведущих к формированию новой этнической общности и этнотрансформационных процессов этногенетической миксации⁹ (*Бромлей* 1983: 237).

Почти с десятилетним запозданием от историков, специалистов по всеобщей истории, приступивших к систематическому исследованию проблем личности в истории и историю через личность, а также с многолетним отставанием от реализованной серии этносоциологических проектов, в последнее время во многих регионах России наблюдается повышенный интерес этнологов и социальных антропологов к личности в социокультурном и этнополитическом контекстах. При этом ни те, ни другие, ни третьи не повторяя друг друга, идут непроторенными тропами. В центре внимания историков особое место занимает историческая биография, ориентированная на исследование и описание жизни выдающихся исторических личностей и крупных государственных деятелей, в том числе с акцентом внимания на освещение частной и внутренней жизни (*История* 2005; *Историческая* 2006).

Этносоциология с момента своего зарождения на рубеже 1960–1970-х годов обратилась к изучению современных этнических процессов путем выявления социального в этничности и проявления этнического фактора в социальных стратах и ситуациях. Важным методом изучения социальных отношений был избран метод опроса личностей, из действий которых и складываются эти отношения, и в мировоззрении и деятельности личностей проявляется этничность, представления личности о себе самой и окружающей действительности (Арутюнян 1971; Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1998; Губогло 1973; Губогло 2003; Социально-культурный 1986; Этносоциология и этносоциологи 2008).

Поворот от этнографии с обычной для нее фокусировкой внимания на народах (этносах) к осмыслению этничности, этнической идентичности, повседневности, в известной мере означал некое отрицание того времени, когда «новая историческая наука», в том числе самообновляющаяся этнография, оставляла за кадром проблему самоидентификации личности, личного интереса, мотивов и целеполагания деятельности, индивидуального рационального выбора и инициативы. В конечном счете, несмотря на застойные годы, от этнографов последовали ответы на вопросы о том, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи и представления определяли поведение людей в специфических социальных и исторических обстоятельствах. От представителей гуманитарного знания, в том числе этнографов, как и их коллег по исторической науке, востребованным стал анализ хода событий через представления личности, в том числе выход на уровень анализа индивидуального сознания, индивидуального опыта и индивидуальной деятельности» (История 2005: 7).

Шаг вперед, сделанный этносоциологами по сравнению с этнографией, состоял в раздвижении предметной области и проблематики конкретно-социологических исследований. В программах и методической оснащенности первых этносоциологических проектов этническая субстанция, а, следовательно, предмет и объект исследований, воспринималась как групповая (этнос) и индивидуальная (идентичность). Привнесение личности в орбиту изучения этничности позволило с помощью индивидуальных опросов, интервью обратиться к фиксации того, в какой мере люди компетентны в анналах своей традиционной культуры, как часто реализуют в повседневном бытии национальные (этнические) ритуалы и обычаи, с какими чувствами и оценками выражают свое отношение к исповедуемым ценностям, какими обладают представлениями о самих себе и о представителях других национальностей. И хотя полвека тому назад никому в голову, пожалуй, не приходила мысль об аллюзиях с импрессионизмом, фиксируемые изменения в представлениях, о кросс-поколенных, и межпоколенных трендах давали обильный материал о смещениях и «переливах» ценностей традиционной и профессиональной культуры.

Итоги этих «переливов», напоминающих импрессионистскую игру света и теней, отмечались на дорожной карте воспоминаний, отражались в зеркале впечатлений, в аккумулярованном виде обнаруживались в самоотождествлении личности с помощью изменяющегося перечня элементов этнической идентификации (Губогло 1971; Он же 1973).

Этническая личность, как совладелица и ретранслятор этничности, характеризовалась указанной триадой – знание (компетенция), реализация (поведение) и впечатление (отношение) с особой наглядностью в сфере межкультурных контактов. «Пленэром» для формирования, выражения и проявления этнической идентичности служила «внешняя история» этноса и его культуры в контексте «эко-

логии и инфраструктуры», в том числе этнодемографическая, этнокультурная и этносоциальная база, сеть учреждений языкового и культурного обслуживания, кадры и государственная политика (Губогло 1984: 27; он же 1995: 235–293).

Во всемирно известном Вебстерском словаре, издаваемом десятки раз, в том числе в 1971 г., есть слово *ethnology*, трактуемое как «наука о человеке и расах, их происхождении, расселении, характеристиках и отношениях» (The New 1971: 169), но еще нет слова *ethnicity*.

В Оксфордском словаре «Расовых и этнических отношений» термин «этничность» появился в 1972 г. Отцом термина назван американский социолог Д. Рисман, впервые упомянувший его в 1953 году. Родоначальником практического истолкования термина называют Н. Глейзера и Д. Мойнихана в их книге «Этничность», опубликованной в 1975 г. (Тишков, Шабаетов 2011: 55).

В Оксфордском социологическом словаре, составленном Гордоном Маршаллом и изданном в 1994 и 1998 гг., этничность определяется как этническая идентичность лиц, которые считают себя или рассматриваются другими как разделяющие общие характеристики.

Этот термин был придуман с целью разграничения от расы. Хотя члены этнической группы могут быть обнаружены по расовым признакам, они также могут разделять инорасовые культурные характеристики, такие как религия, род занятий, язык, или политика. Членство в этнических группах, в отличие от социальных классов, упрощает социально-экономическую стратификацию в обществе, охватывая людей, разделяющих (или воспринимающихся как разделяющих) общие характеристики.

При форсированном внедрении этничности в дискурс постсоветской этнологии неблагоприятную роль сыграло утрирование, если не сказать чрезмерно эпатажное противопоставление природно-биологических и социально-культурных корней этничности, настороженное отношение исследователей к конкретному ее отображению в истории межэтнических отношений в России на примере русскости, абхазскости, татарскости, еврейскости и т.п.¹⁰

Между тем, в понимании традиционного этноса и новоявленной этничности не было сколько-нибудь значительной несовместимости. Одно из них ориентировано на структурно-функциональное (компонентное – по В.В. Пименову: Пименов 1977), в известной мере статическое представление об этносе, другое акцентировало внимание на динамической стороне дела.

Известная путаница в разграничении примордиализма, заимствованного неопитами из арсенала западноевропейской и североамериканской науки, склонного к натурализации этноса, и конструктивизма, отвергающего идею врожденного, биологического характера этничности, возникла из попыток заменить динамическое развитие этноса терминами и понятиями отношения между различными состояниями этноса.

Возникновение чувства доверия к родителям у ребенка на ранних стадиях его социализации интерпретируется как проявление такого радикального примордиализма, когда его этничность рассматривается как объективная данность, как изначальная, воспринятая с молоком матери характеристика. Культурные характеристики и ценности, согласно, примордиализму, приобретаются благодаря «зову крови», а не в зависимости от окружающей среды.

Эпатирующее отношение к теории этноса, умалчивание о динамической стороне дела, служило для радикальных оппонентов примордиализма аргументом в

пропаганде идей по сохранению государственной целостности. И в этом, понятно, был свой резон. Этничность, как развивающаяся характеристика этноса (этнической общности) на рубеже 1980–1990-х годов, стала быстрым и эффективным способом (локомотивом) политической мобилизации в борьбе за власть и ресурсы. Успехи этнической мобилизации обоснованно интерпретировались тем, что ее идеологи и лидеры обращались к чувствам людей, эксплуатировали представления и воображения о своем народе (Губогло 2016; Семенов 2003: 68).

Некоторые эксперты, позиционирующие себя в рамках конструктивизма, рассматривают этничность как процесс, в ходе которого выбираются из материала культуры этнические маркеры, формируются этнические границы, изобретаются этнические мифы и традиция, формируются интересы, «создается (воображается) обобщенный портрет этнического сообщества, вырабатываются и внедряются в сознание фобии и образы этнического врага и этничность не наследуется генетически, ей научаются. Человек обретает этническую идентичность в процессе социализации – в семье, школе, на улице» (Кара-Мурза, Куропаткина 2004: 50).

Несмотря на большое количество определений этничности, в основном заимствованных из западной литературы, в самих европейских странах продолжают появляться описательные толкования значения (смысла) термина и (или) его объема (содержания), выражаемого данным термином понятию путем перечислений ее проявлений и свойств. Так, например, Андриан Хастинг в книге «The Construction of Nationhood. Ethnicity. Religion and Nationalism», подготовленной на основе лекций, прочитанных им в Королевском университете в Белфасте в мае 1996 г., под этничностью понимает: «Этничность определяет лиц, которые считают себя или которые рассматриваются другими, как разделяющие общие характеристики, которые отличают их от других коллективов в обществе, в рамках которого они развивают особое культурное поведение» (Hastings 1997: 167).

Этнические группы, подвижны (изменчивы) по составу. Новые этнические группы постоянно образуются в ходе перемещений популяций между странами. Индийцы в Великобритании, например, представляют собой этническую группу, хотя как отдельные лица в Индии они будут рассматриваться в качестве членов совершенно различных групп с точки зрения касты и языка.

Излюбленным аргументом сторонников конструктивизма в их радикализированной критике примордиализма, в том числе в неприятии концепции этноса, служит понимание ими этноса как некоей заморожено-статичной, малоподвижной системы. Однако, уже в самой первой книге «Этнос и этнография» (М., 1973) своим рассуждениям о месте этноса в системе человеческих общностей, Ю.В. Бромлей предпослал специальный раздел «Этнос как динамическая система» (Бромлей 1971¹¹). В следующей книге «Современные проблемы этнографии» уже в нескольких разделах и в отдельных главах он обрисовал общую характеристику и частные тренды этнических процессов и указал на узловые вопросы этнографического изучения этнических процессов (Бромлей 1981: 63–80, 257–329).

Уверенный шаг сделали этносоциологи, измеряя не только начальные и конечные пункты социальной и этнической стратификации, мотивы, лифты и локомотивы профессиональной и культурной карьеры и изменчивый репертуар языковой и культурной жизни человека, а также исповедуемых им взглядов и ценностей, манифестируемых ими идентичностей, но и отмечая на карте важные вехи и шаги его жизненного

цикла. Понимание и осмыслению бытования этнических особенностей, в том числе на подвижных примерах динамики этнической идентичности людей, а также на примерах смещения этнической специфики от одних к другим сферам жизнедеятельности, позволило сделать вывод об этнических изменениях как одном из важнейших способов существования социальной и этнической материи (См. например: Арутюнян 1971, 1973; Остапенко, Субботина, Нестерова 2012; Комарова 2012).

Принципиальная значимость этничности как резервуара и источника этнических ресурсов, прав и обязанностей состоит в том, что она, этничность, дает право и предоставляет возможность для рационального выбора и присвоения в формате «собственнического» осознания и сопереживания реальных компонентов этноса, как этнической субстанции. Отсюда, как уже отмечалось в литературе, «наполнение пафосом выражения “наш (мой) язык”, “наша (моя) культура”, “наш (мой) народ”, “наш (мой) край”, “история нашего (моего) народа”» (Бгажноков 2003: 12).

Так, например, этнизация и фетишизация волка, первоначально как степного хищника, опасного для жизнеобеспечения предков гагаузов, со временем обернулась важным символом гагаузской этничности, знаменем его культурной и этнополитической мобилизации и самоорганизации (Губогло 2002).

Сторонники конструктивизма согласны с тем, что для сохранения этнической группы (т.е. этноса) «необходимо прилагать постоянные усилия к тому, чтобы представления ее членов о целостности и культурных ценностях группы не трансформировались» (Тишков, Шабаетов 2011: 60).

Между тем, одна из центральных задач этносоциологии, буквально с момента ее зарождения на стыке 1960–1970-х годов, состояла в изучении представлений о трансформациях артефактов, ментифактов и социофактов. По импрессионистским подходам, указанные трансформации получили соответствующие дефиниции социально-этнических, этнодемографических, этнокультурных, этноязыковых и этнопсихологических процессов.

По совокупности трендов, а также опредмеченных ими воображаемых итогов и результатов каждого из перечисленных трендов, вытекал обоснованный вывод о том, что без стабильности нет непрерывности и длительности существования этноса, а без гибкости и рационального механизма усвоения инноваций затрудняется приспособляемость и готовность отвечать вызовам глобализации (Губогло 2002: 15–32; Арутюнов 2012: 311–328).

Можно думать, что накануне распада Советского Союза, в застойные брежневские времена, вплоть до горбачевской турбулентности, межэтнические отношения, судя по данным этносоциологии, характеризовались оптимальным сочетанием трендов стабильности и гибкости. Не случайно на выявление этой балансировки была нацелена крупномасштабная этносоциологическая программа «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» (автор и руководитель проекта – Ю.В. Арутюнян).

Еще раз напомним, что два заметных события в интеллектуальной жизни – вышеупомянутый конгресс (1964 г.) и Всесоюзная конференция по проблемам социальной структуры (1965 г., Минск), открывшая доступ к изучению внутриклассовых различий, в отличие от «разрешенных» официальной доктриной межклассовых различий, – послужили мощным импульсом для выхода советских исследователей «на пленэр» с целью конкретно-социологических исследований этнически окрашенных

социальных изменений для преодоления застойных явлений, связанных с доминированием классических историко-этнографических проектов.

Новый термин: «современные этнические процессы» вместе с соответствующей терминологией упомянутого выше проекта, в ходе реализации которого родились направления этнодемографические, этноязыковые, а позднее в начале 1990-х годов и этнополитические процессы, предусматривали сохранение у народов культурного наследия и одновременно фиксировали впечатления о происходящих изменениях.

В этничности аккумулируются и реализуются идеи для возникновения этнофилии, как любви к своему этносу и его самобытной культуре. Опыт проведения Всемирных конгрессов гагаузов полон примеров, подтверждающих как люди, добившиеся больших успехов и славы за пределами своего этнического материка, стремятся получить признание у себя на родине, среди своих соотечественников. Как уже отмечалось в литературе, в подобных случаях, обычно больше всего они дорожат именно такой формой признания, что характерно для этничности с культурой и индивидуалистской и коллективистской ориентации (*Бгажноков* 2003: 13).

Интерес к пройденному пути неизбежно избирателен и не лишен ностальгии и субъективности. Каждая из опорных точек, состоящих из новых идей и теорий, привнесенных в отечественную этнологию во второй половине XX и в начале XXI века дает представление о взрослении и профессиональной зрелости этнологии как самостоятельной отрасли гуманитарного знания. Сопоставляя друг с другом теорию историко-этнографического картографирования М.Г. Левина, ставшую вершиной советской этнографии в первые послевоенные десятилетия, теорию этноса и этнических процессов Ю.В. Бромлея, теорию этничности и нациестроительства В.А. Тишкова, а также более частные, но не менее важные теории среднего уровня в том числе этносоциальной стратификации Ю.В. Арутюняна и теорию «ротационного механизма усвоения культурных инноваций» С.А. Арутюнова, можно сделать вывод о том, что каждый из них, как генератор новых идей, стремился выразить существование этнической общности как факт, а развитие – как динамично меняющийся текст. Обе категории этнической субстанции – статичная и динамичная теория этноса и обновленная теория нациестроительства с неперенным соучастием этнического, политического и социального факторов – стремятся расчлениить и систематически описать те виды опыта, которые со времен Э. Дюркгейма, М. Вебера и И. Гердера именуются социальными фактами. Категория этничности, как выразительница динамической стороны дела, привязанная к объективно существующим фактам, делает шаг вперед от натурализма и реализма в этнографии к модернизму и постмодернизму в этнологии (*Дробизжева* 1998, 2013; *Губогло* 1971, 2015 и др.).

Между тем, скоропалительно позаимствовав термин «этничность» из европейско-американской литературы, отечественные философы и культурологи не обратили внимание на его расплывчатость, многозначность и функциональную малопригодность. Дело в том, что по признанию некоторых европейских исследователей по крайней мере четверо из пятерых обществоведов и антропологов, даже употребляя этот термин, не ставили перед собой задачу дать какое-либо определение, кроме того, что понятие этничности использовалось для описания некоторых критериев и свойств, «отделяющих индивиды от некоторых классов и идентификации его с другими» (*Ильин* 2016).

Отличительным показателем этничности как динамично меняющейся совокупности престижных черт, особенностей и социокультурных ценностей в лич-

ностном и групповом формате, выступает индивидуальный мотив, как основа рационального выбора.

Подобное понимание социально обусловленной природы этничности, реализуемой посредством рационального выбора, было полвека тому назад положено в основу конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР, ставших концептуальной основой проблематики этносоциологии.

К сожалению, ни радикальными критиками примордиализма, ни убежденными сторонниками конструктивизма, не были, умышленно или без умысла, замечены этносоциологические исследования, в которых на достаточном по количеству и надежном (репрезентативном) по качеству материала характеризовалась этничность, как личностный выбор жизненных позиций, социокультурных ценностей, и впервые обоснованное наличие множества идентичностей – гендерной, семейной, этнической, религиозной, профессионально-трудовой, социальной, собственнической, региональной, гражданской (Губогло 2003: 93–534).

При таком подходе признание объективного существования этноса сопровождалось аналитическими выводами, представлениями, как в произведениях импрессионистов, о динамических изменениях этничности, отражаемых и воображаемых в умах и чувствах десятков тысяч респондентов.

Этносоциологические исследования социальных аспектов повседневности, этнических изменений и движений не лишены параллелей с обостренным вниманием импрессионистов к сиюминутным изменениям света, тени и воздуха с целью постижения смыслов социальной и повседневной реальности.

Смещение этничности от статики к динамике, от материальной в духовную культуру, от этнографических особенностей поведения к политической позиции и соответствующим убеждениям и далее обратным движением к новому возрождению этничности в материалах и сувенирах повседневности, не означает размагничивания этничности, ни его исчезновения. Этничность не убывает, она находит новые ниши, сохраняя или меняя формы своего проявления и энергию манифестации. Поток этнически окрашенной информации, не прекращающей своего проявления, управляет мотивационно-деятельностная энергия людей, во имя реального или декоративного сохранения самобытности, вплоть до различных форм самоопределения.

Подобно тому, как импрессионисты в конце XIX века передавали внешнее впечатление от света и тени, горести и радости, рефлексировали на поверхности предметов раздельными мазками и чистыми красками, В.А. Тишков в конце XX века сумел изобразить трагическую судьбу общества, ввергнутого в вооруженный конфликт, насыщенный идеологией крайностей, противоречивой модернизацией, амбициями лидеров и надменностью силы, доблестью и мародерством, высоконравственной добропорядочностью семьи и заменяющим ее иногда так называемым «боевым братством», использующим реанимированный институт «для сугубо утилитарных целей» (Тишков 2001: 298–300).

Важным методом этнополитического исследования общества в вооруженном конфликте, стал метод замещенных интервью, в ходе которых люди реанимировали в памяти былые впечатления и воображения о каменистых тропах выхода из состояния конфликта.

Наконец, немалую роль в пришествии некоторых импрессионистских идей и практик изображения меняющейся реальности сыграли сторонники современного

конструктивизма. Речь идет, прежде всего, об одном из кардинальных постулатов конструктивизма как теории воображаемого характера этнических сообществ. Согласно этой теории, воображаемый (или представляемый, как в импрессионизме) характер этнических сообществ предполагает, как говорится в новейшем учебнике этнополитологии, «что группа изменчива во времени и пространстве, что ее восприятие также изменчиво» (Тишков, Шабаетов 2011: 61).

В понимании динамического развития впечатлений и представлений о сочетании общего и особенного в арсенале культурных ценностей, относительно общих или различающихся культурных нормах, с теоретическими установками конструктивистов довольно тесно стыкуются выводы этносоциологов, полученные эмпирическим путем по итогам реализованных проектов прикладного характера. Соответственно, под выводом, сделанным конструктивистами о том, что «этническая общность – это коллектив людей, которые имеют общую историю, язык, обычаи и идентичность и служит некоторым общим нормам поведения» (Тишков, Шабаетов 2011: 61) могут подписаться и этносоциологи, и импрессионисты (Социально-культурный облик 1986).

Родиной импрессионизма по справедливости принято считать Францию, временем появления – вторую половину XIX века – точками отсчета – выставки 1870–1880-х годов, а участников этих выставок – родоначальниками импрессионизма¹².

Концептуальной основой отречения французских художников от классицизма в живописи послужил весь накопленный в европейской культуре опыт использования возможностей света и тени, цветовых и световых контрастов и пятен. Немалую роль катализатора в появлении импрессионизма именно в живописи, сыграло изобретение в середине XIX века в Париже и в Лондоне техники фотографии. В 1839 г. французский изобретатель Луи Дагер впервые получил реалистическое фотозображение человека.

Еще через 12 лет англичанин Фредерик Скотт Арчер значительно усовершенствовал процесс создания фотоснимков. Фотоснимок позволял передавать неуловимый миг, мгновение, эмоцию, схватить момент движения людей, животных, природы. Словом, изобретение фотографического изображения сильно обеспокоило художников, привыкших средствами живописи изображать реальность. В самом деле, перед художниками встала задача, как изображать подвижность и подвижные предметы и явления, которые имели размытые контуры, в отличие от фотоснимков с их четкостью, объективной достоверностью, фактической соотнесенностью с реальностью.

Немаловажную роль в возникновении импрессионизма сыграл технический прогресс, в том числе изобретение искусственных красок и красящих пигментов. «Живопись импрессионизма, – как считают современные авторитетные искусствоведы, – это живопись, передающая вибрацию воздуха, мерцание света, игру красок, это живопись на пленэре» (Волкова 2014: 151).

В отличие от художников импрессионистов¹³, не интересовавшихся социальными аспектами повседневности, советские этнографы, совершившие переход от историко-этнографического картографирования и натуралистической фиксации элементов материальной и духовной культуры, напротив, сосредоточили внимание на социальных факторах, служивших локомотивами движения этнической, как социальной материи.

1960–1970-е годы стали важным этапом переосмысления задач советской этнографической науки и ее концептуальных основ.

Не вдаваясь в подробное перечисление относительно многочисленных трудов, в которых важное место заняли исследования динамических аспектов этнического феномена, напомним еще раз в качестве маяков этого направления лишь коллективный труд «Современные этнические процессы в СССР», увидевший свет двумя изданиями и заслуженно награжденный Государственной премией и одну из поздних монографий академика Ю.В. Бромлей «Этносоциальные процессы: теория, история, современность», а также ряд коллективных монографий по итогам этносоциологических исследований и в первую очередь «Социальное и национальное»; «Социально-культурный облик советских наций (по материалам социологического исследования)»; «Опыт этносоциологического исследования образа жизни» и др.

В каждой из них исследуются изменения в сферах материальной и духовной культуры, сделаны новаторские заходы в формирование задач и в изучение этнодемографических, этноязыковых, этносоциальных и этнокультурных процессов. Однако, строго говоря, исследуются не собственно изменения, а результаты изменений, т.е. переходы тех или иных свойств этноса из одного в другое состояние. Твердо говорить о пришествии импрессионизма в этнологию в его классическом понимании, надо было, чтобы прошло три десятилетия, чтобы только в 2009 году А.В. Головнев смог убежденно сказать об этнологическом изучении движения, добавим от себя – в духе импрессионизма: «Чередование статики и динамики, подобно сну и бодрствованию, образует общий механизм движения, который в свою очередь приводит в действие социальные системы, оживляет культуры. Отличие антропологии движения [импрессионистского подхода – еще раз добавим от себя] состоит в том, что она измеряет реальность в единицах действия, а не в фиксированных итогах», как это делалось при историко-этнографическом картографировании (Головнев 2009: 425).

Книга «Современные этнические процессы в СССР», как первая ласточка грядущих изменений в деле изучения динамически развивающихся явлений, несла в себе заметные следы маргинальности, в том числе в понимании статического характера этноса. В ее первой главе, где авторы Ю.В. Бромлей и В.И. Козлов сформулировали концептуальное кредо, говорилось о четком видении специфических элементов материальной и духовной культуры, имеющих важное значение для устойчивого функционирования каждого этноса (Современные 1977)¹⁴.

Методологические самоограничения авторов в понимании этноса, как природно заданного и малоизменяемого конструкта, видны были из дефиниции «самовоспроизводства» этноса и дефиниции его сущности. Этнос, по мнению авторов «может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличие от других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (Современные 1977: 12).

О признаках этносоциологического исследования, в чем-то схожих с импрессионизмом, можно в известной мере судить по двум основным видам этнических процессов: разделительных, когда прежде единый народ делится на несколько самостоятельных этносов, или от него отделяются части, становящиеся самостоятельными этносами, и объединительных, когда прежние этнически разнородные части сливаются в единый этнос. Более подробно и развернуто многочисленные формы динамического развития этнически окрашенных процессов были рассмотрены в книге

Ю.В. Бромлея, посвященной теории этноса. Об этом чуть ниже.

Подобно тому, как импрессионисты неизмеримо расширили возможности художественного изображения реальности, открыв мир цвета и воздуха, света и теней, беспокойную атмосферу жизни большого города и ритмы непрестанного движения, в исследованиях современных этнических процессов, в ходе реализации этносоциологических и этнополитических проектов были обнаружены скрытые ранее в советском идеологическом тумане глубокие взаимосвязи этнических и социальных явлений, выявлены мотивы, признаки и парадоксы этнической мобилизации, движения и переливы этничности в истории народов мира.

Новый подход, инициированный Ю.В. Бромлеем, Ю.В. Арутюняном и их единомышленниками, позволил перенести акцент от застывших штампов и канонических подходов в описании статичных, застойных явлений традиционной культуры, существовавшими в конце XIX – начале XX века, к фиксации реальных изменений элементов культуры. Единицей измерения этносоциальных, этнодемографических, этнокультурных, этноязыковых явлений и процессов стала дистанция, длина пройденного пути между хронологическими отрезками времени. Но это еще, подчеркнем, не означало измерения и фиксации самого акта движения.

В отличие от советской этнографии, сделавшей этот колоссальный рывок в деле перехода от историко-этнографического картографирования, атласов и очерков, повторяемых и укорененных артефактов и ментифактов культуры к фиксации состоявшихся перемен, зародившаяся параллельно с теориями этноса и современных этнических процессов, этносоциология приступила к измерению изменений не только между хронологическими точками отсчета, но и в более дробном временном измерении.

Обычная в этносоциологии экстраполяция жизненного цикла человека в массовых опросах, позволила методом ретроспекции «измерять» изменения этничности в индивидуальной карьере личности в более коротких промежутках времени, внутри дистанции от точки А до точки Б на шкале жизненного цикла.

Передо мной не стоит задача перечислять достоинства, недочеты и шероховатости теории этноса и, в конечном счете, ее вклад в отечественное гуманитарное знание. Это относительно подробно сделано в постбромлеевской литературе, к сожалению, с заметным уклоном ее отрицания сторонниками теории этничности и либерально настроенных авторов в сторону ее позитивной оценки, вплоть до восприятия понятийно-терминологической системы теории этноса в повседневной жизни и в политических процессах.

Главная культуртрегерская миссия теории этноса, на мой взгляд, выражалась в подготовке концептуального основания для аналитического разграничения этнического сообщества, как народа, и народа, как гражданской нации, представленной многоэтническим населением государства. Иными словами, путь к современному пониманию российской нации был проложен созданной Ю.В. Бромлеем теорией этноса, подобно тому, как строительство крупномасштабного объекта, типа Байконура, или любого наукограда, начинался с проведения подъездных путей и возведения строительных лесов.

Иными словами, теоретические выкладки и методологические позиции примордиалистов и конструктивистов явились двумя крылами птицы, имя которой – этногосударственные и межэтнические отношения. В известном смысле продолжался традиционный спор, начавшийся со времен славянофилов и западников и продолженный на разных этапах истории между консерваторами и новаторами.

Революционный переворот, совершенный Ю.В. Бромлеем и сотрудниками головного этнографического института Советского Союза в этнографии, состоял, во-первых, в создании теории этноса как этнической общности, и, во-вторых, в смещении исследовательского поля от статического представления об этносах к их динамическим аспектам. Дважды изданный фолиант «Современные этнические процессы в СССР» получил высокую оценку научной общественности, а авторский коллектив был удостоен высокой награды – Государственной премии СССР. Стоит ли напоминать, что в советские времена, как и сегодня, этой высокой награды действительно удостоивались ученые, сделавшие серьезное открытие.

Принципиальный вывод конструктивистов, как сторонников приоритета государственности перед этнической общностью, вряд ли бы стал возможным, если бы не предшествовала разработанная Ю.В. Бромлеем теория этноса, позволившая четко разграничить, условно говоря, «этнический этнос» от политической «многоэтнической нации».

Не случайно уже в учебник по этнополитологии попала идея доктринального уровня о том, что «национальное единство и сущность нации как политического сообщества поддерживается не этническими основаниями, а связями и интересами более значительными – территориальными, политическими, экономическими» (Тишков, Шабаетов 2011: 68).

Складывается впечатление, что в критике концептуальной основы примордиализма и в отрицании восприятия этноса как объективной реальности одним из решительных аргументов конструктивистов в пользу приоритета государственности перед этничностью служит, во-первых, уверенность в том, что «этнический принцип построения государства ведет к ослаблению государственного единства», во-вторых, гипертрофированный страх перед этническим сепаратизмом (Тишков, Шабаетов 2011: 65).

Вместе с тем, импрессионизм не означал огульного отрицания прошлого. Частично воссозданная Ю.В. Бромлеем теория этноса из глубины беспокойных 1920-х годов, способствовала лучшему пониманию этноса, как народа, подобно тому, как великие достижения Эпохи Возрождения уводили к корневым ценностям античной культуры. Открытие нового в старом сопровождало движение научной мысли вперед. Труды по изучению современных этнических процессов вместо трудоемких, дорогостоящих и громоздких «Атласов» материальной и духовной культуры, на создание которых были потрачены огромные усилия, духовная энергия, время и средства, привнесло в этнологию такую свежесть восприятия, новизну впечатлений, как в произведениях импрессионистов переливы света, солнечные лучи, мерцание красок и движение воздуха.

Сегодня, по истечении полувека успешного развития исследований динамики этносоциальных, этнодемографических, этнокультурных, этнополитических, этнопсихологических, этноязыковых процессов, важно уяснить правомерность интерпретации этноса не только с точки зрения его структуры, но и в ракурсе его постоянных изменений. В какой степени переливы, смещения реальных и воображаемых этнических особенностей из одной в другую сферу жизнедеятельности, меняющиеся фрагменты этнической истории, размытые картины этногенеза народов, а также конструирование реальности «впечатляет» исследователей этнического феномена.

Обретение «нового видения» этнической материи потребовало уход от закостенелых описаний материальной культуры, хронологически прописанных концом XIX –

началом XX века. И, хотя не удалось полностью освободиться от ряда условностей, в том числе от советского идеологического пресса и от ритуального цитирования решений очередного съезда или пленума ЦК КПСС, этнологи стремились овладеть новыми средствами более глубокого осмысления процессов реального мира, прежде всего мира современного и мира меняющегося. Даже постсоветская десятилетняя серия трудов «Курсом развивающейся Молдовы» (2006–2010 гг.), созданная ЦИМО ИЭА РАН совместно с учеными Республики Молдова, была ориентирована, подобно картинам импрессионистов, «искать правду» в реальной жизни, в известной степени и в допустимой мере оппонировав официальной науке.

Этносоциологию как новое направление роднит с импрессионизмом тот факт, что важной питательной средой служит – эмпирика, персональные интервью, массовый опрос, фокус-группы, одним словом, пленэр. Между тем, многие импрессионисты – Моне, Писсаро, Ренуар – почти всегда писали на пленэре. Хотя Мане наряду с работой на пленэре продолжал писать в мастерской, а Дега создавал свои произведения только в мастерской и считал труд своих друзей «рабским» (Волкова 2014: 15)¹⁵. Снова напрашивается параллель с деятельностью этносоциолога, которую без преувеличения можно назвать не только «рабским трудом», но и «опасным» трудом (Комарова 2012).

Заметное влияние на развитие постсоветской этносоциологии, этнополитологии и социолингвистики стали многочисленные труды Джошуа Фишмана, посвященные анализу этничности и месту языка в оптимизации этнополитических процессов, особенно его программная (Fishman 1989) статья, инициировавшая этносоциологические исследования того, кто, на каком языке, с кем и когда разговаривает (Fishman 1965: 67–88; об этом см.: Губогло 1978; 1984; 2013: 266).

Немаловажную роль в складывании репертуара этносоциологических и этнополитологических исследований сыграли влиятельные труды профессора истории и политологии Колумбийского университета Джозефа Ротшильда, особенно его книга об этнополитике, впервые изданная в 1981 г., а также многократно изданная монография профессора Дюкского университета Дональда Хоровица (Rothschild 1981; Horowitz 1985).

Изначально оригинальным в сочинении Джозефа Ротшильда и, вместе с тем необычным для советских этнографов, было смещение акцента от привычной структурной – статичной теории этноса и популярной категории «этнических процессов» на понимание динамичной этничности как «пластичной, разносторонней и, по своему происхождению, приписываемой характеристики, которая в определенных исторических и социально-экономических обстоятельствах легко политизируется» (Rothschild 1981: 1).

Более того, на рубеже 1980–1990-х годов на отечественных гуманитариев, в том числе и на часть этнографов и историков, не вполне лояльных посылам и постулатам советской идеологизированной концепции «национального вопроса», интригующее влияние оказал тезис американского политолога о том, что политизация этничности находит себе благоприятную почву в переходных обществах. Таковым, в частности, был и виделся Советский Союз в пору горбачевской перестройки и далее, в первые ельцинские годы. Мало кто из состоявшихся к тому времени этносоциологов и будущих этнополитологов прошел мимо гипотезы, аксиоматично вынесенной в предисловие книги Д. Ротшильда об этнополитике. В гипотезе, между тем, утверждалось, что современные и особенно переходные общества «не только характеризуются асимметричными, упорядоченными, самовоспроизводящимися корреляциями между

этническими категориями с одной стороны, и социально-экономическими классами и распределением политической власти, с другой стороны, то есть структурным межэтническим неравенством, которое существует во многих традиционных обществах, но они также не порождают политических деятелей социально и практически заинтересованных в выведении этничности из сферы психологических, культурных или социальных характеристик в область реальной политики, с целью изменения или укрепления таких систем структурного неравенства между этническими категориями» (Rothschild 1981: 2).

Еще один постулат Д. Ротшильда относительно политизации этничности оказал сильное влияние на творческое воображение этнологов, мотивированных желанием докопаться до понимания корневых систем этноса и относящих к нему себя лиц. Полезной инновацией, в частности, был воспринят тезис американского политолога относительно сути и технологий политизации этничности, «являющейся диалектическим процессом, который оберегает этнические группы, придавая особо важное значение их своеобразию и в то же время проектирует и подпитывает их модернизацию, трансформируя их в политические конфликтные группы и выводя их в современную политическую арену (Ibid: 3–4).

Вместе с тем, уже первые документы разбуженной этничности в республиках Поволжья, Прибалтики, Молдавии и Кавказа, собранные и опубликованные в рамках программы ИЭА РАН «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», подтвердили в глазах читателей теоретический тезис Д. Ротшильда о многогранных аспектах политизированной этничности, потенциальные возможности которой «не исчерпываются ее инструментальной потребностью в борьбе за власть над государством и внутри него <...> Этничность может быть заточена до превращения ее в острое политическое лезвие, потому что она выполняет также и другие, неполитические, до-политические, или только начально-политические человеческие функции – эмоциональные, культурные, моральные. Среди них по иронии, – продолжает свою мысль Д. Ротшильд – находится и функция удерживания некоторой психологической дистанции и социальной автономии от технократической рациональности, которая питает процесс научной модернизации, катализирует его противоречие и конфликты и, таким образом, способствует политизации этничности» (Ibid: 5).

Показателем влиятельности идей Джозефа Ротшильда на выбор исследовательских сюжетов и тем для политологического исследования служат неоднократные повторы названий глав его монографии об этнополитике, в сборниках статей и в отдельных статьях авторов зарождающейся этнополитологии в России. При этом особой популярностью пользовались проведенные американским политологом исследования: «этничности как политического феномена» (Ibid: 11–31), «политической организации этничности, его категорий и критериев, роли «лидеров и лидерства в разжигании или сдерживании этнополитического конфликта» (Ibid: 137–171); «межгосударственные влияния на политизированную этничность» (Ibid: 173–212); «этничность и государство» (Ibid: 213–245); «возникновение современной этнополитики» (Ibid: 11–246).

В отличие от этносоциологов, испытывших на себе сильное влияние работ Джошуа Фишмана и Джозефа Ротшильда, историки и конфликтологи предпочитали черпать идеи профессора Дюкского университета Дональда Хоровица, особенно из его фундаментальной книги «Этнические группы в состоянии конфликта» (Horowitz

1985). Книга, необычная для отечественного гуманитарного знания в исследовании проблем в сфере этногосударственных отношений, которые в советские времена рассматривались в контексте взаимодействия языков и культур и национальных отношений, выдвинула исследование роли политизированной этничности и этнической идентичности в полиэтнических обществах с целью преодоления межэтнических конфликтов.

Ряд концептуальных посылов этой книги действительно не теряют актуальности в третьем десятилетии после развала Советского Союза. Особенно, когда речь идет о необходимости учета интересов этнических и этнорегиональных групп, их права на ту или иную форму самоопределения, федерализации как способе выхода из кризиса, преодолении в разумных пределах оставшихся от прошлого и возникающих вновь диспропорций в социально-экономическом и этнокультурном развитии. Раздел Молдовы, выход Крыма из состава Украины и гражданская война в Донецкой и Луганской областях, расширение этнополитической турбулентности в Одесской области в известной мере явились следствием неостребованности идеи Д. Хоровица в деле этносоциологического исследования этнополитических и межэтнических отношений на Украине.

Заключение

Две интеллектуальные революции, совершенные экс-директорами Института этнографии АН СССР академиком Ю.В. Бромлеем (1966–1989 гг.) и Института этнологии и антропологии РАН академиком В.А. Тишковым (1989–2015 гг.), были направлены на воплощение инициированных ими проектов исследования реальных и воображаемых этнических явлений, которые они стремились зафиксировать и осмыслить со строгой академической продуманностью и «оптической» достоверностью.

В конечном счете они, вместе со своими единомышленниками и сподвижниками, сделали шаг вперед в изображении социальной природы этнического и роли этнического многообразия в социальных и политических ситуациях, процессах и обществах.

Знакомство со многими работами, посвященными теории этноса, современным этническим процессам, этничности и идентичности, поражает детальностью анализа и крупномасштабными теоретическими выкладками. Дополнительную значимость указанным поискам истины и справедливости придают эмпирические подробности, добытые этносоциологами в ходе реализации серии крупномасштабных проектов, в том числе проведенных совместно с зарубежными исследователями и учеными ряда академических и университетских центров России, США и стран ближнего зарубежья.

Стержнем предметной области советской этнографии и одновременно новым этапом ее развития, как науке об этносах, стало создание академиком Ю.В. Бромлеем теории этноса, его культуры и генезиса, современных этнических процессов.

Новаторский подход, реализованный, во-первых, в коллективной монографии «Современные этнические процессы», во-вторых, разработанной С.А. Арутюновым теории информационных потоков, передающих наследственную информацию от поколения поколению и способствующих сохранению этнических общностей, и, в-третьих, в этносоциологических исследованиях, инициированных Ю.В. Бромлеем

и Ю.В. Арутюняном, открывших социальную суть динамически изменяющихся этносоциальных, этнодемографических, этнокультурных, этноязыковых и этнопсихологических процессов, значительно расширил представление не только о структуре и функциях этносов и его отдельных составных частей, но и о динамической стороне дела и о соотношении синхронной и диахронной сторон этноса и этничности.

Вслед за анализом результативности информационных потоков, играющих роль связующего звена между статичным пониманием этноса и этнических общностей к исследованиям динамических изменений в предметной области этнографических исследований значительное место заняли проблемы динамики этнокультурных процессов.

Определенные реминисценции с импрессионизмом ожидаются и в связи с прогнозом С.А. Арутюнова о том, что вместе со сменой поколений и приходом в Институт этнологии и антропологии молодых исследователей «определится новый, эссеистский, постмодернистский, дискурсивный стиль развития русской этнографии, где большое место будет принадлежать *oral history*, где сухой научный анализ сменится скорее эмоционально-интуитивным и полухудожественным постижением материала» (Арутюнов 2012).

Вторая часть теории С.А. Арутюнова «ротационного механизма усвоения культурных инноваций» посвящена фактическим процессам смещения этничности, как престижности, проявляется в разных сферах языка, материальной и духовной культуры. Показателен пример армянских голубцов с тюркским наименованием толма¹⁶, престижность которых возрасла сначала при переходе от виноградных пакетов к капустным, а затем по мере широкого распространения поливного огородничества и удешевления кочанной капусты, престижными стали голубцы в формате виноградных листьев¹⁷.

С.А. Арутюнов не видит за собой большой заслуги в открытии «ротационного механизма усвоения культурных инноваций». Но это не так¹⁸. Мои метафоры о «круговороте этничности в народе», о смещении этничности с материальной в духовную культуру и далее в политику и (обратным ходом) снова в материальную культуру, хотя бы на декоративном или сувенирном уровне, а также книга Э.А. Паина об «Этнополитическом маятнике», без сомнения корреспондируют с теорией «ротационного механизма» и вместе с тем создают аллюзии с методами импрессионистов.

Все народы определенной ИКО, как правило, находятся под воздействием «одной доминирующей цивилизационной традиции <...> имеет много общих черт в материальной (пищевые модели, покрое одежды, принципы народной архитектуры) и художественной (элементы орнамента, музыкальные лады, мифологические образы) культурах, осознают культурную близость» (Арутюнов 2012; Чеснов 1970: 25).

Новым приемом исследовательской практики, разработанным этносоциологами, стало изображение типичной реальности. В каждом проекте этому подходу служила тщательно разработанная выборка, задача которой состояла в неукоснительном соблюдении репрезентативности собранного материала в ходе этносоциологического опроса. Важным шагом вперед, продолжая прикладные конкретно-социологические исследования и, вместе с тем, шагом навстречу импрессионизму, стал «уход от типичности», предпринятый в этносоциологическом исследовании В.А. Тишковым в теперь уже знаменитой его книге «Общество в вооруженном конфликте».

В новое видение, чувствование и осмысления «этнографического поля» он внес «метод делегированного разговора», что позволило получить из Чечни потрясаю-

щие тексты интервью, которые поразили В.А. Тишкова «своей искренностью и проницательностью, образным и точным мышлением, великолепным простым языком» (Тишков 2001: 19–30).

В итоге на страницы его книги вошли волнующие исповеди, сиюминутные впечатления, случайные взгляды и этюды. У читателя создавалось впечатление, что «этнография чеченской войны» изложена добрыми людьми, за чашкой чая, или гуляющими по коридорам здания Российской Академии Наук.

Сегодня, после спада активной полемики и ослабления упертого противостояния сторонников примордиализма и конструктивизма, становится очевидным надуманность противопоставления двух подходов к изучению феномена этничности. Даже радикальные сторонники каждого из названных направлений вполне определенно представляют себе, что чем больше исследователь знаком с предшествующим направлением, тем лучше постигает последующее. Без преувеличения можно сказать, что современная концепция нациестроительства в России, как часть культуры постмодернизма, построена на реминисценциях, возвращая привычные нам научные историко-этнографические тексты полустертых из памяти.

Для оппонентов примордиализма характерно сильное преувеличение роли определенного генофонда в деле сохранений устойчивости этнической общности, члены которой «совместно борются с другими человеческими популяциями за собственное выживание и выживание своих генов, предпринимают усилия для поддержания биологического здоровья сообщества и его самовоспроизводства» (Тишков, Шабает 2011: 38).

Здесь, как легко можно заметить, две логические неувязки: 1) во-первых, этнические общности трактуются синонимически популяциям, вопреки общепринятому в мировой науке пониманию первых как социокультурных, а вторых, как биологических общностей; 2) во-вторых, борьба этнических общностей (коллективов) за сохранение социокультурной самобытности неправомерно трактуется как борьба за «выживание собственных генов».

Можно было бы вполне согласиться с дефиницией «этничности», заимствованной отечественными исследователями из терминологического арсенала англо-американской социальной и культурной антропологии, если бы при этом делался логически обоснованный вывод. В самом деле, этничность в дискурсе американских и британских социальных и культурных антропологов трактуется как «особое состояние сознания, чувство солидарности с группой, которую индивид признает культурно-значимым для себя сообществом» (Тишков, Шабает 2011: 54–55).

Словом, речь в приведенной цитате идет о группе, как аналоге этноса, но вывод при этом экстраполируется не на этнос и его ценности и не на принадлежность индивида к этносу, а на культурную идентичность. Этнос ограничивается культурой этноса, а солидарность индивида с группой (т.е. с этносом) ограничивается только культурно значимыми ценностями, без указания серии других мотивов этнической идентичности¹⁹.

Специфическая особенность анти-примордиалистов состоит в попытке, хотя и в скрытой форме, перекалвалифицировать теорию этноса в многочисленные теории этничности, вопреки тому, что в реальности этничность означает динамически изменяющиеся специфические особенности, приписываемые, манифестируемые или реальные, этноса и этнической общности, с помощью которых обосновываются самобытность культурного наследия как основа достижения политических целей.

Особое раздражение критиков примордиализма как в его радикальных, так и умеренных вариантах, выступает скорее полемически-метафорическое, чем объяснительно-аналитическое, признание социальными или историческими организмами, и наличие у этнических общностей «некоего набора признаков» (Тишков, Шабаетов 2011: 40).

Между тем, десятки этносоциологических исследований, проведенных в 1970–1990-е годы, неоднократно подтвердили наличие определенной совокупности объективных элементов этнической идентификации, подпитывающих субъективную равнодействующую – этническое сознание и самосознание (Губогло 1973; он же 2003: 195–251).

Сохранение самобытности этнической общности, смыслов, ценностей, текстов и кодов ее культуры в немалой степени зависит от «градуса» этнической идентичности лиц, отождествляющих или «причисляющих» себя с ней. Этническая идентичность выступает продуктом этничности и одновременно ее творцом и ретранслятором. Закономерно, что в современных этнологических проектах большое внимание уделяется взаимосвязи между социальными трансформациями и динамикой соотношений между этнической, религиозной, региональной и другими идентичностями, из которых «скроен» человек (Губогло 2003), а на пленарных заседаниях советского времени звучал «тост» за эффективное «оБРОМЛЕНИЕ» этнографии, как самостоятельной научной дисциплины, и за расширение границ ее предметной области.

Примечания

¹ Выдающийся советский ученый С.А. Токарев, по классическим учебникам, которого воспитывалось не одно поколение этнографов, высоко ценил достижения историко-этнографического изучения народов СССР и сетовал на слабую изученность динамических аспектов, например, в проектах о происхождении народов, в чем исследователи были «вынуждены зачастую довольствоваться предположительными решениями, гипотезами, либо выбирать между несколькими расходящимися между собой взглядами» (Токарев 1958: 5).

² Так, например, классическим образцом историко-этнографического описания русского населения Среднего Поволжья служит монография родоначальника современной Казанской этнографической школы, выдающегося татарстанского ученого Е.П. Бусыгина и его коллег, изданная впервые в Казани в 1966, а затем вторично в 2013 году.

³ Несколько забегаая вперед, укажем, что не случайно одна из крупных этнологических монографий в начале XXI века получила сопряженное с импрессионизмом название: «Антропология движения» (Головнев 2009). В ней реальность измеряется в единицах действия, а не в ее мотивационно-деятельностных схемах, подобных зафиксированным итогам. Даже «сценарий происхождения вида Ното состоит не в остановленном мгновении, а в развернутом движении» (Головнев 2009: 37-38). Думаю, что под этим кардинальным выводом современного антрополога мог бы подписаться любой искусствовед, отдающий должное изображению движения в полотнах импрессионистов.

⁴ В качестве наиболее важных тем для картографирования были по договоренности избраны: 1) земледелие, животноводство и сельскохозяйственные орудия; 2) поселения и жилища; 3) пища и напитки; 4) традиционная одежда и обработка текстиля; 5) сельский транспорт; 6) социальные отношения; 7) семья и брак; 8) народные обычаи жизненного цикла (свадебные, родинные, похоронные обряды, поминальные дни и т.п.); 9) календарные обряды; 10) народные верования.

⁵ Аналогом атласов служит новая серия «Этнографический альбом», реализуемый Институтом этнологии и антропологии РАН. Презентация этнографического альбома «Традиционная культура русского народа в средней полосе Европейской части страны» (автор В.А. Липинская), состоялась 26 января 2016 года в РГО.

Несколько ранее, в 2008 году в продолжение традиции этнографических произведений в формате историко-этнографических атласов и одновременно этнологических энциклопедий увидело

свет издание «Народы России: атлас культур и религий» (Отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Казьмина). Предполагается, что «Атлас» будет «способствовать приобщению россиян к изучению истории и культуры своей страны, развитию межкультурного диалога, укреплению межнациональных и межрелигиозных отношений» (с. 6).

- ⁶ В 1970-е годы и в более позднее время параллельно с новой тематикой, ориентированной на исследование современных этнических процессов, продолжали по инерции выходить в свет историко-этнографические очерки в формате отдельных монографий, посвященных, например, башкирам (1963 г.), русским (1970 г.), юагирам (1975 г.), «Историко-этнографический атлас Прибалтики» (1985 г.), карачаевцам (1978 г.), «Народный костюм татар Поволжья и Урала» (2000 г.), погребальным обрядам тувинцев (1975 г.), «Народы и культуры Урала в XIX-XX вв.» (2003 г.), азербайджанцам Грузии (2006 г.), «Орнаменты русской вышивки» (2006 г.) и др.
- ⁷ Ю.В. Бромлей сочувственно, в частности, цитирует определение этноса, данное С.М. Широкоговым, согласно которому «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освоенных традиций и отличаемый от таковых других» (*Широкогов* 1923: 122; *Бромлей* 1983: 20).
- ⁸ Позволю себе напомнить о некоторых дефинициях, раскрывающих как каркасное понимание этноса, так и векторы его динамических изменений.
- «... собственно этнос (или этнос в узком значении этого термина) может быть определен, – считает Ю.В. Бромлей, – как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающая не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (*Бромлей* 1983: 57–58).
- ⁹ Этногенетическая миксация образуется путем слияния народов, не связанных родством. В качестве примера приводилась этническая история народов США. В результате складывалась «новая этническая общность», которую называют североамериканской нацией.
- ¹⁰ Оппоненты теории этноса, как правило, ссылаются на замещающий его термин этничность. Однако обзор существующих теорий этничности не дает окончательного определения ни того, ни другого (*Скворцов* 1997; *Тишков* 2003: 59–63; *Tishkov* 1997). Более того, перечень объективных индикаторов конструируемой этнической идентичности и этничности повторяет в основном критериобразующие примордиалистские признаки и компоненты этноса.
- ¹¹ Имеет смысл напомнить, что название книги «Этнос», ее автор С.М. Широкогов снабдил уточнением: «Исследование основных принципов изменений этнических и культурных явлений» (*Широкогов* 1923)), а В.В. Пименов в последней главе книги о компонентном анализе этноса, как основного раздражителя конструктивистов, движение этнической материи обозначил в духе конструктивизма: «Этнос есть процесс» (*Пименов* 1977, 222).
- ¹² 15.04.1874 г. в Париже открылась первая выставка импрессионистов.
- ¹³ «Импрессионисты ходили в маленькие цирки-шапито, заглядывали за кулисы театра, улавливали любые изменения в ритме больших городов, сидели в уличных кафе, писали логи и модные мероприятия. Художники импрессионисты оставили нам образ Парижа того времени: городские и загородные сцены повседневной жизни людей, пейзажи, мастерские, где делали шляпки, маленькие кафе, певичек...» (*Волкова* 2014: 163).
- ¹⁴ К таким «застойным» явлениям, заслуживающим похвалы, относились «те компоненты культуры, для которых характерны традиционность и устойчивость: обычаи, обряды, народное искусство, религия, нормы поведения и т. п.» <...> Особо подчеркивалось, «что этнос представляет собой не простую сумму признаков, а определенное целостное образование, в котором на передний план могут выступать различные его объективные компоненты» (*Современные* 1977: 11).
- ¹⁵ Наряду с аллюзиями с французским импрессионизмом, размышления о некоторых итогах полувекового развития этносоциологии наводят мысль об отечественных истоках, связанных с «Этнографическим бюро» и книгой князя В.Н. Тенишева (1897).
- ¹⁶ Перевод азербайджанского *tolma*, турецкого *dolma* от глагола *dolman*, *doldurman* – наполнять.
- ¹⁷ В гагаузской системе жизнеобеспечения особое значение придавалось «третьему листу», как наиболее нежному и вкусному.

- ¹⁸ Смею утверждать, что именно эта теория позволила расширить предметную область этнографии от статичного подхода, прекрасно выраженного сначала в историко-этнографических атласах и очерках, а затем и от незаслуженно устаревающей теории этноса к динамическим аспектам развития этнической материи.
- ¹⁹ Еще одним решительным «обвинением», предъявляемым сторонникам примордиализма, и в первую очередь биологизаторским теориям этноса Л.Н. Гумилева, выступает категорическое несогласие либерально настроенных исследователей с основополагающими постулатами примордиализма: «примат группы над индивидом; утверждение о том, что истинными действующими лицами истории являются национальные общности; отказ от западной политической системы, основанной на представительной демократии и либерализме; примордиалистское понимание народов, отказ от смешения во имя сохранения уникальной специфики каждой национальной группы» (Тишков, Шабаетов 2011: 39).

Литература

- Андреев 2005 – Андреев Л.Г., Импрессионизм: Видеть. Чувствовать. Выражать М.: Гелиос, 2005.
- Арутюнов 1995 – Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность // Этнографическое обозрение, 1995. № 5. С. 7–10.
- Арутюнов 2012 – Арутюнов С.А. Жизнь как текст. Автобиблиография. М.: Хельсинки: ARC, 2012.
- Арутюнов 2012 – Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. Монография. М.: ИНФР-М, 2012.
- Арутюнов 2016 – Арутюнов С.А. О моих коллегах и нашей науке. URL: <http://www.gusaba.ru>. Дата обращения: март 2016
- Арутюнян 1971 – Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971.
- Арутюнян, Дробижеева, Сусоколов 1998 – Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998.
- Ахметова 2016 – Ахметова Ш.К. К вопросу о конструировании этничности. URL: <http://artiklez.com>. Дата обращения: март 2016.
- Ачкасов, Бабаев 2000 – Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
- Бгажноков 2003 – Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. М.: Издательство российского университета дружбы народов, 2003.
- Беляков С. Гумилев сын Гумилева. URL: <http://fanread.ru>. Дата обращения: март 2016.
- Бромлей 1983 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса, М.: Наука, 1983.
- Бромлей 1987 – Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность, М.: Наука, 1987.
- Брук 1973 – Брук С.И. Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы // Советская этнография, 1973. № 3. С. 3–18.
- Вейнгафт 1999 – Вейнгафт Б. Политические институты с позиций концепции выбора / Политическая наука: новые направления. Научный редактор русского издания Е.Б. Шестопал. М., 1999. С. 181–204.
- Винер Б. Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. URL: <http://scilance.com>. Дата обращения: март 2016. С. 114–130.
- Волкова 2014 – Волкова П.Д. Мост через бездну. Книга пятая. М.: Зебра Е, 2013.
- Головнев 2009 – Головнев А.В. Антропология движения (Древности Северной Евразии). Екатеринбург: НППМ Волот, УрО РАН, 2009.
- Головнев 2011 – Головнев А.В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник, 2011. № 2 (31). С. 40–49.

- Головнев 2012 – Головнев А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение, 2012. № 2. С. 3–12.
- Гражданская 2013 – Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
- Губогло 1971 – Губогло М.Н. Элементы этнической идентификации в оценке экспертов / Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований. Тбилиси, 1971.
- Губогло 1973 – Губогло М.Н. Языковые контакты и элементы этнической идентификации. Доклад на IX МКАЭН в г. Чикаго. М., 1973.
- Губогло 1984 – Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М.: Наука, 1984.
- Губогло 1995 – Губогло М.Н. Этнополитическая ситуация в Казахстане в представлениях его граждан / Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М.: РИСИ, 1995.
- Губогло 2002 – Губогло М.Н. Мобильность и мобилизация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 150. М.: ИЭА РАН, 2002.
- Губогло 2003 – Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки М.: Наука, 2003.
- Губогло 2015 – Губогло М.Н. Ресурсы этнополитических процессов. (Истоки этнополитики) / Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-ой годовщине Комратского Государственного университета 4 февраля 2015 г. Т. 2. Лингвистика, история и культура / под общ. ред. Л.В. Федотовой. Комрат, 2016.
- Даниэль 1990 – Даниэль С.М. Искусство видеть Л.: Искусство, 1990.
- Заринов 2002 – Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация // Этнографическое обозрение, 2002. № 1. С. 3–30.
- Ильин 2016 – Ильин В. Социология пространства. URL: <http://www.studfiles.ru>. Дата обращения: март 2016.
- Историческая 2006 – Историческая память: историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006.
- История 2010 – История через личность: историческая биография / под. ред. Л.П. Репиной. М.: «Квадрига», 2010.
- Кара-Мурза, Куропаткина 2014 – Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В., Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный. эксперт, 2014.
- Козлов 1995 – Козлов В.И. Проблема «этничности» // Этнографическое обозрение, 1995. № 4. С. 39–54.
- Комарова 2012 – Комарова Г.А. «Сила антропологического подхода» // Антропологический форум, 2012. № 17. С. 267–302.
- Комарова 2012 – Комарова Г.А. Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этнографии и этносоциологии (1960–80-е гг.). М.: ИЭА РАН, 2012.
- Крюков 1989 – Крюков М.В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность // Расы и народы. Ежегодник, 1989. Вып. 19. С. 5–47.
- Кудрин 2016 – Кудрин А.В. Этничность: есть ли предмет спора? URL: <http://www.socioline.ru>. Дата обращения: март, 2016.
- Левин, Чебоксаров 1954 – Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке проблемы) // Советская этнография, 1955. № 4.
- Леняшин – Леняшин В.А. «... Из времени в вечность» импрессионизм без свойств и свойства русского импрессионизма. Русский импрессионизм. СПб., 2000.
- Мадюкова, Попков 2011 – Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя, 2011.
- Остапенко, Субботина, Нестерова 2012 – Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя. Этносоциологическое исследование. М.: ИЭА РАН, 2012.

- Паин 2004 – Паин Э.А. Этнографический маятник. Динамика этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Пименов 1977 – Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа. Л.: Наука, 1977.
- Политическая 1999 – Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. Науч. ред. рус. изд. Е.Б. Шестопал М.: Вече, 1999.
- Проблемы 1978 – Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978.
- Проблемы 1983 – Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. М., 1983.
- Ревалд 1959а – Ревалд Д. История импрессионизма М.: Искусство, 1959.
- Ревалд 1959б – Ревалд Д. Постимпрессионизм. М.: Искусство, 1962.
- Семенов 2003 – Семенов Ю.И. Философия истории. М.: 2003
- Скворцов 1997 – Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии, СПб: СПбГУ, 1997.
- Современные 1977 – Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Наука, 1977.
- Соколовский 2006 – Соколовский С.В. Современные теории этничности и их восприятие в России // Бюллетень «Антропология меньшинства, мультикультурализм». Новая серия. Вып. 1. Краснодар, 2006. С. 10–19.
- Соколовский 2011 – Соколовский С.В. В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // Laboratorium, 2011. № 2. С. 70–89.
- Сорокин 2006 – Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Социальная 1998 – Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Автор проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: ИСИ РАН, 1998.
- Социально-культурный 1986 – Социально-культурный облик советских наций (по материалам социологического исследования). М.: Наука, 1986.
- Тенишев 1897 – Тенишев В.Н. Деятельность человека. СПб.: типография А.С.Суворина, 1897.
- Титов 1983 – Титов В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. Минск: Наука и техника, 1983.
- Тишков – Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации. М.: Наука, 1997.
- Тишков – Тишков В.А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990, № 12. С. 3–15
- Тишков 2001 – Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.
- Тишков, Шабаетов 2011 – Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. Учебник для вузов М.: МГУ, 2011.
- Токарев – Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: МГУ, 1958.
- Уварова 1999 – Уварова Т.Б. «Новая этничность» в России (1990-е годы). Проблемно-тематический сборник. М.: ИНИОН, 1999.
- Чеснов 1970 – Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов. (В связи с работами М.Г. Левина) // Советская этнография, 1970. № 6. С. 15–25.
- Чешко 1994 – Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение, 1994. № 6. С. 35–49.
- Шакурова 2015 – Шакурова Г.Р. Современные подходы к изучению этничности. URL: <http://superinf.ru>. Дата обращения: март, 2016.
- Широкогоров 1923 – Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай: Изв. ВФ ГДУ, 1923. Вып. XVIII. Т. 1.
- Этничность 1995 – Этничность Национальные движения. Социальная практика. Сб. статей. СПб.: Петрополис, 1995.
- Этнос и политика 2000 – Этнос и политика Хрестоматия. Автор-составитель А.А. Праздаускас. М.: УРАО, 2000.

- Этносоциология 2008 – Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / сост. Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Старый Сад, 2008
- Barry and ors. 2005 – Barry D., Kosolapov M., Kozyreva P. and Wilson R.K. Ethnicity and Trust. Evidence from Russia // American Political Science Review, 2005. No. 99 (4). Pp. 521–532.
- Fishman 1965 – Fishman J.A. Who speaks what language to whom and when? // Linguistique, 1965. No. 2. Pp. 67–88.
- Fishman 1989 – Fishman J. A. Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon, Philadelphia, 1989.
- Hastings 1997 – Hastings Adrian. The Construction of Nationhood. Ethnicity, Religion, and Nationalism. Cambridge University Press. 1997.
- Horowitz 1985 – Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985.
- Rothschild 1981 – Rothschild J. Ethnopolitics: a Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
- The New Merriam-Webster Pocket Dictionary 1971.
- Tishkov – Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame L., Sage Publication, 1997.

References

- Achkasov V.A., Babaev S.A. «Mobilizovannaiia etnichnost»: etnicheskoe izmerenie politicheskoi kul'tury sovremennoi Rossii. St. Petersburg, 2000.
- Akhmetova Sh.K. K voprosu o konstruirovani etnichnosti. URL: <http://artiklez.com>.
- Andreev L.G. Impressionizm: Videt'. Chuvstvovat'. Vyrzhat'. Moscow, 2005.
- Arutiunian Iu.V. Sotsial'naia struktura sel'skogo naseleniia USSR. Moscow, 1971.
- Arutiunian Iu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Etnosotsiologiia. Moscow, 1998.
- Arutiunov S.A. Etnichnost' – obektivnaia real'nost' // Etnograficheskoe obozrenie, 1995. No. 5. Pp. 7–10.
- Arutiunov S.A. O moikh kollegakh i nashei nauke. URL: <http://www.gusaba.ru>.
- Arutiunov S.A. Siluety etnichnosti na tsivilizatsionnom fone. Monografiia. Moscow, 2012.
- Arutiunov S.A. Zhizn' kak tekst. Avtobibliografiia. Moscow, 2012.
- Barry D., Kosolapov M., Kozyreva P. and Wilson R.K. Ethnicity and Trust. Evidence from Russia // American Political Science Review, 2005. No. 99 (4). Pp. 521–532.
- Beliakov S. Gumilev syn Gumileva. URL: <http://fanread.ru>.
- Bgazhnikov B.Kh. Osnovaniia humanisticheskoi etnologii. Moscow, 2003.
- Bromlei Iu.V. Etnosotsial'nye protsessy: teoriia, istoriia, sovremennost'. Moscow: Nauka, 1987.
- Bromlei Iu.V. Ocherki teorii etnosa. Moscow: Nauka, 1983.
- Bruk S.I. Istoriko-etnograficheskoe kartografirovanie i ego sovremennye problemy // Sovetskaia etnografiia, 1973. No. 3. Pp. 3–18.
- Cheshko S.V. Chelovek i etnichnost' // Etnograficheskoe obozrenie, 1994. No. 6. Pp. 35–49.
- Chesnov Ia.V. O sotsial'no-ekonomicheskikh i prirodnykh usloviakh vzniknoveniia khoziaistvenno-kul'turnykh tipov. (V sviazi s rabotami M.G. Levina) // Sovetskaia etnografiia, 1970. No. 6. Pp. 15–25.
- Daniel' S.M. Iskustvo videt'. Leningrad, 1990.
- Etnichnost' Natsional'nye dvizheniia. Sotsial'naia praktika. Sb. statei. St. Petersburg, 1995.
- Etnos i politika Khrestomatiia. Avtor-sostavitel' A.A. Prazauskas. Moscow, 2000.
- Fishman J. A. Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon, Philadelphia, 1989.
- Fishman J.A. Who speaks what language to whom and when? // Linguistique, 1965. No. 2. Pp. 67–88.
- Golovnev A.V. Antropologiia dvizheniia (Drevnosti Severnoi Evrazii). Ekaterinburg, 2009.
- Golovnev A.V. Etnichnost' i identichnost' na Urale // Ural'skii istoricheskii vestnik, 2011. No. 2 (31). Pp. 40–49.
- Golovnev A.V. Etnichnost': ustoiichivost' i izmenchivost' (opyt Severa) // Etnograficheskoe obozrenie, 2012. No. 2. Pp. 3–12.

- Grazhdanskaia, etnicheskaia i regional'naia identichnost': vchera, segodnia, zavtra. L.M. Dro-bizheva (ed.). Moscow, 2003.
- Guboglo M.N. Elementy etnicheskoi identifikatsii v otsenke ekspertov / Vsesoiuznaia nauchnaia sessiia, posviashchennaia itogam polevykh arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovani. Tbilisi, 1971.
- Guboglo M.N. Etnopoliticheskaia situatsiia v Kazakhstane v predstavleniiakh ego grazhdan / Kazakhstan: realii i perspektivy nezavisimogo razvitiia. Moscow: RISI, 1995.
- Guboglo M.N. Iazykovye kontakty i elementy etnicheskoi identifikatsii. Doklad na IX MKAEN v g. Chikago. Moscow, 1973.
- Guboglo M.N. Identifikatsiia identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki. Moscow: Nauka, 2003.
- Guboglo M.N. Mobil'nost' i mobilizatsiia. Moscow, 2002.
- Guboglo M.N. Resursy etnopoliticheskikh protsessov. (Istoki etnopolitiki) / Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 25-oi godovshchine Komratskogo Goudarstvennogo universiteta 4 fevralia 2015 g. Vol. 2. Lingvistika, istoriia i kul'tura. L.V. Fedotovoi (ed.). Komrat, 2016.
- Guboglo M.N. Sovremennye etnoiazykovye protsessy v USSR. Moscow: Nauka, 1984.
- Hastings Adrian. The Construction of Nationhood. Ethnisiy, Religion, and Nationalism. Cambridge University Press, 1997.
- Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985.
- Il' in V. Sotsiologiya prostranstva. URL: <http://www.studfiles.ru>.
- Istoricheskaya pamiat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni. L.P. Repinoi (ed.). Moscow, 2006.
- Istoriia cherez lichnost': istoricheskaya biografiia. Ed. L.P. Repinoi (ed.). Moscow, 2005.
- Kara-Murza S.G., Kuropatkina O.V. Natsiestroitel'stvo v sovremennoi Rossii. Moscow: Algoritm. Nauchnyi ekspert, 2014.
- Komarova G.A. «Sila antropologicheskogo podkhoda' // Antropologicheskii forum, 2012. No. 17. Pp. 267–302.
- Komarova G.A. Opyt integratsii: mezhdistsiplinarnoe vzaimodeistvie etnografii i etnosotsiologii. Moscow: IEA RAN, 2012.
- Kozlov V.I. Problema «etnichnosti» // Etnograficheskoe obozrenie, 1995. No. 4. Pp. 39–54.
- Kriukov M.V. Etnichnost', bezetnichnost', etnicheskaia nepreryvnost' // Rasy i narody. Ezhegodnik, 1989. Vol. 19. Pp. 5–47.
- Kudrin A.V. Etnichnost': est' li predmet spora? URL: <http://www.socioline.ru>.
- Leniashin V.A. «... Iz vremeni v vechnost'» impresionizm bez svoistv i svoistva russkogo impresionizma / Russkii impresionizm. St. Petersburg, 2000.
- Levin M.G., Cheboksarov N.N. Khoziaistvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti (K postanovke problemy) // Sovetskaia etnografiia, 1955. No. 4.
- Madiukova S.A., Popkov Iu.V. Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma. St. Petersburg: Al-eteiia, 2011.
- Ostapenko L.V., Subbotina I.A., Nesterova S.L. Russkie v Moldavii. Dvadsat' let spustia. Etnosotsiologicheskoe issledovanie. Moscow: IEA RAN, 2012.
- Pain E.A. Etnograficheskii maiatnik. Dinamika etnopoliticheskikh protsessov v postsovetsoi Rossii. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2003.
- Pimenov V.V. Udmurty. Opyt komponentnogo analiza. Leningrad: Nauka, 1977.
- Politicheskaya nauka: novye napravleniia. Moscow: Veche, 1999.
- Problemy etnicheskoi geografii i kartografii. Moscow: Nauka, 1978.
- Problemy kartografirovaniia v iazykoznanii i etnografii. Moscow: Nauka, 1983.
- Reval'd D. Istoriia impresionizma Moscow: Iskusstvo, 1959.
- Reval'd D. Postimpressionizm. Moscow: Iskusstvo 1959.
- Rothschild J. Ethnopolitics: a Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
- Shakurova G.R. Sovremennye podkhody k izucheniiu etnichnosti. URL: <http://superinf.ru>.

- Shirokogorov S.M.* Etnos. Issledovanie osnovnykh printsiptov izmeneniia etnicheskikh i etnograficheskikh iavlenii. Shankhai, 1923.
- Skvortsov N.G.* Problema etnichnosti v sotsial'noi antropologii, St. Petersburg: St. PetersburgGU, 1997.
- Sokolovskii S.V.* Sovremennye teorii etnichnosti i ikh vospriiatie v Rossii // Biulleten «Antropologiya men'shinstva, mul'tikul'turalizm». Novaia seriia, 2006. Vol. 1. Pp. 10–19.
- Sokolovskii S.V.* V tseitnote: zametki o sostoianii rossiiskoi antropologii // Laboratorium, 2011. No. 2. Pp. 70–89.
- Sorokin P.A.* Sotsial'naia i kul'turnaia dinamika. Moscow: Astrel', 2006.
- Sotsial'naia i kul'turnaia distantsii. Opyt mnogonatsional'noi Rossii. L.M. Drobizheva (ed.). Moscow, 1998.
- Sotsial'no-kul'turnyi oblik sovetskikh natsii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia). Moscow: Nauka, 1986.
- Sovremennye etnicheskie protsessy v USSR. 2-e izd. Moscow: Nauka, 1977.
- Tenishev V.N.* Deiatel'nost' cheloveka. St. Petersburg, 1897.
- The New Merriam-Webster Pocket Dictionary 1971.
- Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame Leningrad, 1997. Sage Publication
- Tishkov V.A.* Obshchestvo v vooruzhenom konflikte. Etnografiia chechenskoi voyny. Moscow: Nauka, 2001.
- Tishkov V.A.* Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossiiskoi Federatsii. Moscow: Nauka, 1997.
- Tishkov V.A.* Sotsial'noe i natsional'noe v istoriko-antropologicheskoi perspektive // Voprosy filosofii, 1990. No. 12. Pp. 3–15.
- Tishkov V.A., Shabaev Iu.P.* Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti. Uchebnik dlia vuzov. Moscow: MGU, 2011.
- Titov V.S. Istoriko-etnograficheskoe raionirovanie material'noi kul'tury belorusov. Minsk: 1983.
- Tokarev S.A.* Etnografiia narodov USSR. Istoricheskie osnovy byta i kul'tury. Moscow: MGU, 1958.
- Uvarova T.B.* «Novaia etnichnost» v Rossii (1990-e gody). Problemno-tematicheskii sbornik. Moscow: INION, 1999.
- Veingast B.* Politicheskie instituty s pozitsii kontseptsii vybora / Politicheskaya nauka: novye napravleniia. Nauchnyi redaktor russkogo izdaniia E.B. Shestopal. Moscow, 1999. Pp. 181–204.
- Viner B.* Postmodernistskii konstruktivizm v rossiiskoi etnologii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. Pp. 114–130. URL: <http://scilance.com>.
- Volkova P.D.* Most cherez bezdnu. Kniga piataia. Moscow, 2014.
- Zarinov I.Iu.* Sotsium – etnos – etnichnost' – natsiia // Etnograficheskoe obozrenie, 2002. No. 1. Pp. 3–30.

M.N. Guboglo. Allusions of Impressionism in Ethnic Sociology.

The main contribution of academician Yu.V. Bromley to the humanities consists in elaborating of a theory of ethnos. These concept deals with modern ethnic and ethno-social processes, that, in particular, makes it possible to define the boundaries of ethnography/ethnology, to specify the conceptual frame and terminological apparatus, as well as broaden its perspective with the aim to improve the social status and practical relevance of discipline.

Key words: Ethnic and ethno-social processes, ethnicity, innovations, identity, ethno-sociology, ethnic mobilization.

ФИЗИЧЕСКАЯ (БИОЛОГИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

© И.И. Саливон, О.В. Марфина

**РОЛЬ МИГРАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ**

Важную роль в формировании антропологического состава населения на территории Беларуси играли миграции. Три массовых миграционных потока изменяли генофонд популяций. Первый из них представлен первоначальным заселением территории нашей республики, вслед за отступающим ледником примерно 10 тысяч лет назад. О том, что процесс заселения начался в это время и происходил с юго-запада, юга и юго-востока, свидетельствуют и результаты исследований белорусскими генетиками распределения наследуемых по отцовской линии гаплогрупп Y-хромосомы в 18 территориальных группах мужчин белорусской национальности, предки которых на протяжении трех поколений жили в пределах конкретного населенного пункта. Вторая массивная миграционная волна связана с распространением во второй половине III – первой половине II тысячелетия до н. э. (примерно 5 тысяч лет назад) с территории Западной Европы населения, оставившего культуру инуровой керамики и предположительно относившегося к индоевропейской общности. Позднее, в VII–VI веках до н. э. на восточной территории Литвы, северных и центральных территориях Беларуси сформировалась культура штрихованной керамики, этническая принадлежность которой ассоциируется с балтоязычным населением. Третья миграционная волна представляет собой проникновение славянских племен на территорию Беларуси с северо-запада, запада, юго-запада и юга во второй половине I тысячелетия н. э. Взаимодействие пришлого и коренного населения происходило как при военных действиях с обеих сторон, так и при мирном сосуществовании с постепенной культурной ассимиляцией мигрантов, либо аборигенов, а с включение в круг брачных связей меняло структуру генофонда следующих поколений. С возникновением городов, формирующихся преимущественно за счет притока местного сельского населения и частично за счет мигрантов из отдаленных мест, увеличивалась генетическая неоднородность горожан. В дальнейшем миграционные потоки на территорию Беларуси были связаны с захватническими войнами, которые вносили вклад в изменение генофонда локальных популяций из-за уничтожения значительной части населения. Дальнейшее восполнение потерь осуществлялось за счет притока ранее территориально отдаленных групп, а также иноэтнического населения. На современном этапе интенсификация миграционных потоков размывает генофонд популяций, исторически сложившийся на протяжении многих веков адаптации к определенным экологическим условиям жизнедеятельности.

Саливон Инесса Ивановна – доктор биологических наук, главный научный сотрудник отдела антропологии Института истории НАН Беларуси. Эл. почта: belantrop@tut.by.

Марфина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом антропологии Института истории НАН Беларуси. Эл. почта: belantrop@tut.by.

Ключевые слова: *миграции, белорусы, формирование антропологического состава.*

Введение

Миграции играют не только важную социальную, но и биологическую роль в жизни общества. Массивные миграционные потоки во все исторические времена приносили новую социальную информацию в развитие материальной и духовной культуры коренных жителей определенной местности, а также биологическую информацию, включаясь в их генофонд и формируя особенности антропологического состава популяций.

Удельный вес вклада пришлого населения в культуру местных жителей и устойчивость этого вклада на протяжении длительного времени зависит от исторических условий, определяющих действие многих факторов таких, как уровень культурного развития первых и вторых; численное соотношение пришельцев и коренного населения в начале переселения и их количества в дальнейшем; расширение круга брачных связей; насильственное или мирное внедрение элементов культуры пришельцев и т. д. Во время изменений исторических условий, происходит изменение вклада этих факторов в развитие разных этносов.

Определяя свойства этноса как социокультурной адаптивной системы, профессор кафедры этнологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.В. Карлов подчеркивает: «Это не передача способа адаптации через гены, подобно как у животных, а это передача способа адаптации через культуру, через культурный код. Это выработанный многими поколениями предков каждого человека способ бытия, передаваемый новым поколениям и усваиваемый этими новыми поколениями в процессе социализации... Это закодированное в языке и нормативно-ценностной системе этноса отношение ко всему окружающему миру как природному, так и социальному, которое воспринимается только в социальном окружении им же коллективно поддерживается» (Карлов 2014: 6).

Генофонд людей устойчивее во времени, чем культура, так как в ряду поколений передается биологическая информация, которую нельзя, как элементы культуры, позаимствовать у других народов. Это позволяет, с учетом природных условий и исторических событий, проследить древние истоки формирования антропологических (морфологических и функциональных) особенностей населения разных территорий, объяснить адаптивную изменчивость популяций, лимитируемую их генетической программой биологического приспособления к определенным природным и социальным условиям жизнедеятельности. Такой подход необходим при понимании закономерностей изменения расовых особенностей населения вследствие смешения с потоками мигрантов иного антропологического типа.

Важным источником информации о древних миграциях населения в бесписьменный период развития общества являются материалы из археологических раскопок. Судя по результатам археологических исследований, в заселении территории Беларуси, в развитии цивилизации и формировании антропологических особенностей населения важную роль сыграли три наиболее интенсивные миграционные волны.

Результаты и обсуждения

Заселение территории Беларуси человеком современного биологического вида началось примерно десять тысяч лет назад. Эти первые волны миграций представляли собой медленное продвижение разрозненных, малочисленных групп людей вслед за отступающим ледником. Они заселяли преимущественно прибрежную зону рек и озер, занимались собирательством, рыболовством и охотой. Полная зависимость от естественных природных ресурсов не способствовала значительному росту численности населения (Исаенко 1976; Чернявский 1979; Калечиц 1887; Неолит 1996).

На рубеже позднего неолита и начала бронзового века, примерно пять тысяч лет назад, то есть во второй половине III – первой половине II тысячелетия до н. э., значительная часть территории Европы была заселена племенами, оставившими культуру шнуrowой керамики и кремниевых боевых топоров. Название эта археологическая культура получила по характерному орнаменту в виде отпечатков шнура на глиняной посуде. Ареал ее распространения простирался на западе от нижнего течения Рейна, на востоке – до Волги, на севере – от южной Скандинавии, а на юге – до верховьев Эльбы и Днестра, включая среднее течение Днепра. Границы распространения этой культуры почти полностью совпадают с границами расселения в более позднее время славян, балтов и германцев. Сходство основных черт культуры шнуrowой керамики может косвенно свидетельствовать в пользу древних общих истоков формирования генетической основы этих народов (Митрофанов 1978; *Археологія і нумізматыка* 1993; Егорейченко 2006).

Этническая дифференциация представителей культуры шнуrowой керамики происходила в более поздние времена при расширении территории проживания в своеобразных исторических и экологических условиях, влиявших на формирование своеобразных антропологических и социокультурных адаптивных (этнических) особенностей. Согласно анализу комплекса археологических артефактов, племена культуры шнуrowой керамики занимались скотоводством и земледелием, что позволяло запасать продукты питания и содействовало росту численности населения, побуждая его к освоению новых территорий. Вероятно, люди, передвигались преимущественно водными путями, воздвигали по берегам рек и озер небольшие поселения и постепенно расширяли территорию своего обитания. Могло возникнуть и кочевое скотоводство, вынуждавшее население при исчерпании пастбищных ресурсов осваивать новые жизненные пространства. Продвигаясь на восток и заселяя территорию современной Беларуси, представители этой культуры сосуществовали с местным неолитическим населением, занимавшимся в основном рыбной ловлей и охотой, и постепенно вытесняли либо поглощали его, формируя своеобразный генофонд локальных популяций. Это была вторая миграционная волна, охватившая большую часть территории Беларуси.

На части территории, ранее занятой культурой шнуrowой керамики, к VII–VI векам до н. э., то есть на территории восточной Литвы, северных и центральных районов Беларуси сформировалась культура штрихованной керамики, получившей название в соответствии с особенностями глиняной посуды покрытой снаружи, а иногда и изнутри, штриховкой. Большинство исследователей считает этническую принадлежность этого населения балтской (Седов 1982, 2005; Шадыро 1985; *Археологія і нумізматыка* 1993).

Поселения сначала были открытыми и располагались на возвышенностях вдоль рек и озер, но постепенно стали появляться городища в защищенных природой ме-

стах, которые укреплялись только деревянной стеной. Кроме земледелия и скотоводства в хозяйственной деятельности людей существенное место занимали охота и рыболовство. Появление укрепленных городищ свидетельствует об их оборонном назначении от возможного вторжении пришельцев. Уже в VI–V веках до н. э. городища племен штрихованной керамики приобретают хорошо укрепленный вид со рвами и насыпными валами вокруг, а в I–V веках н. э. укрепления вокруг городов приобретают более сложный характер. Постепенно усложняется и хозяйственная система: наряду с земледелием и скотоводством развивается система ремесел – обработка железа, кости, рога, дерева, камня, бронзолитейное дело, гончарство, прядение, ткачество и др.

Согласно археологическим данным, третья миграционная волна охватила территорию Беларуси во второй половине I тысячелетия н. э., когда стали проникать славянские племена (*Третьяков* 1982; *Седов* 1994; *Восточные славяне* 1999; *Трубачев* 2002). В самом раннем, известном нам письменном источнике «Повести временных лет», написанной в период, предшествовавший событиям IX века, летописец указывает на то, что прародина славян находилась на территории среднего течения Дуная, и что на территории Беларуси расселились родственные славянские племена: кривичи – в северном регионе в верховьях Днепра и Западной Двины; дреговичи – в Полесье, центральном регионе и в бассейне Немана; а радимичи – на левобережье Днепра между ним и Десной по течению Сожа и его притокам (*Повесть* 1950).

Многолетние систематические раскопки, проведенные белорусскими и российскими археологами, позволили уточнить территорию расселения этих племенных объединений и их хозяйственную деятельность, а также разнообразие погребальной атрибутики и время возникновения славянских городов на территории Беларуси.

Наиболее ранние кривичские могильники середины I тысячелетия н. э. выявлены на территории северной Беларуси (*Штыхов* 1992). Отсюда кривичи на протяжении VI–VII вв. продвинулись в Полоцкое Подвинье по рекам Дрисса и Полота в сторону Ушачского Поозерья. Второе направление расселения кривичей в данный период – Витебское Подвинье и Оршанское Поднепровье. В южном направлении они осваивали наиболее благоприятную природно-экономическую среду, стремясь занять позиции на водных магистралях.

Характерными чертами, позволяющими определить племенную принадлежность, служат женские украшения. Например, у дреговичских женщин это были крупные медные или серебряные бусы с напаянными на них мелкими серебряными шариками, а также височные кольца из круглой проволоки с закрепленными на них тремя небольшими бусинами. К этноопределяющим украшениям радимичских женщин относятся бронзовые или серебряные семилучевые или семилопастные височные кольца и другие украшения.

На территории Беларуси основной хозяйственной деятельностью славянского населения на рубеже I–II тысячелетий н. э. были земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, собирательство, прядение и ткачество. В этот период племенные объединения находились на довольно высоком уровне социального развития, связанного с зарождением государственности (образование княжеств) и с возникновением славянских городов.

Авторами историко-археологических исследований особое внимание уделяется образованию центров феодальных княжеств, которые сформировались на территории Беларуси в древности – Полоцк (862 г.), Туров (980 г.), а также другие города: Берестье

(1019 г.), Витебск (1021 г.), Минск (1067 г.), Логойск (1078 г.), Друцк (1092 г.), Пинск (1097 г.), Гомель (1142 г.) Могилев (1267 г.) и др. До конца XIV столетия на территории Беларуси существовало около 50 городов, которые связывали экономически местное население своей округи и налаживали связи с другими восточнославянскими группами населения. Города заселялись преимущественно за счет жителей, которые вытеснялись феодалами из общинных земель расположенных вблизи сельских поселений.

Существует ряд работ, посвященных влиянию экологических условий на демографические показатели и морфологические характеристики населения древних городов (*Восточные славяне* 1999). Например, изучение биологических процессов, связанных с урбанизацией, позволило установить, что в эпоху средневековья основная масса горожан имела более низкие показатели здоровья по сравнению с сельским населением (*Палеоантропология* 2015).

Средневековые города отличались крайне неблагоприятной для жизни людей обстановкой, связанной с ухудшением санитарно-гигиенической (открытые сточные канавы, недостаток чистой питьевой воды) и эпидемиологической ситуацией из-за скученности населения (*Прохоров* 1995). В увеличении численности возникающих городов естественный прирост населения чаще всего играл второстепенную роль, так как несмотря на высокую для того времени рождаемость, средняя продолжительность жизни в XVI–XVII веках не превышала 25 лет. Для белорусских территорий до 80–90-х годов XIX века был характерен тип воспроизводства населения на основе не ограниченной сознательно рождаемости (в 1897 году составляла 46 ‰), высокого уровня смертности (в 1897 году – 25 ‰, детей до 1 года – 186 ‰) и низкой продолжительности жизни (1896–1897 годах равнялась 35,5 годам).

Исследователи считают, что лишь, когда Полоцк занял главное место среди других родовых центров кривичей, освоивших междуречье рек Ушача и Ула, в конце I тыс. н. э. сформировалось Полоцкое княжество и появилось название «полочане». Не вызывает сомнений и то, что «полочане» относятся к славянам, потому что согласно «Повести временных лет» у них «словенск язык» (*Повесть* 1950). В летописи также указывается, что первыми насельниками в Полоцке были кривичи.

Определение направлений расселения кривичей (Полоцкое и Витебское Подвинье, Оршанское Поднепровье) в VI–VIII веках позволило белорусским исследователям выделить ядро формирования территориально-племенной структуры – княжения кривичей-полочан в VIII–IX веках. Ареал распространения (от Киевской Руси до Скандинавии) ведущих форм лепной и раннекруговой керамики и районы нахождения монетных кладов в Полоцком и Витебском Подвинье указывают основные направления контактов кривичей в южном и северном направлениях на пути «из варяг в греки» и степень влияния этих контактов на социокультурное преобразование племенного княжения в раннюю государственную структуру – Полоцкое княжество (*Полоцк* 2012).

Почти одновременно с образованием на севере территории Полоцкого княжества на юге сформировалось и Турово-Пинское княжество. Как показывают археологические материалы и письменные источники, сложившиеся одновременно с княжением полочан территориально-племенные структуры кривичей в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье, а также племенные образования с центрами в Лукомле и Друцке, вошли в состав Полоцкого княжества в конце X – начале XI века (*Друцк* 2014). В дальнейшем военно-политическая нестабильность способствовала вхождению в XIII веке полоцких владений в состав формирующегося Великого Княжества Литовского.

На Восточноевропейском пространстве, несмотря на частые войны и феодальные междоусобицы, осуществлялись постоянные торговые связи между городами Полоцкого княжества и землями Руси, Киевом, Ригой, регионами Балкан и Каспийского моря. В пределах ближней округи Полоцка археологами обнаружены следы «расселения пленников», то есть иноэтничного, зависимого от феодалов населения. Но источником пополнения городского населения являлась в первую очередь сельская округа. Об этом косвенно свидетельствуют письменные источники второй половины XV–XVI веков.

Полоцкие грамоты 1500, 1502 годов отражают разнообразие городского ремесленного производства, о чем свидетельствуют упоминания пекарей, мясников, пивоваров, каменщиков, золотарей, ковалей, швцов, гончаров, плотников и представителей иных ремесел. Интенсивный процесс возникновения в XVI веке на землях Великого Княжества Литовского малых поселений городского типа (местечек) определял им функцию центров локальной торговли. Однако исследователи отмечают слабую урбанизацию Полоцкого Подвинья, из-за постоянной военной угрозы. Война между Россией и Речью Посполитой 1654–1667 годов привела к значительному разорению местечек Подвинья и уничтожению до 50% населения. Больше всего пострадало население на соседних с Россией территориях. После окончания войны численность населения увеличивалась медленно.

Сокращение численности населения происходило из-за связанных с военными действиями причин: вследствие голода, эпидемий, миграций населения. На протяжении XVI–XVII веков исследователи отмечают около 80 эпидемий. В конце XVII века в Великом княжестве Литовском прирост населения замедлился в результате экономического кризиса вследствие войны со Швецией, затем в начале XVIII века – с гражданской войной. Во время Первой мировой войны погиб 1 миллион 200 тысяч человек, а во время Второй мировой войны – от 2,5 до 3 миллионов человек (каждый третий человек). Все оказывало существенное влияние на изменение антропологического состава населения на территории Беларуси.

О физическом типе, то есть о внешнем облике, наиболее древнего населения обитавшего на территории Беларуси в разные эпохи, антропологи могут судить лишь по единичным случайным находкам костных останков, датируемых эпохой бронзы. К ним относятся найденные под завалом кремнедобывающей шахты в д. Красное село Волковысского района Гродненской области (западная территория Беларуси) костные останки молодого мужчины. Находившийся рядом с ним глиняный сосуд с орнаментом, характерным для культуры шнуровой керамики, датирован серединой II тыс. до н. э.

Мужчина был довольно высокого роста (170–175 см), умеренно долихоморфный, долихокранный (черепной указатель 75 ед.), с четко выраженными европеоидными чертами: лицо хорошо профилировано в горизонтальной плоскости, грушевидное отверстие неширокое (носовой указатель 53,8 ед.), переносье среднеширокое и высокое, носовые кости сильно выступают (33°). Он обнаруживает большое морфологическое сходство с мужчинами из грунтового могильника XI–XII веков н. э. в Новогрудке Гродненской области.

Рядом с другой находкой – скелетом мужчины зрелого возраста в Ветковском районе Гомельской области (юго-восток Беларуси) найдены фрагменты керамики, отнесенной к среднеднепровской культуре, датированной первой половиной II тыся-

челетия до н. э. От находки из Гродненской области этот мужчина отличается меньшей длиной тела (около 160 см), брахиморфностью, брахикранией (85,3 ед. против 81,7 ед. у краниологической серии белорусов XVIII–XIX веков), умеренно уплощенным лицом на уровне скул и орбит, более широким и низким переносьем, слабее выступающими носовыми костями (20°), более широким носом (носовой указатель 55,8 ед.). Этот комплекс, дифференцирующий европеоидную и монголоидную расы, сближает находку с восточным стволом евразийской расы. Таким образом, обе находки отражают древние пути расселения по территории Беларуси, происходившего как с запада, так и с востока (Саливон и др. 2014).

Из-за существовавшего на территории Беларуси обряда кремации умерших вплоть до принятия христианства в IX–X вв., костные останки древнего населения представлены лишь материалами из раскопок курганов X–XIV веков и грунтовых могильников XI–XIX веков. Исследование краниологических серий позволило выявить внутригрупповую и межгрупповую неоднородность среди хронологически одновременных локальных групп, а также показать характер изменений во времени структурных показателей мозгового и лицевого отделов черепа и посткраниального скелета. На территории Беларуси, как и среди многих европейских популяций, по направлению к современности происходило постепенное уменьшение массивности скелета (процесс грацилизации) и изменение формы мозгового отдела черепа (процесс брахикефализации) от удлинённой (долихокранной) до округлой (брахикранной) за счет сокращения его продольного диаметра и расширения поперечного (Дебец 1948; Саливон 2011). Длительность и однонаправленность во времени этого процесса позволил нам высказать предположение о его микроэволюционном характере (Саливон 1998).

Среди средневекового восточнославянского населения в первой половине II тыс. н. э. наряду с массивными, долихокранными популяциями существовали грацильные, менее долихокранные локальные популяции, однако по расоводиагностическим признакам различия между ними не достигали статистической значимости. Можно отметить среди хронологически одновременных групп лишь слабую тенденцию нарастания степени долихокранности и массивности скелета на территории Беларуси в северном направлении. Территориальная типологическая вариабельность формы черепа среди более поздних сельских краниологических серий (XVIII–XIX веков) и среди современного коренного сельского населения (белорусов) сохраняет ту же тенденцию: по направлению к востоку и юго-востоку немного понижается высота переносья, становится несколько слабее профилированность лица, шире нос, а к югу нарастает выраженность брахикефалии.

Однако в целом, в течение последнего тысячелетия н. э. восточнославянские популяции на территории Беларуси довольно близки по расовым особенностям краниологического комплекса, а локальные варианты, вероятно, отражают сохранившиеся в поколениях следы морфологических особенностей древних предков. Это обусловлено тем, что коренное сельское население, более консервативно по сравнению с горожанами, не только в отношении традиций, но и в отношении миграционной активности и заключения браков с пришлым населением.

Рассмотрим подробнее историю биологической роли миграционных потоков, записанную благодаря непосредственной межпоколенной преемственности наследственных особенностей в генетическом коде популяций на территории Беларуси. Как свидетельствуют исследования генетиков, большая часть территории Европы

заселялась человеком дважды. При наступлении ледника, охватившего обширную территорию Европы, значительно сократилась численность первопоселенцев, которые вынуждены были мигрировать к югу в сторону Пиренеев, в сторону Каспия и Причерноморья, а также в сторону Турции. Тысячелетнее проживание небольших групп в изоляции привело к локальным, фиксировавшимся в ряду поколений, изменениям их генофонда. Оставленная территория стала заселяться лишь после отступления к северу ледника, вызванного потеплением климата.

Территорию Беларуси тоже стали постепенно осваивать группы людей, проникавших с юго-запада, юга и юго-востока. Об этом свидетельствуют данные, полученные белорусскими генетиками О.Г. Давыденко и Е.И. Кушнеревич при исследовании распределения наследуемых по отцовской линии гаплогрупп Y-хромосомы в 18 территориальных выборках коренного (в трех поколениях) населения, то есть мужчин белорусской национальности из шести регионов республики. При помощи применяемых в генетике математических приемов им удалось определить древность и направление этих миграционных потоков, характеризовавшихся своеобразием распределения некоторых гаплогрупп Y-хромосомы (*Давыденко и др. 2011; Давыденко 2012*).

Оказалось, что среди исследованных 565 мужчин-белорусов наиболее часто (51%) встречается гаплогруппа Y-хромосомы R1a, а ее ветви I2a – в 17% случаев и N1c – в 10%. Но в распределении этих гаплогрупп существуют территориальные различия: среди населения Полесья (юг Беларуси) наиболее часты случаи гаплогруппы I2a (до 26%), а на севере (прилегающая к Западной Двине территория), северо-западе и западе (прилегающая к реке Неману территория) частота гаплогруппы N1c наиболее высока – 12% и 15% соответственно.

По частоте встречаемости гаплогруппы R1a белорусы близки к русским, украинцам, полякам. Так как высокое содержание гаплогруппы R1a характерно как для белорусов, так и для разных групп населения говорящего на языках индоевропейской лингвистической семьи в восточной Европе, Иране, на Алтае, а наибольшая концентрация этой гаплогруппы сосредоточена на севере Индостана, то исследователи предполагают, что послеледниковая экспансия происходила именно с территории Индостана в северо-западном направлении и 10–12 тысяч лет назад достигла Восточной Европы, где в это время установился умеренный климат.

Среди гаплогруппы R1a генетики выделяют две подгруппы: R1a1 и более молодую – R1a1a. Последняя встречается только в Европе при максимальной концентрации в юго-восточной Польше и Словакии. На основании этого авторы полагают, что на территорию Беларуси было две волны миграции: ранняя в западном и восточном направлении со стороны Каспия и более поздняя – со стороны Польши и Словакии, происходившая во всех направлениях. В пользу наиболее мощных миграционных потоков с запада по долинам рек Припяти и Немана в доисторические времена свидетельствует наибольшая концентрация на территории Полесья и в Понеманье более молодой гаплогруппы Y-хромосомы R1a1a.

Другая по частоте встречаемости среди белорусов гаплогруппа Y-хромосомы I2a1, самая высокая (до 28%, а в некоторых группах до 27%) концентрация которой сосредоточена на западной и восточной территории Полесья. На этой территории данная гаплогруппа появилась около 7 тысяч лет назад и ее носители, вероятно, положили начало земледелию, так как здесь этим же временем датируется пыльца зерновых растений. Так как наиболее высокие концентрации этой гаплогруппы со-

средоточены на Балканском полуострове, исследователи считают, что имел место южный миграционный поток, достигший в доисторические времена южной территории Беларуси, России, Польши. То есть по мужской линии общих древних предков могут иметь поляки, украинцы, боснийцы, хорваты, белорусы Полесья.

Третья по частоте встречаемости среди белорусов (средние значения – 10%) гаплогруппа Y-хромосомы – N1c (от 8% на юге до 15% на севере). У украинцев она встречается в 9% случаев, у русских – в 14%, у поляков совсем редко, но у латышей, литовцев, эстонцев – в 35–40% случаев (Давыдзенка 2012). Среди европейцев она чаще всего встречается у финнов и саамов, а зародилась она в Китае. Более высокие, чем у белорусов, концентрации характерны для русских севера, еще выше у балтов и эстонцев, но значительно ниже у поляков и чехов. Такое территориальное распределение частот этой гаплогруппы О.Г. Давыденко и Е.И. Кушнеревич считают следствием миграционного потока финно-угорских мужчин с севера.

Исследования территориального распределения частот митохондриальной ДНК – мтДНК, наследуемой по материнской линии, позволило авторам выдвинуть гипотезу об общности происхождения балтов и славян. При этом результаты их исследования показали наибольшую удаленность от белорусов по концентрации мтДНК, как и по гаплотипам Y-хромосомы, с одной стороны испанцев, а с другой финнов. В итоге исследователи сделали вывод о том, что дальнейшие миграционные потоки могли лишь усложнить мозаику генотипов но «были не в состоянии радикально изменить пропорции между основными гаплогруппами Y-хромосомы, сложившиеся еще в последнеледниковый период, поскольку уже в мезолите территория Беларуси была заселена в достаточной степени, чтобы поддерживать это соотношение» (Давыденко и др. 2011).

Привнесение миграциями новых генов в популяцию, изменяя ее генофонд, формировало новые генотипы, меняло установившиеся в поколениях их соотношения, являлось фактором, воздействующим на течение генетических процессов в популяциях. На территории республики обмен мигрантами осуществлялся преимущественно в границах губерний – Гродненской, Виленской и Минской (западный круг миграций), а также Витебской и Могилевской (восточный круг миграций). Со второй половины XIX столетия массовые перемещения населения сопровождались качественными изменениями генофонда белорусов вследствие смешения ранее изолированных территориальных групп, роста неоднородности состава населения (Марфина 2015).

Изучение динамики национального состава городского населения является важным аспектом в понимании основного направления изменчивости генофонда популяций на территории Беларуси. Согласно данным переписи населения 1897 г. на территории пяти белорусских губерний: Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской были зафиксированы представители более 80 национальностей. Кроме белорусов, которые составляли 66% от общей численности населения, здесь проживали евреи (15%), русские (6%), украинцы (5%), поляки (5%) и жители других национальностей: латыши, литовцы, татары, немцы, цыгане и другие. Население белорусских городов в конце XIX столетия тоже было многонациональным. В них проживали русские, поляки, евреи, украинцы, литовцы, латыши, татары, немцы; белорусы же составляли меньшинство – 12% в 1897 году. Перепись 1926 года показала заметное увеличение процента белорусов среди горожан (до 39%).

Вследствие урбанизации значительно расширился круг брачных связей. Среди поколения, родившегося в 1902 г., проживавшего в сельской местности, радиус брач-

ного круга в основном был ограничен 7–12 км, а среди поколения, родившегося в 1957 г., радиус брачного круга охватывал всю республику и выходил за ее пределы. Доля межнациональных браков увеличилась от 1,6% у поколения 1902 года рождения до 24% у поколения 1957 года рождения, то есть от поколения к поколению гетерогенность (разнородность) населения резко возросла (Беларусы 2006). Таким образом, роль межэтнического взаимодействия в формировании генофонда белорусов постепенно усиливалась на протяжении XX столетия.

Миграционные потоки в республике были очень разнообразны по национальному составу. Как показывают материалы переписей, в результате процессов ассимиляции и миграции постоянно изменялись численность и соотношения этнических групп в республике (Демографический ежегодник 2013). Переписи прошлых лет постоянно фиксировали рост численности белорусов за счет высокой рождаемости, однако их доля постепенно сокращалась (с 81% в 1959 году до 78% в 1989 году) вследствие притока в республику лиц некоренной национальности и оттока белорусов в другие регионы СССР. С целью развития промышленного комплекса в нашу республику приглашали трудоспособное население из других регионов Советского Союза. Особенно увеличилась доля русских – с 8% в 1959 году до 13% в 1989 году.

Миграционное движение в нашей республике интенсифицировалось после катастрофы в 1986 году на Чернобыльской атомной электростанции. Было предпринято перемещение населения вглубь страны и за ее пределы. В результате процессов миграции в республике изменилось количество и соотношение этнических групп. Последняя перепись населения 2009 года зафиксировала увеличение среди населения Беларуси доли лиц коренной национальности (до 84%) и снижение доли русских (до 8%). Это было связано с существенным оттоком русского населения после вывода в 1990-е годы воинских частей с территории республики.

Третьей по величине национальной группой в Беларуси являются поляки. Но из-за процессов ассимиляции и миграции их количество постепенно уменьшилось (если в 1959 году они составляли 7% населения, то в 2009 году – 3%). Незначительно изменилась доля украинцев. В 1959 году их было 1,7%, а в 2009 году они составили 2,4% от общей численности населения Беларуси.

Существенно уменьшилась доля лиц еврейской национальности. В 1939 году евреи были второй по численности национальной группой в Беларуси (6,7%), а к 1959 г. – четвертой (1,9%). Сокращение доли лиц еврейской национальности было обусловлено интенсивным выездом из Беларуси в крупные города России и Украины после устранения существовавшей до 1917 г. «черты оседлости», а также большими потерями в годы Второй мировой войны, активным выездом в дальнее зарубежье в 1980–1990 гг. В результате доля лиц еврейской национальности в 2009 году составила только 0,1%.

В настоящее время большинство населения республики составляют представители коренной белорусской национальности, как в целом по республике, в городах и сельской местности, так и в пограничных с другими государствами районах всех областей.

Заключение

В истории формирования антропологического состава населения на территории Беларуси важную роль играли миграции. Среди них особенно важны три массовых

миграционных потока. Первый представлен первоначальным заселением территории нашей республики – примерно 10 тысяч лет назад вслед за отступающим ледником. О том, что процесс заселения начался в это время и происходил с юго-запада, юга и юго-востока, свидетельствуют и результаты исследований белорусскими генетиками распределения наследуемых по отцовской линии гаплогрупп Y-хромосомы в 18 территориальных группах мужчин белорусской национальности, предки которых на протяжении трех поколений жили в пределах конкретного населенного пункта. Вторая миграционная волна – распространилась во второй половине III – первой половине II тысячелетия до н. э. с территории Западной Европы на территорию нашей республики. Третья миграционная волна – связана с проникновением на территорию Беларуси с северо-запада, запада, юго-запада и юга во второй половине I тысячелетия н. э. славянских племен. Во все времена взаимодействие пришлого и коренного населения происходило как при военных действиях с обеих сторон, так и при мирном сосуществовании с постепенной культурной ассимиляцией мигрантов, либо аборигенов в том числе с включением в круг брачных связей иноэтничного компонента, меняющего структуру генофонда следующих поколений.

Литература

- Археалогія і нумізматыка 1993 – Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993.
- Беларусы 2006 – Беларусы. Том 9. Антрапалогія. Ред. Л.І. Цягака, І.І. Салівон, О.В. Марфина и др. Минск: Беларуская навука, 2006.
- Восточные славяне 1999* – Восточные славяне. Антропология и этническая история. Ред. Т.И. Алексеева. М.: Научный мир, 1999.
- Давыденко и др. 2011* – Давыденко О, Кушнеревич Е. Гаплогруппы Y-хромосом и происхождение национального генофонда // Наука и инновации, 2011. № 9. С. 12–15.
- Давызденка 2012* – Давызденка А. Мы – тутэйшыя. Генная мазаіка паходжання беларусаў // Беларуская думка, 2012. № 4. С. 70–77.
- Дебец 1948* – Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. Том. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Демографический ежегодник 2013 – Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013.
- Друцк 2014* – Друцк. Древнейшие города Беларуси. Научн. ред. О.Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2014.
- Егорейченко 2006* – Егорейченко А.А. Культура штриховой керамики. Минск: БГУ, 2006.
- Исаенко 1976* – Исаенко В.Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976.
- Калечиц 1987* – Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1987.
- Карлов 2014* – Карлов В.В. Этнос и этнокультурные процессы в эпоху глобализации // Вестник антропологии, 2014. № 2. С. 6–14.
- Марфина 2015* – Марфина О.В. История антропологических исследований в Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2015.
- Митрофанов 1978* – Митрофанов А.Г. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск: Наука и техника, 1978.
- Неолит 1996 – Неолит Северной Евразии. Ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996.
- Палеоантропология 2015. – Палеоантропология Беларуси. Научн. ред. И.И. Саливон и С.В. Васильев. Минск: Беларуская навука, 2015.
- Повесть 1950 – Повесть временных лет. Часть 1–2. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950.
- Полоцк 2012* – Полоцк. Древнейшие города Беларуси. Научн. ред. О.Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2012.

- Прохоров* 1995 – *Прохоров Б.Б.* Введение в экологию человека: социально-демографический аспект. М.: Изд-во МНЭПУ, 1995.
- Саливон и др.* 1989. – *Саливон І.І., Квяткоўская А.В., Кушнір А.І.* Краніялогія насельніцтва Беларускага Панямоння. Па матэрыялах каменных могілнікаў // Весці АН БССР, 1989. № 3. С. 71–81.
- Саливон* 1998 – *Саливон И.И.* Межпоколенная изменчивость некоторых структурных особенностей черепа у населения Беларуси в свете эпохальных процессов // Вестник антропологии, 1998. № 4. С. 103–114.
- Саливон* 2011 – *Саливон И.И.* Изменения физического типа населения Беларуси за последнее тысячелетие. Минск: Беларуская навука, 2011.
- Саливон и др.* 2014 – *Саливон И.И., Марфина О.В.* Физический тип древнего населения Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2014.
- Седов* 1982 – *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982.
- Седов* 1994 – *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994.
- Седов* 2005 – *Седов В.В.* Славяне: историко-археологическое исследование. М.: Знак, 2005.
- Третьяков* 1982 – *Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен. Л.: Наука, 1982.
- Трубачев* 2002 – *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М.: Наука, 2002.
- Чернявский* 1979 – *Чернявский М.М.* Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск: Навука і тэхніка, 1979.
- Шадыро* 1985 – *Шадыро В.И.* Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1985.
- Штыхов* 1992 – *Штыхов Г.В.* Крывічы (па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі). Мінск: Навука і тэхніка, 1992.

References

- Arkhealogiia i numizmatyka Belarusi.* Entsylapedyia. Minsk: Belarускаia entsylapedyia, 1993.
- Belarusy.* Vol. 9. Antrapalogiia. I.I. Tsiagaka, I.I. Salivon, O.V. Marfina i dr. (eds.). Minsk: Belarускаia navuka, 2006.
- Cherniavskii M.M.* Nealit Belaruskaga Poniamonnia. Minsk: Navuka i tekhnika, 1979.
- Davydenko O., Kushnerevich E.* Gaplogruppy Y-khromosom i proiskhozhdenie natsional'nogo genofonda // Nauka i innovatsii, 2011. No. 9. Pp. 12–15.
- Davyzdenka A.* My – tuteishyia. Gennaia mazaika pakhodzhannia belarusay // Belarускаia dumka, 2012. No. 4. Pp. 70–77.
- Debets G.F.* Paleoantropologiia USSR. Vol. 4. Moscow: Izdatelstvo AN USSR, 1948.
- Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Belarus'.* Minsk: Natsional'nyi statisticheskii komitet Respubliki Belarus', 2013.
- Drutsk.* Drevneishie goroda Belarusi. Nauch. red. O.N. Levko. Minsk: Belarускаia navuka, 2014.
- Egoreichenko A.A.* Kul'tura shtrikhovoi keramiki. Minsk: BGU, 2006.
- Isaenko V.F.* Neolit Pripiatskogo Poles'ia. Minsk: Nauka i tekhnika, 1976.
- Kalechits E.G.* Pamiatniki kamennogo i bronzovogo vekov Vostochnoi Belorussii. Minsk: Nauka i tekhnika, 1987.
- Karlov V.V.* Etnosy i etnokul'turnye protsessy v epokhu globalizatsii // Vestnik antropologii, 2014. Vol. 2. Pp. 6–14.
- Marfina O.V.* Istoriia antropologicheskikh issledovaniy v Belarusi. Minsk: Belarускаia navuka, 2015.
- Mitrofanov A.G.* Zheleznyi vek Srednei Belorussii (VII–VI vv. do n. e. – VIII v. n. e.). Minsk: Nauka i tekhnika, 1978.
- Neolit Severnoi Evrazii.* S.V. Oshibkina (ed.). Moscow: Nauka, 1996.
- Paleoantropologiia Belarusi.* I.I. Salivon i S.V. Vasil'ev (eds.). Minsk: Belarускаia navuka, 2015.
- Polotsk.* Drevneishie goroda Belarusi. O.N. Levko (ed.). Minsk: Belarускаia navuka, 2012.
- Povest' vremennykh let.* Part 1–2. Moscow; Leningrad: AN USSR, 1950.

- Prokhorov B.B.* Vvedenie v ekologiiu cheloveka: sotsial'no-demograficheskii aspekt. Moscow: Izdatelstvo MNEPU, 1995.
- Salivon I.I.* Izmeneniia fizicheskogo tipa naseleniia Belarusi za poslednee tysyacheletie. Minsk: Belaruskaiia navuka, 2011.
- Salivon I.I.* Mezhpokolennaia izmenchivost' nekotorykh strukturnykh osobennostei cherepa u naseleniia Belarusi v svete epokhal'nykh protsessov // Vestnik antropologii, 1998. No. 4. Pp. 103–114.
- Salivon I.I., Kviatkoŭskaia A.V., Kushnir A.I.* Kranialogiia naseľnitstva Belaruskaga Paniamonnia. Pa materyialakh kamennykh mogil'nikaŭ // Vestsi AN BSSR, 1989. No. 3. Pp. 71–81.
- Salivon I.I., Marfina O.V.* Fizicheskii tip drevnego naseleniia Belarusi. Minsk: Belaruskaiia navuka, 2014.
- Sedov V.V.* Slaviane v drevnosti. Moscow: Fond arkhologii, 1994.
- Sedov V.V.* Slaviane: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Moscow: Znack, 2005.
- Sedov V.V.* Vostochnye slaviane v VI–XIII vv. Moscow: Nauka, 1982.
- Shadyro V.I.* Rannii zheleznyi vek Severnoi Belorussii. Minsk: Nauka i tekhnika, 1985.
- Shtykhov G.V.* Kryvichy (pa materyialakh raskopak kurganoŭ u Paŭnochnai Belarusi). Minsk: Navuka i tekhnika, 1992.
- Tretiakov P.N.* Po sledam drevnykh slavianskikh plemen. Leningrad: Nauka, 1982.
- Trubachev O.N.* Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavian. Moscow: Nauka, 2002.
- Vostochnye slaviane. Antropologiia i etnicheskaia istoriia. T.I. Alekseeva (ed.). M.: Nauchnyi mir, 1999.

I.I. Salivon, O.V. Marfina. The Impact of Migrations on the Anthropological Composition of the Belarus Population.

Migrations have always played an important role in contributing to the anthropological composition of the population of Belarus. In particular, three massive migration flows significantly enhanced the population's genetic pool. The first occurred about 10 thousand years ago, and led to the initial colonization of the territory following the retreat of the glacier. Settlements started from that period and began from the Southwest, South and Southeast, according to a study conducted by Belarusian geneticists on the distribution of Y-chromosome haplogroups in 18 groups of Belarusian males, whose ancestors had lived for three generations within their specific locations. The second massive migration flow (in the second half of the 3rd century to the first half of the 2nd millennium BC, about 5000 years ago, resulted in the spread of the population from a Western European territory in the region of modern Belarus; allegedly an Indo-European community, the founders of the Corded Ware (shnurovoj ceramics) culture. The subsequent Hatched Pottery (shtrikhovannoj ceramics) culture originated in the 7th to 6th centuries BC in the territories of eastern Lithuania, northern and central Belarus, and was associated with Baltic-speaking populations. The third major flow of migrants were Slavic tribes, who penetrated the territory of Belarus from the Northwest, West, Southwest and South in second half of the 1st millennium BC. In all three cases, interactions between the incoming settlers and the native populations were the result of hostilities and gradual cultural assimilation. Marital ties between incoming settlers and the native population changed the composition of the gene pool of subsequent generations. The populations of cities were formed from influxes by rural populations and migrants from distant parts, and the genetic heterogeneity of the townspeople also increased. More recent temporary migration flows to the territory of Belarus were associated with wars, which further contributed to the alteration of the gene pool of the local population. Such losses were replenished by the influx of previously geographically distant groups. The intensification of migratory flows in present times has further changed the population's gene pool which was formed over many centuries, thereby improving the population's adaptability to its environmental conditions.

Key words: migration, Belarusians, anthropological composition of the population, gene pool.

© Т.Ю. Шведчикова, Н.В. Харламова, А.В. Рассказова, О.С. Чагаров

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА У с. ВЕСЕЛОЕ IX–XI вв.)*

Статья посвящена предварительным результатам комплексного антропологического исследования человеческих костных останков, полученных при раскопках уникального архитектурного памятника IX–XI вв. – византийского храма у с. Веселое Адлерского района Большого Сочи Краснодарского края. Цель исследования – получение представления об антропологическом облике средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья. Изучение антропологического материала включило исследование по краниометрической и одонтологической программам, изотопный анализ костной ткани, а также графическую реконструкцию.

Краниологические данные и данные изотопного анализа указывают на неоднородный антропологический состав памятника. Одонтологический материал позволяет предположить, что потомки изученного населения могли принять участие в формировании абхазского народа, а также указывает на морфологическую близость с современным населением Греции.

Ключевые слова: физическая антропология, краниология, одонтология, изотопный анализ, Северо-Восточное Причерноморье, средневековье.

Введение

Отсутствие комплексных антропологических исследований погребальных памятников Северо-Восточного Причерноморья лишает нас возможности реконструировать облик средневекового населения региона. В связи с открытием уникального архитектурного памятника IX–XI вв. – византийского храма у с. Веселое, раскопки

Шведчикова Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник группы физической антропологии отдела теории и методики Института археологии Российской академии наук. Эл. почта: tashved@gmail.com.

Харламова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Эл. почта: natasha_kharlamova@iea.ras.ru.

Рассказова Анна Владимировна – старший лаборант Лаборатории пластической реконструкции Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Эл. почта: rasskazova.a.v@mail.ru.

Чагаров Оңгар Салихович – аспирант группы физической антропологии отдела теории и методики Института археологии Российской академии наук. Эл. почта: chagarov89@gmail.com.

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 14-06-00417.

Авторы выражают глубокую признательность за ценные советы и консультирование М.М. Герасимовой, В.Ф. Кашибадзе, Г.А. Аксяновой и Н.И. Халдеевой.

которого велись в 2010–2011 годах под руководством Е.А. Армарчук и Р.А. Мимохода (Институт археологии РАН), появилась возможность изучить костные останки людей, населявших Северо-Восточное Причерноморье в IX–XI веках. Редкий памятник византийской архитектуры «храм у с. Веселое», созданный в традиции абхазской школы, (Армарчук и др. 2012: 89) расположен в Краснодарском крае (Адлерский район Большого Сочи, восточная часть Имеретинской низменности, в междуречье Мзымты и Псоу, 1,5 км от берега Черного моря).

Предполагается, что проникновение христианства на территорию Северо-Восточного Причерноморья, сопровождаемое строительством базилик, происходило со стороны Абхазии. Первые сведения о сложившейся системе епархий (архиепископствах Абазгия с центром в Себастополисе и Зихия, с центром в Никопсисе) в регионе относятся к VII веку (Хрушкова 2014: 379). Территория, на которой расположен храм, в средние века входила в состав Зихии, племенного объединения зихов, упоминания о которых мы обнаруживаем у Страбона и Прокопия Кесарийского, или государственного образования Абазгии. Проведение границ между Зихией и Абазгией до сих пор является предметом дискуссий.

Цель исследования человеческих останков из раскопок византийского храма у с. Веселое и расположенного рядом некрополя – получение представления об антропологическом облике средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья.

Материал и методы

Все захоронения на территории памятника «храм у с. Веселое» можно условно разделить на четыре группы: погребения в пространстве храма – наосе (18) и притворах (22), одиночные и множественные погребения на некрополе у внешних стен (34) и коллективное погребение в подземном склепе (содержало 23 индивида). Далее арабскими цифрами обозначены погребения склепа и некрополя, римскими цифрами – погребения наоса, буквами «ю» и «з» отмечены погребения южного и западного притворов. Проведенное ранее исследование останков из склепа (Шведчикова, Харламова 2015) позволило отнести изученную выборку по одонтологическим характеристикам к европеоидным популяциям и предположить, что ее потомки могли принять участие в формировании абхазского народа.

Изучение человеческих костных останков в ходе проекта проходило по комплексной программе с привлечением таких методик исследования, как: краниометрия, одонтология, остеометрия, изотопный анализ костной ткани, графическая реконструкция, рассмотрение палеопатологических проявлений и процессов образования захоронений. В данной публикации основной акцент сделан на реконструкцию облика населения и результаты краниологических, одонтологических и части изотопных данных.

Сбор костных останков, остеометрический и палеопатологический анализ осуществлялся Т.Ю. Шведчиковой. Краниологическое исследование проводилось А.В. Рассказовой по сокращенной стандартной программе (Алексеев, Дебец 1964) и включало 40 признаков. Статистическая обработка краниометрических данных проводилась методом главных компонент. Графические реконструкции по методу М.М. Герасимова (Герасимов 1955) также выполнены А.В. Рассказовой. Описание морфологии зубов и трактовка полученных результатов проводились Н.В. Харламо-

вой согласно классической одонтологической программе, разработанной А.А. Зубовым (Зубов 1968, 1974, 2006; Зубов, Халдеева 1993), и включило 21 признак. Статистическая значимость различий оценивалась при помощи F – критерия Фишера, а также с помощью метода средних таксономических расстояний (СТР), разработанного для системы одонтологических признаков А.А. Зубовым (Зубов 1982: 142).

Дополнительным инструментом реконструкции образа жизни населения, который получил в последнее время широкое распространение в мировой практике (Grupe et al. 2012), стало использование изотопного анализа зубной ткани. Отбор образцов для определения соотношения изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ был осуществлен О.С. Чагаровым. Аналитические работы по измерению соотношения изотопов стронция осуществлены во ВСЕГЕИ им. А.П. Карпинского в г. Санкт-Петербурге.

Результаты и их обсуждение

Сохранность человеческих останков большей частью была неудовлетворительной. В склепе, западном и южном притворах часть останков была разрознена, что потребовало тщательного анализа, разбора костных фрагментов послойно и индивидуальной идентификации индивидов. Зафиксированное большое число посмертных переломов, специфическая окраска краев сломов, характер переломов позволили установить вторичное перемещение останков после захоронения в склепе, а также очередность захоронения в парных и множественных погребениях некрополя и притворов.

Данные палеопатологического исследования говорят о том, что коллективное захоронение склепа – это результат одного военного конфликта (за исключением погребений 1 инд.1 и п.1 инд. 2, находившихся в непотревоженном состоянии и анатомической последовательности) (Шведчикова и др. 2014) .

Краниологическое и изотопное исследование. Общая численность исследованных по краниологической программе черепов – 45. Как было упомянуто ранее, все захоронения памятника условно было решено разделить на несколько групп: 1) захоронения, совершенные в подземном склепе; 2) захоронения некрополя у наружных стен храма; 3) захоронения в пространстве храма – наосе. В отдельную группу были выделены захоронения, совершенные в притворах храма: в южном, северном и западном притворах, т.к. согласно археологическим данным погребения в наосе могли быть более поздними по датировкам, чем остальные захоронения, и осуществляться в тот период, когда храм уже не функционировал и находился в разрушенном состоянии.

В связи с рабочей гипотезой о присутствии различий между обозначенными группами, которые могут выражаться в антропологическом профиле, четыре группы погребений в краниологическом аспекте были рассмотрены отдельно. Основные краниологические данные приведены в таблице 1.

Таблица 1

Основные краниметрические параметры захоронений памятника по группам

Признак	Склеп			Некрополь храма			Наос храма			Притворы храма		
	N	X	S	N	X	S	N	X	S	N	X	S
1. Продольный диаметр	11	188,5	7,4	6	187,0	4,3	7	187,4	5,0	6	188,7	6,1
8. Поперечный диаметр	11	145,3	4,3	7	144,9	5,4	7	143,3	7,1	6	137,7	4,7
1/8	11	77,2	3,8	6	76,9	3,9	7	76,5	4,7	6	73,0	3,6
17. Высотный диаметр	11	138,9	3,3	2	135,5		6	133,7	5,9	5	139,0	1,2
5. Длина основания черепа	10	103,2	5,0	2	102,5		5	101,4	3,1	5	108,4	2,8
11. Ширина основания черепа	10	128,1	5,1	4	128,9		6	124,8	7,7	5	123,6	3,9
9. Наименьшая ширина лба	12	99,9	4,5	9	100,8	2,5	8	98,3	3,9	6	99,3	1,8
10. Наибольшая ширина лба	10	123,4	4,1	8	119,8	5,8	7	119,7	5,9	5	119,0	4,2
45. Скуловой диаметр	3	139,5	0,5	2	129,5		4	133,0		1	130,0	
Ширина затылка	8	113,4	6,3	5	112,2	5,0	4	111,8		6	111,7	6,3
40. Длина основания лица	8	98,0	6,9	2	111,5		3	97,3		2	102,5	
47. Полная высота лица	2	132,5	9,2				4	114,3		2	116,0	
48. Верхняя высота лица	9	69,6	6,2	2	77,0		5	68,4	5,6	4	68,3	
48/45	3	52,8	5,5	1	59,7					1	51,5	
43. Верхняя ширина лица	8	106,6	5,2	6	107,5	1,8	7	103,9	4,2	7	106,9	2,5
46. Средняя ширина лица	8	95,7	7,4	1	94,0		6	95,8	11,2	4	94,5	
55. Высота носа	9	51,5	4,4	2	54,0		5	51,2	3,9	3	51,0	
54. Ширина носа	8	23,9	1,2	2	25,0		5	24,1	1,8	3	25,1	
54/55	8	46,5	4,4	2	46,4		3	47,6	2,8	1	48,6	
51. Ширина глазницы	9	41,1	2,0	1	42,9		6	41,3	2,8	3	41,2	
52. Высота глазницы	9	32,5	1,7	1	34,7		6	32,6	1,6	3	31,7	
51(а). Дакриальная ширина	2	39,9	2,3				3	40,2				

Таблица 1 (продолжение)

Признак	Склеп			Некрополь храма			Наос храма			Притворы храма		
	N	X	S	N	X	S	N	X	S	N	X	S
52/51	9	79,1	3,5	1	80,9		5	77,6	2,2	3	77,0	
Биорбитальный диаметр (fmo-fmo)	8	98,6	4,7	5	99,0	2,0	6	96,9	4,5	6	99,7	1,6
Высота nasion над fmo-fmo	5	20,4	2,6	2	18,1		4	19,6	1,5	2	19,6	
77. Назомалярный угол	5	135,3	4,0	2	139,6		4	136,4		2	136,8	
Зигомаксиллярная ширина	3	89,5	9,1	2	96,3		3	93,7		2	91,0	
Высота subspinale над zm-zm	3	26,2	2,2	2	25,3		3	24,6		2	24,1	
ZM. Зигомаксиллярный угол	3	119,2	3,0	2	125,1		3	124,8		2	124,4	
SC. Симотическая ширина	6	11,2	1,7	1	8,2		5	9,4	1,0	3	7,8	
SS. Симотическая высота	5	6,3	1,4	1	5,4		5	5,5	1,5	3	4,2	
SS/SC	5	55,6	10,5	1	65,9		3	51,5		1	40,3	
MC. Максиллофронтальная ширина	4	21,3	2,4	1	20,5		5	20,8	1,8	2	22,2	
MS. Максиллофронтальная высота	4	10,5	0,8	1	10,6		5	9,8	1,4	2	8,3	
MS/MC	4	50,2	9,7	1	51,7		3	46,8				
DC. Дакриальная ширина	1	22,2					4	35,0				
DS. Дакриальная высота	1	12,5										
DS/DC	1	56,3										
75(1) Угол выступания носа	4	29,3	4,0	1	31,0					3	32,0	
69. Высота симфиза н/ч	1	33,0		6	31,2	2,7	6	30,9	3,8	6	31,8	2,6
65. Мыщелковая ширина				5	122,4	7,1	5	123,4	7,2	5	120,4	8,0
66. Угловая ширина				7	102,4	5,1	6	99,4	1,6	6	106,8	7,7

Погребения в склепе

Сохранность части краниологического материала не позволяла провести полноценную реставрацию, поэтому для краниологического анализа оказалось доступно только небольшое количество черепов. Всего, после реставрации, было измерено 15 черепов, из которых 12 мужских и 3 женских. Из-за малочисленности женской выборки, анализ был проведен только в мужской группе.

Мужские черепа, в целом, характеризуются длинной, широкой и высокой черепной коробкой. По индивидуальным данным величины продольного и поперечного диаметра варьируют от малых до очень больших значений, величина высотного диаметра от среднего до очень большого. Черепа, в среднем, мезокранные от гипердолихокранных (индивид 5) до гипербрахикранных (индивид 10). Лоб широкий, по индивидуальным данным значения от малого до очень большого. Скуловой диаметр большой. Длина основания лица попадает в категорию средних размеров, величина варьирует от малой до очень большой. Лицо средневысокое и широкое, по индивидуальным данным от очень малого (высота) и малого (ширина) до очень большого значения. Орбиты среднеширокие и средневысокие. Значения орбитального указателя – от очень малых до очень больших при среднем значении в целом. Углы горизонтальной профилировки: назомаллярный угол малый, зигомаксиллярный угол очень малый. Угол выступания носа попадет в категорию больших размеров.

Дисперсия превышает средние значения по многим признакам: продольный диаметр, верхняя высота лица, высота орбиты, наименьшая ширина лба, верхняя и средняя ширина лица, ширина орбиты. По таким признакам, как поперечный и высотный диаметр и ширина носа, дисперсия ниже среднего значения.

Таблица 2

Индивидуальные данные по основным признакам черепной коробки для мужских погребений склепа

№ погребения	1	8	17	ЧУ	Модуль
10	176	150	144,5	85,2	156,8
1	190	143	133	75,3	155,3
19	192	148	140	77,1	160,0
5	196	143	140	73,0	159,7
9	196	143,5	142	73,2	160,5
15	192	148	135	77,1	158,3
17	198	145	138	73,2	160,3
12	189	151	138	79,9	159,3
2	182	142	141	78,0	155,0
11	183	137	140	74,9	153,3
8	179	145	136	81,0	153,3

Из-за очень небольшого объема выборки, ее фрагментарной сохранности, было решено провести анализ, опираясь только на наиболее многочисленные признаки – основные признаки мозгового черепа: продольный диаметр, поперечный диаметр и высотный диаметр, черепной указатель и черепной модуль. Так в исследование можно было включить наибольшее количество черепов.

Группа по размерам мозговой коробки делится на две части. «Крупноголовая группа» включает индивидов номер 5, 9, 12, 15, 17, 19, отличающихся большим продольным и поперечным диаметром и значениями черепного модуля от 158,3 до 160,5.

Индивиды номер 2, 8, 11 образуют группу со сравнительно малыми размерами черепной коробки, значения черепного модуля от 153,3 и 155.

Индивиды 1, 10 сильно отличаются от остальных. Индивид номер 1 по значению черепного модуля может быть сближен со второй группой, но выделяется большим продольным диаметром и небольшой высотой черепа. Индивид 10 выделяется наибольшим в группе высотным диаметром и сильно выраженной брахикранией.

По данным краниометрического анализа группа погребенных в пространстве склепа разнородна, что может говорить о разновременности захоронений или о разном происхождении захороненных.

Для оценки степени мобильности членов группы погребенных в склепе нами были проанализированы показатели соотношения изотопов стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) в эмали первых моляров. Оценка количественного содержания изотопов стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) в зубной и костной ткани, позволяет судить о степени подвижности группы населения или отдельных ее индивидов. Стронций попадает в пищевую цепь через растения, которые поглощают его в свою очередь из почвы, поверхностных и подземных вод. Накопление стронция в эмали зубов человека происходит в период формирования коронок, то есть для первых моляров – это период раннего детства, а третьих моляров – в период юности. Эта величина зависит от местных геоморфологических условий и является постоянной и отличной для каждого региона. При перемещениях человека, изотопный состав стронция в костной ткани начинается меняться в соответствии геолого-геохимическими особенностями новых территорий, куда человек мигрирует. Разница между этими показателями и фоновыми значениями изотопных сигналов позволяет предположить возможные миграции в течение жизни.

Так, в нашем случае в группе, выделяемой по результатам краниологического анализа (погребения 5, 9, 12, 15, 17), индивиды которой близки между собой, имеют также схожие показатели соотношений $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ и близкие к фоновому значению, которое получено из смыва почвы из пространства захоронения (табл. 3). По этим признакам мы можем рассматривать выделенную группу как местное население.

Таблица 3

Результаты изотопного анализа Sr для погребенных в склепе

Индивид	Тип образца	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$
	фоновое значение	0.708295±14
15	1 моляр (16)	0.708574±10
9	1 моляр (16)	0.708254±17
12	1 моляр (26)	0.708487±12

Таблица 3 (продолжение)

Индивид	Тип образца	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$
	фоновое значение	0.708295±14
17	1 моляр (26)	0.708750±12
5	1 моляр (36)	0.708517±9
10	1 моляр (26)	0.707612±9
2	1 моляр (46)	0.709661±14
8	1 моляр (16)	0.708586±7
1	1 моляр (16)	0.707044±10
11	1 моляр (46)	0.708344±8

Отличные значения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ обнаруживаются у индивида 10 и индивида 1, которые и по краниологическим данным резко отличаются от основной группы. Также по значению $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ выделяется индивиды 2 и 8. Это может говорить об их местном происхождении.

Погребения некрополя

Краниологический материал в силу расположения и особенностей характера захоронений (традиционная погребальная яма) был очень плохой сохранности. Не сохранилось ни одного полного черепа. Для дальнейших краниологических измерений была проведена реставрация лишь нескольких черепов.

В рамках краниологического анализа было измерено 16 черепов, из которых 11 мужских и 5 женских. Из 11 мужских черепов у пяти были доступны для измерения только 3-4 признака (погребение 1 индивиды 2 и 3, погребения 6, 17 и 26). Очень плохая сохранность материала не позволяет дать полноценную краниологическую характеристику изученной серии и провести статистические сравнения с другими группами. Мы можем предоставить только описание.

Мужские черепа, в целом, характеризуются длинной и широкой черепной коробкой. Высотный диаметр был измерен только у двух черепов и попадал в категорию средних размеров. По индивидуальным данным значения продольного и поперечного диаметров варьируют от средних до очень больших значений. Черепа в среднем мезокранные от гипердолихокранных (индивид 7) до брахикранных (погребение 1 индивид 2 и погребение 20 индивид 2).

Наименьшая ширина большая, по индивидуальным данным значения от среднего до очень большого. Наибольшая ширина лба средняя, индивидуальные значения варьируют от очень малых до очень больших. Скуловой диаметр малый. Длина основания лица средняя, индивидуальные значения варьируют от малый до очень больших. Лицо высокое, верхняя ширина лица большая. Размеры орбит были доступны для измерения только в одном случае (погребение 20 инд. 2) и попадают в категорию средних размеров. Высота симфиза нижней челюсти малая (от очень малого до больших размеров) при среднеширокой угловой ширине и широкой мышечковой ширине.

Квадратичные отклонения, там, где их возможно было вычислить, невелики, и в половине случаев попадают в интервал ниже средних величин (размеры 1, 9, 43, 43 (1),

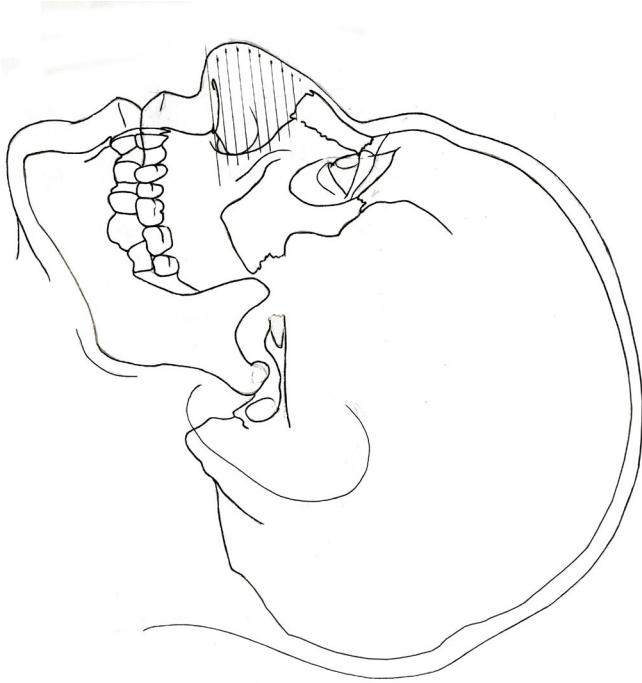

Рис. 1а. Весёлое 2011. Храм (наос). Погребение XI. Мужчина 40–50 лет. Графическая реконструкция.

Рис. 1б. Весёлое 2011. Храм (наос). Погребение XI. Мужчина 40–50 лет. Графическая реконструкция.

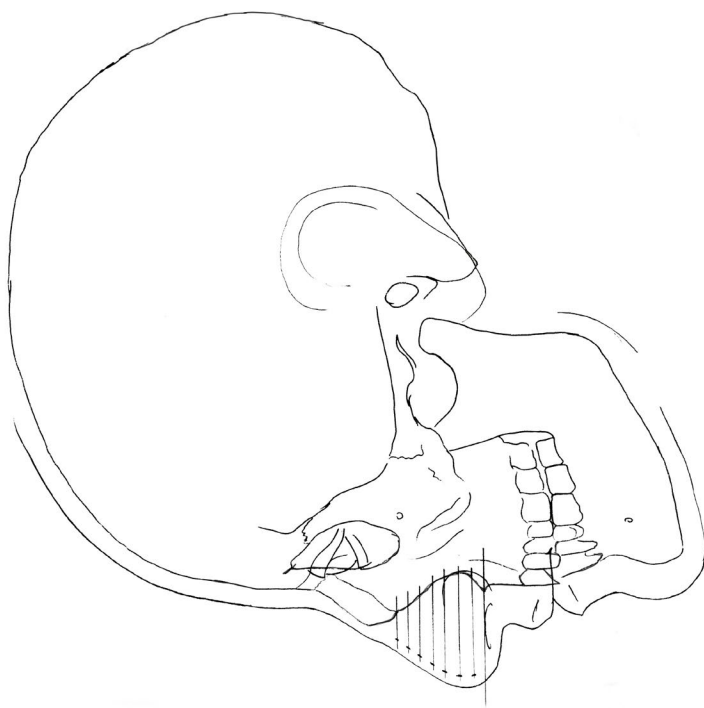

Рис. 2а. Весёлое 2011. Храм (наос). Погребение VII.
Женщина 30–40 лет. Графическая реконструкция.

Рис. 2б. Весёлое 2011. Храм (наос). Погребение VII.
Женщина 30–40 лет. Графическая реконструкция.

66). Квадратичные отклонения таких широтных размеров, как наибольшая ширина лба, поперечный диаметр, мышелковая ширина, попадают в категорию больших величин.

Погребения наоса

В общей сложности после реставрации были измерены 10 черепов: 9 мужских и 1 женский (погребение VII). У двух мужских черепов (погребения XI и XII) не сохранились своды черепа, у погребения XVIII не сохранился лицевой отдел черепа.

Мужские черепа из наоса в целом характеризуются длинной, среднеширокой и средневысокой черепной коробкой. По индивидуальным данным значения продольного и поперечного диаметров варьируют от средних (продольный) и малых (поперечный) до очень больших значений, значения высотного диаметра от очень малых величин до больших. Черепа в основном долихокранные, погребение VIII мезокранное и погребение I отличается гипербрахикранным черепом (черепной указатель – 86,2).

Большинство размеров исследованной группы попадает в категорию средних. В категорию малых размеров попадают ширина носа, высота глазницы и углы горизонтальной профилировки. Наименьшая ширина лба попадает в категорию больших размеров, а угол выступления носа в категорию очень больших размеров.

По двум хорошо сохранившимся черепам из погребений наоса были сделаны графические реконструкции: мужское погребение XI и женское погребение VII (рис. 1, рис. 2).

Погребение XI принадлежало мужчине 40-50 лет, и сопровождалось погребальным инвентарем – клинковым оружием (палаш).

По своим краниологическим данным этот индивид не выделяется из остальной группы.

Лицо мужчины высокое, среднеширокое; форма лица анфас прямоугольная, подбородок и лоб широкие. Глазные яблоки выступающие. Нос высокий, узкий, спинка носа выпуклая в костной и хрящевой части, кончик носа горизонтальный. Нос сильно выступающий, горизонтальная профилировка сильно выраженная, переносье высокое.

Погребение VII принадлежало женщине 30-40 лет и сопровождалось многочисленными погребальными предметами: железный нож, три глазчатые бусины, бронзовые височные кольца с напускными бусинами, сердоликовые бусины, агатовые и одна стеклянная бусины, серебряный перстень-печатка с чернью и золочением, подвеска из белого камня под черепом. Череп погребения VII был практически единственным полностью сохранившимся женским черепом, поэтому невозможно понять насколько он «типичен» для данной группы. Лицо женщины из погребения VII средневысокое, узкое; форма лица анфас овальная, лоб широкий. Глазные яблоки средневыступающие. Нос высокий, узкий, спинка носа прямая, кончик носа горизонтальный. Нос выступающий, переносье высокое, горизонтальная профилировка значительная.

Погребения в притворах

В притворах было исследовано 8 черепов, 7 мужских и один женский (погребение 4, южный притвор). Большая часть краниологического материала была плохой сохранности. У погребения 6 южного притвора был разрушен свод черепа, у погребений западного и северного притворов сохранились только своды черепов.

Мужские черепа в целом характеризуются длинной, узкой и высокой черепной коробкой. Черепа в среднем долихокранные, по индивидуальным значениям от гипердолихокранных (индивиды 2 и 7 южного притвора, инд. 4 западный притвор, инд.

3 северный притвор) до мезокранных (индивид 7 северный притвор). Наименьшая ширина лба, верхняя ширина лица и угловая ширина нижней челюсти попадают в категорию больших размеров. Скуловой диаметр был доступен для измерения только у одного черепа и попадает в категорию малых размеров. Лицо средневысокое, по индивидуальным данным от очень малого до большого значения. Орбиты среднеширокие и низкие. Значения орбитального указателя по индивидуальным данным варьируют от очень малых до средних значений при малом значении в целом. Углы горизонтальной профилировки малые при большом угле выступания носа.

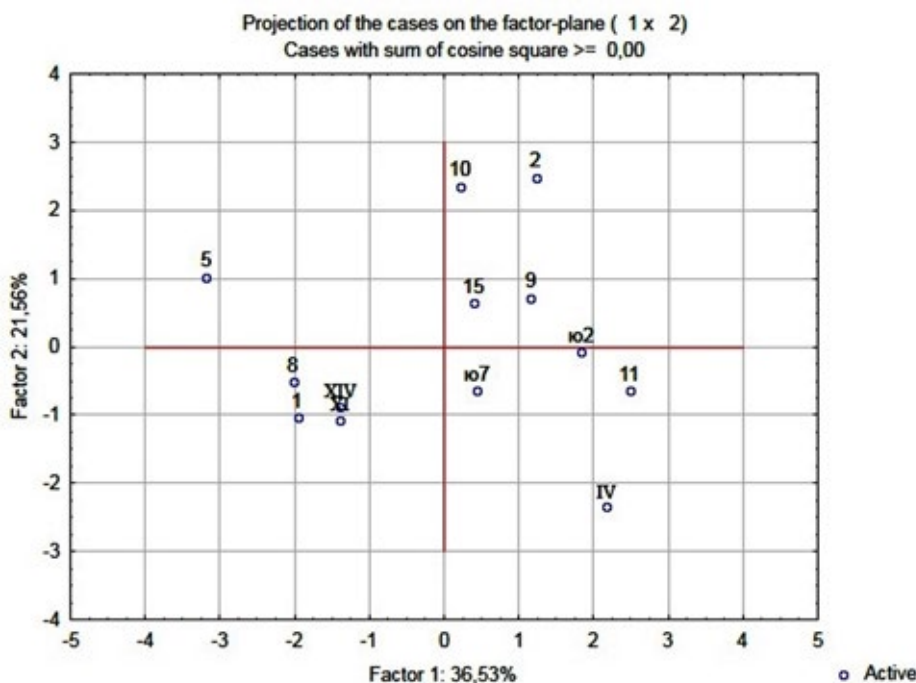

Рис. 3. Результаты анализа главных компонент для всех мужских погребений памятника.

При обобщении полученных материалов был проведен многомерный статистический анализ (анализ главных компонент) краниологических данных всех захоронений памятника. Использовались следующие, наиболее многочисленные признаки: продольный диаметр, поперечный диаметр и высотный диаметр черепа, наибольшая и наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, верхняя ширина лица, ширина и высота орбиты. (рис. 3). Из-за плохой сохранности материала для рассмотрения были использованы только 13 индивидов, и отсутствовали все погребения некрополя. Основная изменчивость приходится на признаки лицевого отдела черепа (табл. 4). Левую часть графика занимают индивиды с высоким лицом и широкими орбитами, выделяется погребение 5 из склепа, с наиболее широкими орбитами в группе. Погребение XI очень близко к погребениям 1 и 8 из склепа и к погребению XIV из наоса храма. Погребения 10 и 2 из склепа отличаются широким лбом, высоким черепом при малой высоте орбит. Погребение IV из наоса выделяется своими небольшими размерами. Наряду с сильно отличающимся от остальных погребением № 10 из склепа, анализ

показал существенное отличие погребения XIV, погребений IV и I из наоса. Эти же погребения несколько отличаются от остальной группы своими одонтологическими характеристиками. Погребение I выделяется своими большими широтными размерами – поперечным диаметром черепа при сравнительно небольшом продольном диаметре. Погребение XIV выделяется большим продольным диаметром при очень маленьком высотном диаметре. Погребение IV выделяется очень маленьким высотным диаметром черепа при сравнительно небольших остальных размерах (табл. 4).

Таблица 4

Нагрузки на факторы при анализе главных компонент для всех мужских погребений памятника

Признак	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1. Продольный диаметр	– 0,34	– 0,09	0,25
8. Поперечный диаметр	– 0,51	0,48	0,55
17. Высотный диаметр	0,16	0,71	– 0,06
9. Наименьшая ширина лба	– 0,55	0,32	– 0,73
10. Наибольшая ширина лба	– 0,50	0,75	0,38
48. Верхняя высота лица	– 0,87	– 0,19	0,00
43. Верхняя ширина лица	– 0,76	0,10	– 0,59
52. Высота глазницы	– 0,60	– 0,66	0,22
51. Ширина глазницы	– 0,80	– 0,21	0,21

Также был проведен межгрупповой анализ с использованием t-критерия Стьюдента для проверки гипотезы равенства средних значений в четырех сериях: наос, погребения в склепе, погребения в притворах и некрополь.

Анализ был проведен попарно для каждой из серий. Он не показал различий между сериями наос и некрополь и сериями наос и притворы. В то же самое время серия из некрополя отличается от серии из притворов меньшим высотным диаметром ($p=0,0338$).

Серия из склепа отличается от всех остальных большим скуловым диаметром, а от серии из притворов большим поперечным диаметром черепа ($p=0,0344$).

Количество измерений размеров скулового диаметра и высотного диаметра в отличающихся сериях невелико, поэтому различия имеют характер тенденции.

Мы сочли возможным для дальнейшего сравнения объединить эти группы в одну. Из общей серии были исключены наиболее выделяющиеся индивиды – два гипербрахикранных черепа: индивид 10 из склепа и I из наоса. Также из объединенной группы были исключены индивиды с очень маленьким количеством измерений.

Мужские черепа, в целом долихокранные, характеризуются длинной высокой и среднеширокой черепной коробкой. Лоб широкий, скуловой диаметр средний. Лицо средневысокое. Верхняя высота лица большая. Орбиты среднеширокие. Высота орбит малая. Углы горизонтальной профилировки: назомаллярный угол малый, зигомаксиллярный угол очень малый. Угол выступания носа попадет в категорию больших размеров.

Таблица 5

**Основные краниометрические параметры серии храма у с. Веселое
(объединенная мужская серия)**

Признак	N	X	S
1. Продольный диаметр	27	188,9	5,3
8. Поперечный диаметр	28	142,9	5,3
1/8	27	75,5	3,4
17. Высотный диаметр	21	137,3	3,7
5. Длина основания черепа	19	104,5	4,5
11. Ширина основания черепа	22	126,5	5,3
9. Наименьшая ширина лба	27	99,7	3,7
10. Наибольшая ширина лба	25	121,1	4,3
45. Скуловой диаметр	8	133,8	4,2
40. Длина основания лица	12	100,2	6,3
47. Полная высота лица	7	121,1	9,4
48. Верхняя высота лица	18	70,6	6,1
48/45	4	55,8	3,4
43. Верхняя ширина лица	23	106,2	4,1
46. Средняя ширина лица	16	93,9	5,6
55. Высота носа	17	52,0	3,5
54. Ширина носа	16	24,4	1,4
54/55	12	46,7	3,8
51. Ширина глазницы	17	41,2	2,3
52. Высота глазницы	17	32,5	1,7
52/51	16	78,5	3,3
77. Назомалярный угол	12	136,8	3,2
ZM. Зигомаксиллярный угол	9	122,7	6,5
SC. Симотическая ширина	13	9,8	2,8
SS. Симотическая высота	12	5,6	1,4
SS/SC	8	54,9	10,5
MC. Максиллофронтальная ширина	11	21,4	1,7
MS. Максиллофронтальная высота	11	9,8	1,3
MS/MC	7	48,4	7,8
75(1) Угол выступания носа	11	31,3	4,4
69. Высота симфиза н/ч	16	31,3	2,6
65. Мышелковая ширина	12	121,6	7,4
66. Угловая ширина	15	103,0	6,3

Дисперсия превышает средние значения в основном по признакам лицевого скелета: полная высота лица, верхняя высота лица, высота носа, верхняя и средняя ширина лица, ширина орбиты, высота орбиты, наименьшая ширина лба, верхняя и средняя ширина лица, ширина орбиты. По таким признакам, как продольный и высотный диаметр, наибольшая и наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, ширина носа, высота орбиты, дисперсия ниже среднего значения.

Был проведен межгрупповой анализ черепов из с. Веселого с некоторыми средневековыми сериями западной части Северного Кавказа по десяти признакам: продольный, поперечный и высотный диаметры, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, длина и ширина орбиты, высота и ширина носа. Для сравнения были использованы средневековые серии (VI–XIII вв.) Балабанка, Гамовское, Казазово II из работ М.М. Герасимовой (Герасимова 1997, 2013). Также были использованы краниологические серии позднесредневековых адыгов (XIV–XVII вв.), причерноморской (Новороссийск, Жане II), пятигорской (Горячеводский, Каррас) и черкесской групп (Жано, Нижний Архыз) из работ В.П. Алексеева (Алексеев 1974). В сравнении не участвовали серии Кубина и Ново-Кувинский – они выделялись небольшим продольным диаметром и сильно меняли картину нагрузок на канонические переменные.

В исследовании использовалась программа MultiCan для канонического анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (Гончаров, Гончарова 2016).

Результаты анализа представлена на рисунке 4 и в таблице 6.

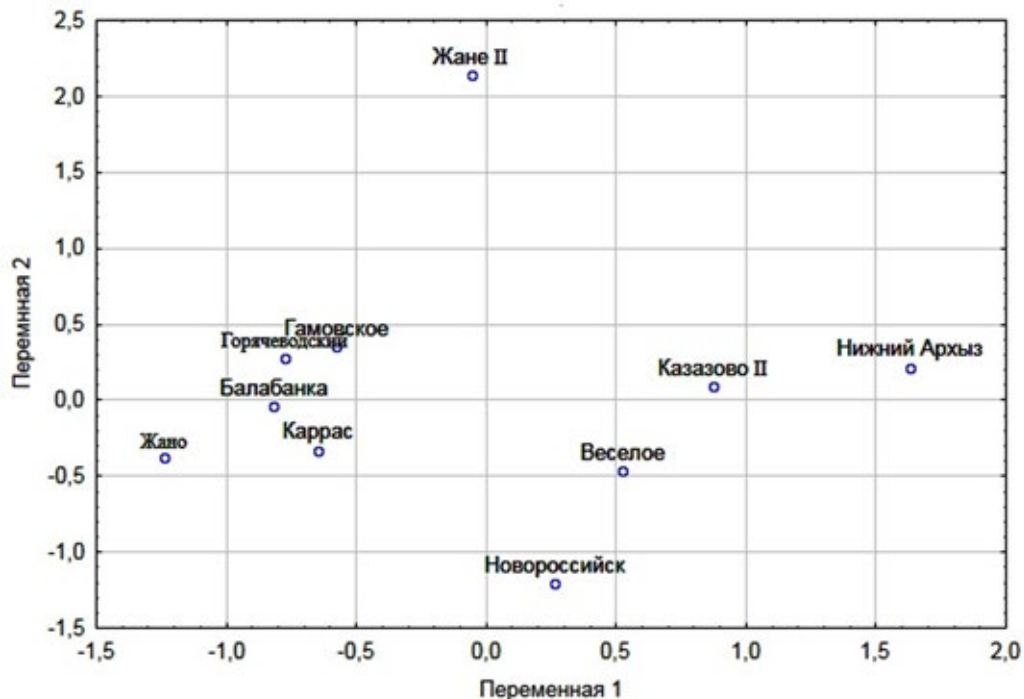

Рис. 4. Расположение краниологических серий в пространстве 1-ой и 2-ой канонических переменных.

Таблица 6

**Нагрузки на канонические переменные при анализе ранне- и
позднесредневековых серий Северного Кавказа**

	Переменная 1	Переменная 2
% объясняемой изменчивости	0,36	0,24
1	0,71	-0,29
8	0,04	-0,31
17	-0,43	-0,14
9	0,04	-0,08
45	-0,10	0,07
48	-0,75	0,64
51	-0,28	0,21
52	0,59	0,71
54	-0,14	0,19
55	0,61	-0,50

Первые две канонические переменные описывают около 60% общей изменчивости. Наибольшие нагрузки по первой переменной несут продольный диаметр и верхняя высота лица (отрицательно), то есть выделяются длинноголовые и низколикие группы. Вторая переменная выделяет группы с высокими орбитами (особенно отличается серия из Жане II).

Серия из с. Веселого наиболее близка к серии Казазово II (X–XII вв.) с территории Адыгеи, связанной с адыгским этносом, и занимает промежуточное положение между вышеупомянутой серией и позднесредневековой причерноморской серией из Новороссийска.

В целом, опираясь на краниологические данные, можно сказать о том, что антропологический состав памятника отличается большим разнообразием. Особенно выделяется серия погребенных в склепе. В то же время погребенные в наосе, притворах и некрополе ближе между собой. Некоторые индивиды из склепа и наоса резко отличаются от остальной серии по краниологическим и изотопным данным. Это может свидетельствовать об их неместном происхождении. Это предположение подтверждают и данные изотопного анализа. Объединенная группа из с. Веселого наиболее близка к раннесредневековой серии из Адыгеи и к позднесредневековой причерноморской серии.

Одонтологическое исследование. При изучении морфологии зубной системы материал из раскопок у храма с. Веселое был собран в три группы: 1) из склепа; 2) из некрополя; 3) и, в силу малочисленности отдельных выборок, объединенная группа из пространства храма – притворов и наоса (далее – группа притворов). В ходе одонтологического анализа были получены суммарные морфологические характеристики строения зубной системы погребенных, которые сопоставлялись между собой, а

затем сравнивались на фоне доступных для сравнения в системе одонтологической классификации средневековых и современных групп с целью определения положения, занимаемого изученными выборками, характеризующими средневековое население Северо-Восточного Причерноморья.

С учетом сохранности объем одонтологических выборок составил: склеп – 23 индивида, некрополь – 42 индивида (предположительно рядовое население), объединенная серия из притворов и наоса – 38 индивидов (скорее всего, представители группы более высокого социального статуса).

В качестве сравнительного материала привлекались по географическому принципу данные по средневековому населению с территории Адыгеи (*Кашибадзе* 2006: 82, *Кашибадзе, Батиева* 2015), по современным народам Кавказа: абхазам, аварцам, адыгейцам, черкесам, карачаевцам, даргинцам, а также грекоязычным и тюркоязычным грекам (*Кашибадзе* 2006: 222-269; *Кочиев* 1974: 114-127, *Аксенова* 1982). Для проверки гипотезы о возможных аспектах сходства изучаемого населения с греческим, в анализ также была включена выборка из Греции, исследованная как и весь сравнительный материал по методике А.А. Зубова, с выраженным южным грацильным одонтологическим типом (*Минков, Дапонте* 1992). Основные одонтологические характеристики изученных групп представлены в таблице 7.

Выборка из **склепа** характеризуется свойственными европеоидам частотами одонтологических признаков. Об этом свидетельствуют отсутствие краудинга латеральных резцов, лопатообразных форм лингвальной поверхности на обоих верхних резцах (I^1 и I^2), дистального гребня тригониды на M_1 , коленчатой складки метаконида на M_1 , 6-бугорковых M_1 , протостилида на M_1 , tam_1 – добавочного срединного бугорка на M_1 ; сильно редуцированные нижние моляры, частота «у»-узора на M_1 , затека эмали на верхних и нижних вторых молярах, высокий процент пятого бугорка на M^1 , высокий процент форм M_2^4 . Очень слабые проявления протоморфности маркируют эпикристид (11,0%) и косой гребень на верхних M^1 . Монголоидность на общем европеоидном фоне намечается крайне слабо, с характерным сочетанием признаков и их частот средневропейского одонтологического типа.

Группа **некрополя** отличается слабым проявлением лопатообразной формы на I^1 , повышенным процентом на I^2 , невысоким процентом коленчатой складки метаконида и затека эмали на верхних и нижних вторых молярах. Подобный уровень этих признаков не выходит за пределы размаха в группах западного одонтологического ствола (*Зубов, Халдеева* 1989:108–118). Уровень редукции гипоконуса (28, 6%) соответствует данным по метисным популяциям. Что вместе с вышерассмотренными особенностями может свидетельствовать об очень слабых следах монголоидного характера.

Выборка из **притворов** характеризуется отсутствием краудинга латеральных резцов, проявлением лопатообразной формы лингвальной поверхности I^1 , высоким процентом пятого бугорка на M^1 , заметными частотами бугорка Карабелли, «у»-узора на M_1 и частотами M_2^4 , отсутствием коленчатой складки и tam_1 на нижних первых молярах, что отражает ее европеоидный характер. Типологическая усложненность подчеркивается наличием лопатообразных форм на вторых резцах I^2 , степенью редукции метаконуса и гипоконуса на M^2 , появлением дистального гребня тригониды и некоторым повышением частот затека эмали на верхних и нижних вторых молярах. Такое соотношение одонтологических особенностей намечает слабый вектор монголоидного влияния. Кроме того, наличие дистального гребня (14%) в сочетании с процентом бугорка Карабелли может маркировать компоненты южного грацильного типа.

Таблица 7

**Одонтологическая характеристика населения Восточного Причерноморья
(по материалам раскопок храма у с. Веселое)**

Выборки		Склеп			Некрополь			Притворы		
Признаки		N*	n**	%	N	n	%	N	n	%
1	Краудинг I ²	4	0	0,0	11	0	0,0	17	0	0,0
2	Диастема I ¹ -I ¹	4	0	0,0	10	0	0,0	12	0	0,0
3	Лопатообразность I ¹ (Σ 6.2-3)	1	0	0,0	18	2	5,6	8	0	0,0
4	Лопатообразность I ² (Σ 6.2-3)	3	0	0,0	17	7	41,2	11	5	45,5
5	Редукция I ² (Σ 6.1)	5	0	0,0	12	0	0,0	17	1	5,9
6	Редукция гипоконуса M ² (3+,3)	12	1	8,3	28	8	28,6	27	7	25,9
7	Редукция метаконуса M ² (3-5)	12	3	25,0	28	8	28,6	25	9	36,0
8	Косой гребень на M ¹	6	2	33,3	14	8	57,1	13	1	7,7
9	Пятый бугорок на M ¹	13	5	38,5	20	8	66,7	14	10	71,4
10	Бугорок Карабелли M ¹ (Σ 6.2-5)	11	4	36,4	26	11	42,3	20	8	35,0
11a	Дифференциация P ₁ (1+2)	5	3	60,0	25	16	64,0	24	17	70,8
11б	Дифференциация P ₂ (1-3)	7	0	0,0	22	2	9,1	25	4	16,0
12	Узор Y на M ₁	8	5	62,5	14	9	64,3	11	9	81,8
13a	6-бугорковые M ₁	16	0	0,0	19	0	0,0	21	0	0,0
13б	4-бугорковые M ₁	16	0	6,3	19	5	26,3	21	2	9,5
13в	4-бугорковые M ₂	13	12	92,3	28	26	92,9	22	19	86,4
13г	3-бугорковые M ₂	13	0	0,0	28	0	0,0	22	0	0,0
14	Дистальный гребень тригонида M ₁	9	0	0,0	11	0	0,0	7	1	14,3
15	Коленчатая складка метаконида M ₁	9	0	0,0	11	1	9,1	3	0	0,0
16	Эпикристид M ₁	9	1	11,1	12	0	0,0	9	0	0,0
17	Протостилид M ₁	9	0	0,0	17	0	0,0	22	0	0,0
18	tam ₁ M ₁	11	0	0,0	16	0	0,0	12	0	0,0
19a	Затек эмали M ² (5-6)	12	3	25,0	14	2	14,3	19	4	36,4
19б	Затек эмали M ₂ (5-6)	11	1	9,1	20	2	10,0	11	7	36,8
20	Вариант 2med(II) на M ₁	5	0	0,0	10	2	20,0	2	0	0,0
21	Тип 3 1ra(eo) на M ¹	4	0	0,0	5	0	0,0	2	0	0,0

Примечание: N*– объем выборки наблюдений по признаку, n**– количество индивидов с признаком.

Обращает на себя внимание, что выборка из склепа по сравнению с выборкой некрополя имеет более матуризованные первые нижние моляры, менее редуцированные вторые верхние моляры. От притворов ее отличают отсутствие восточного одонтологического критерия – дистального гребня тригонида, и меньшая выраженность затека эмали на нижних молярах, тоже зачастую трактуемого как восточный критерий.

Выборка из притворов сильнее отличается от выборки некрополя – наличием дистального гребня тригониды и выраженных затеков эмали на верхних и нижних зубах.

При сравнении трех одонтологических серий из раскопок у села Веселого (склеп, притворы, некрополь) проводилась оценка статистической значимости различий (уровень 5%) при помощи F – критерия Фишера с учетом численности, модифицированного А.А. Зубовым и В.К. Жомовой (Зубов 1982:143). Различия по признакам: лопатообразные центральные резцы, бугорок Карабелли $M^1(\Sigma 6.2-5)$, редукция гипоконуса $M^2(3+,3)$, 4-бугорковые M_1 , 4-бугорковые M_2 , узор Y на M_1 , 2 med (II), коленчатая складка метакониды на M_1 , затек эмали на верхних и нижних вторых молярах (б. 5-6) не достигают значимого уровня. Однако, стоит сказать, что описанные ранее отличия, имеют свойство тенденции и находятся на субдостоверном уровне, что для палеоантропологического материала является важным указанием на неоднородность. Тем не менее, статистически все три описанные группы на более высоком уровне сравнения могут быть объединены в одну выборку.

Сравнение с синхронными и диахронными одонтологическими материалами осуществлялось с помощью метода СТР (средних таксономических расстояний), разработанного для системы одонтологических признаков А.А. Зубовым (Зубов 1982: 142). СТР строились на следующих признаках: бугорок Карабелли $M^1(\Sigma 6.2-5)$, редукция гипоконуса $M_2(3+,3)$, 6-бугорковые M_1 , 4-бугорковые M_1 , 4-бугорковые M_2 , дистальный гребень тригониды M_1 , коленчатая складка метакониды M_1 , вариант 2 med (II) на M_1 . Трактовка значений СТР: до 0,5- типологически близкие группы, уровень 0,5-0,7 отражает усиление гетерогенности, в пределах 0,7 – 1 находятся группы, обладающие различиями на субдостоверном уровне (Халдеева 1997: 347).

Доступные для сравнения синхронные одонтологические материалы с близлежащих территорий немногочисленны. Помимо серии Ильич из Отраденского р-на Адыгеи, датируемой XIII в. (Кашибадзе, 2006), удалось привлечь для сравнения новые данные по двум средневековым группам населения Адыгеи (Кашибадзе, Батиева 2015): Аушедз – XIV в., Северский р-н Адыгеи, Краснодарский край, ст. Львовская, руководитель раскопок Б.А. Раев; могильник Жукова XIII–XIV вв., Крымский район Адыгейской АО Краснодарского края, х. Кубанская колонка, руководитель раскопок А.А. Нечипорук.

Синхронная серия Ильич отличается от исследуемого материала более высокой частотой бугорка Карабелли, меньшей редукцией верхних вторых моляров и вторых нижних моляров, большей частотой шестибугорковых нижних первых моляров и узора Y . Между тем, по значениям среднего таксономического расстояния, все привлекаемые для сравнения выборки могут рассматриваться как типологически близкие по отношению к выборкам с. Веселое. При этом наиболее «удаленной» оказывается серия Ильич (значения СТР с выборками храма 0,39–0,59), а наиболее близкой – серия Аушедз (значения СТР с выборками храма 0,2–0,3).

В диахронном аспекте изученные группы храма с. Веселое сравнивались с современными абхазами Абхазии: абхазами с. Бзыбь (Кочиев 1974), абхазами с. Члоу (Аксанова 1982), абхазами Гагрского (г. Гагра и с. Бзыбь), Гудаутского (сс. Ачандра, Акбархук), Очамчирского (с. Квитуоли) районов (Кашибадзе 2006); современными народами Кавказа (Кочиев 1974): адыгейцами г. Майкопа, черкесами с. Кошхабль, карачаевцами г. Карачаевска, аварцами п. Гуниб, даргинцами с. Хаджалмахи, грекоязычными и тюркоязычными греками Кавказа (Кашибадзе 2006); современным населением Греции (Минков, Дапонте 1992).

Среди современных народов Кавказа изучаемое население скорее сближается с абхазами (значения СТР 0,56–0,71, при этом группы некрополя больше остальных отличается от абхазов Гудаутского (СТР=0,85) и Очамчирского районов (СТР=0,75), оно вряд ли принимало участие в сложении таких народов как аварцы, даргинцы, черкесы и карачаевцы. В то же время у него оказывается больше общего с современным населением Греции (значения СТР 0,54–0,68), при этом только группа из склепа близка грекоязычным (СТР=0,63) и тюркоязычным (СТР=0,69) грекам Кавказа, а группа притворов – тюркоязычным грекам (СТР=0,70). Таким образом, данные одонтологии не исключают предположения о возможной метисации местного средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья с греческими переселенцами.

Заключение

В результате комплексного исследования антропологического материала из раскопок храма с. Веселое были получены уникальные данные о средневековом населении Северо-Восточного Причерноморья.

По данным внутригруппового краниологического исследования, можно сказать о том, что антропологический состав населения памятника отличается большим разнообразием. Наиболее неоднородна группа погребений склепа. Это может говорить о разновременности захоронений или о различном происхождении захороненных. Данные по соотношению изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ эмали первых моляров подтверждают предположение о выделении группы местного населения и пришлого и согласуются с результатами краниологического исследования.

Погребенные в наосе, притворах и некрополе ближе между собой, от них, по краниометрическим данным, отличается серия погребенных в склепе. Хотя, из-за малочисленности и фрагментарности материала различия недостоверны.

Объединенная группа из с. Веселого наиболее близка к раннесредневековой серии из Адыгеи и к позднесредневековой причерноморской серии.

По данным одонтологии была установлена принадлежность изученной выборки, в большей степени демонстрирующей особенности средневропейского одонтологического типа, к европеоидным популяциям западного одонтологического ствола.

Между собой группы погребенных в склепе, на некрополе и в пространстве храма имеют больше сходства, чем отличий, в то же время по отдельным признакам группа из притворов демонстрирует тенденцию более к высоким частотам некоторых восточных критериев: дистального гребень тригонида (также отмечаемого у южно-европеоидных групп), затека эмали, что может отражать неоднородный антропологический состав изученной выборки. Для уточнения этого предположения требуются дополнительные критерии разделения материала.

Изученные группы оказываются типологически близки доступным для сравнения синхронным выборкам средневекового населения с территории Адыгеи. Сравнение показателей трех групп с современными выборками позволяет предположить, что их потомки могли принять участие в формировании абхазского народа. Данные одонтологии не исключают метисацию средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья с переселенцами из Греции.

Дальнейшее исследование средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья позволит проследить процессы формирования антропологического разнообразия изучаемого региона.

Литература

- Алексеев, Дебец 1964 – Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Алексеев 1974 – Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М.: Наука, 1974.
- Армарчуки др. 2012 – Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов Вл.В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // Российская археология, 2012. №3. С.78–90.
- Аксянова 1982 – Аксянова Г.А. Морфологические особенности зубной системы абхазов с. Члоу // Феномен долгожительства: Антропол.-этногр. аспект исслед. М.: Наука, 1982. С. 189–202.
- Герасимов 1955 – Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек) // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия 28. М.: Академии Наук СССР, 1955.
- Герасимова 1997 – Герасимова М.М. О генеалогических взаимоотношениях кавкасионской и понтийской рас (на краниологическом материале) // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 2. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 606–654.
- Герасимова 2013 – Герасимова М.М. К вопросу о происхождении балкарцев // Вестник антропологии, 2013. № 25. С. 52–71.
- Гончаров, Гончарова 2016 – Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan) // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2016610803. М., 2016.
- Зубов 1968 – Зубов А.А. Одонтология, методика одонтологических исследований. М.: Наука, 1968.
- Зубов 1974 – Зубов А.А. Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 11–42.
- Зубов 1982 – Зубов А. А. Географическая изменчивость одонтологических комплексов финно-угорских народов // Финно-угорский сборник. Антропология, этнография, археология. М.: Наука, 1982. С. 134–148.
- Зубов 2006 – Зубов А.А. Методологическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: ИЭА РАН, 2006.
- Зубов, Халдеева 1989 – Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989.
- Зубов, Халдеева 1993 – Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993.
- Кашибадзе 2006 – Кашибадзе В.Ф. Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии. Одонтологическое исследование. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.
- Кашибадзе и др. 2015 – Кашибадзе В.Ф., Батиева Е.Ф., Кашибадзе О.Г. Новые одонтологические данные по средневековому населению Адыгеи // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики (VI АЛЕКСЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 5–10 октября 2015 г. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. С. 55–58.
- Кочиев 1979 – Кочиев Р.С. Народы Кавказа: Закавказье и Северный Кавказ // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 114–141.
- Минков, Дапонте 1992 – Минков Ц., Дапонте А. Сравнительная антрополого-одонтологическая характеристика современного населения Болгарии и Греции // Ежегодник Софийского университета Святого Климента Охридского. Биологический факультет. Книга 1 – Зоология. Т. 83, 1992. С. 275–281. (На болгарском языке).
- Халдеева 1997 – Халдеева Н.И. Одонтологическая классификация, как отражение тенденций интеграции и дифференциации в расогенетических моделях // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 2. М.: 1997. С. 377–468.
- Харламова, Шведчикова 2015 – Харламова Н.В., Шведчикова Т.Ю. Одонтологические и па-

леопатологические аспекты изучения человеческих останков из раскопок у храма с. Веселое // Вестник антропологии, 2015. № 1 (29). С. 41–50.

Хрушкова 2014 – Хрушкова Л.Г. Краснодарский край – территория трех епархий Константинопольского патриархата (письменные и археологические свидетельства) // Современные проблемы изучения истории Церкви. Сборник докладов международной конференции. МГУ им. М. В. Ломоносова, 7–8 ноября 2011 г. / отв. ред. В.В. Симонов, Г.М. Запальский. М.: Паломник, 2014. С. 378–400.

Шведчикова и др. 2014 – Шведчикова Т.Ю., Харламова Н.В., Чагаров О.С., Новиков В.В., Зинюкова Н.М. Комплексное палеоантропологическое исследование останков из склепа храма у с. Веселое (Восточное Причерноморье, IX–XII вв. н.э.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. С. 255–256.

Grupe et al. 2012 – Grupe G., Eickhoff S., Grothe A., Jungklaus B., Lutz A. Missing in action during the Thirty Years' War' Provenance of soldiers from the Wittstock battlefield, October 4, 1636. An investigation of stable strontium and oxygen isotopes // Population dynamics in Prehistory and Early History / Eds.: E. Raiser, J. Burger, W. Schier. Berlin: De Gruyter. Pp. 323–335.

References

Alexeev V.P. Debets G.F. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy*. Moscow: Nauka, 1964.

Alexeev V.P. *Proishozhdenie narodov Kavkaza. Kraniologicheskoe issledovanie*. Moscow: Nauka, 1974.

Armarchuk E.A., Mimokhod R.A., Sedov V.I. *Hristianskiy hram u pos. Veseloe – predvaritelnaya publikatsiya rezultatov raskopok 2010 g* // Rossiyskaya arheologiya, 2012. No. 3. Pp. 78–90.

Aksyanova G.A. *Morfologicheskie osobennosti zubnoi sistemy abkhazov s. Chlou* // Fenomen dolgozhitelstva: Antropol.-etnogr. aspect issled. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 189–202.

Gerasimov M.M. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (Sovremenniy i iskopaemyy chelovek)* // Trudy Instituta etnografii AN USSR. Nov. ser. Vol. 28. Moscow: Akademiya nauk USSR, 1955.

Gerasimova M.M. *O genealogicheskikh vzaimootnosheniyah kavkasionnoi i pontyiskikh ras (na kraniologicheskoy materiale)*. Edinstvo mnogobrazie chelovecheskogo roda. Vol. 2. Moscow: IEA RAN, 1997. Pp. 606–654.

Gerasimova M.M. *K voprosu o proishozhdenii balkartsev*. Vestnik antropologii. 2013. Vol. 25. Pp. 52–71.

Goncharov I.A., Goncharova N.N. *Programma MultiCan dlya analiza mnogomernykh massivov dannykh s ispolzovaniem statistik vyborok i parametrov generalnoisovokupnosti (MultiCan)*. Svidetelstvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM №2016610803. Moscow, 2016.

Zubov A.A. *Odontologiya, metodika odontologicheskikh issledovaniy*. Moscow: Nauka, 1968.

Zubov A.A. *Odontoglifika. Rasogeneticheskie protsessy v etnicheskoy istorii*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 11–42.

Zubov A.A. *Geograficheskaya izmenchivost odontologicheskikh kompleksov finno-ugorskiykh narodov. Finno-ugorskiy sbornik. Antropologiya, etnografiya, arheologiya*. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 134–148.

Zubov A.A. *Metodologicheskoe posobie po antropologicheskoy analizu odontologicheskikh materialov*. Moscow: IEA RAN, 2006.

Zubov A.A., Khaldeeva N.I. *Odontologiya v sovremennoy antropologii*. Moscow: Nauka, 1989.

Zubov A.A., Khaldeeva N.I. *Odontologiya v antropofenetike*. Moscow: Nauka, 1993.

Kashibadze V.F. *Kavkaz v antropoistoricheskom prostranstve Evrazii. Odontologicheskoe issledovanie*. Rostov-on-Don: Izdatelstvo YUNTS RAN, 2006.

Kashibadze V.F., Batieva E.F., Kashibadze O.G. *Novye odontologicheskkiye dannyye po srednevekovomu naseleniyu Adygei* // Paleoantropologicheskkiye i bioarheologicheskkiye issledovaniya: traditsii i novyye metodiki (VI ALEXEEVSKIYI CHTENIYA). Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii October 2015. St. Petersburg: MAE RAN. Pp. 55–58.

- Kochiev R.S. Narody Kavkaza: Zakavkazje i Severnyi Kavkaz // Etnicheskaya odontologiya USSR. Moscow: Nauka 1979. Pp. 114–141.
- Minkov Ts., Daponte A. Sravnitel'naya antropo-odontologicheskaya harakteristika sovremenngo nase-leniya Bolgarii i Gretsii // Ezhegodnik Sofyiskogo universiteta Svyatogo Klimenta Ohridskkogo. Biologicheskii fakultet. Part 1 – Zoologiya, 1992. Vol. 83. Pp. 275–281. (na bolgarskom yazyke).
- Khaldeeva N.I. Odontologicheskaya klassifikatsiya kak otrazhenie tendetsyi integratsyi i different-siatsii v rasogeneticheskikh modelyakh // Edinstvo i mnogoobrazie chelovcheskogo roda. Vol. 2. Moscow: 1997. Pp. 377–468.
- Kharlamova N.V., Shvedchikova T.Y. Odontologicheskyye i paleopatologicheskyye aspekty izucheni-ya chelovecheskykh ostankov iz raskopok hrama u s.Veseloe // Vestnik antropologii, 2015. No. 1 (29). Pp. 41–50.
- Hrushkova L.G. Krasnodarskiy krai – territoriya treh eparhyi Konstatntonopolskogo patriarhata (pismennyye i arheologicheskyye svidetelstva) // Sovremennyye problemy izucheniya istorii Tserk-vi. Sbornik dokladov mezhdunarodnoi konferentsii MGU im. M.V. Lomonosova November 2011. Moscow: Palomnik, 2014. Pp.378–400.
- Shvedchikova T.Y., Kharlamova N.V., Chagarov O.S., Novikov V.V., Zinjukova N.M. Kompleksnoe antropologicheskoe issledovanie ostankov iz sklepa hrama u s. Veseloe (Vostochnoe Prichernomorje IX–XII vv. n.e.) // Trudy IV (XX) Vserossyiskogo arheologicheskogo sjezda v Kazani. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 255–256.
- Grupe G., Eickhoff S., Grothe A., Jungklaus B., Lutz A. Missing in action during the Thirty Years' War? Provenance os soldiers from the Wittstock battlefield, October 4-th, 1636. An investigation of stable strontium and oxygen isotopes // Population dynamics in Prehistory and Early History. E. Raiser, J. Burger, W. Schier (eds.). Berlin: De Gruiter. Pp.323–335.

T.Yu. Shvedchikova, N.V. Kharlamova, A.V. Rasskazova, O.S. Chagarov. Medieval population of North-Eastern Pontic region (case study of anthropological materials from the excavations of Christian basilica near Veseloe settlement 9-11th cent. AD).

The article considers to the preliminary results of complex anthropological study of human remains revealed during the excavations of unique architectural ensemble – Byzantine basilica (9th-11th cent. AD) near Veseloe settlement (Adlersky City District, Sochi, Krasnodar Krai, Russia). The main goal is to reconstruct the anthropological profile of North-Eastern Pontic region medieval population. Study of skeletal remains included the craniometric, odontological, isotopic approaches as well as graphic reconstruction.

Results of applying the craniological data and stable isotopes analysis point out the heterogenety of the population of the site. Dental morphology data allows to propose that descendants of the studied population could take part in the formation of Abkhaz people and also indicates the morphological proximity with contemporary Greece population.

Key words: physical anthropology, craniology, dental morphology, stable isotope analysis, North-Eastern Pontic region, Medieval Ages.

© Ю.А. Ямпольская

ГРАЦИЛИЗАЦИЯ ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ И ТИПЫ КОНСТИТУЦИИ: ПОПУЛЯЦИОННАЯ И ВНУТРИГРУППОВАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА, МОСКВА)

Представлены результаты исследования распространенности типов конституции физического развития у московских школьников 14–15 лет в динамике с 1970-х по 1990-е годы. Полученные данные не дают основания считать, что происходящие изменения в морфологии популяции (грацилизация) являются результатом перестройки ее конституционального состава за счет увеличения доли лиц астеноидного типа. Показано, что в действительности их определяет состояние костно-мышечной и жировой ткани внутри каждого типа. Можно полагать, что грацилизация телосложения подрастающего поколения во второй половине XX века объясняется не популяционной (межгрупповой) изменчивостью во времени, а внутригрупповой, связанной с изменением соотношений основных компонентов сомы определяющих конституциональную принадлежность типа.

Ключевые слова: подростки, популяционная и внутригрупповая изменчивость, грацилизация телосложения, типы конституции, оценка физического развития.

Введение

Изучение изменчивости популяции во времени является одним из приоритетных направлений антропологии. При этом особое место занимают вопросы, связанные с подрастающим поколением как наиболее лабильной ее частью. Материалы, полученные при мониторинге физического развития детей и подростков одной и той же местности в динамике разных лет, призваны устанавливать влияние генетических механизмов, факторов окружающей среды, особенностей адаптации.

О размахе изменчивости физического развития подрастающего поколения России в последние годы XX века говорят многочисленные публикации (Година 2001; Михайлова 1996; Суханова 1996; Максимова 1999; Ямпольская 1998; Негашева, Мишкова 2005, и др.). Так наблюдения за физическим развитием школьников с 8-ми до 17-ти лет (более 10 тыс. человек, поперечные и продольные срезы), проведенные с 1960 по 2004 годы в различных образовательных учреждениях г. Москвы, позволили зафиксировать начало акселерации в 1960-е годы, ее пик в середине 1970-х годов, элементы децелерации начиная с 1980-х годов и ее развитие в 1990-е годы (Ямпольская 1988; Ямпольская 1997; Ямпольская 2000).

Ямпольская Юлия Абрамовна – доктор биологических наук, ФГБНУ «Научный Центр здоровья детей». Эл. почта: yu.yamp@rambler.ru.

Обследования московских старшеклассниц свидетельствуют, в частности, что к началу нового века «постарели» сроки их полового созревания (средний возраст менархе у девочек только за последние два десятилетия сдвинулся с 13 лет до 13 лет 3 месяцев), а доля лиц с относительно ранним половым созреванием (до 12,5 лет), уменьшилась более, чем в 1,5 раза. Оценка уровня полового созревания, проведенная по соответствующим нормативам развития вторичных половых признаков показала, что у 14-15-летних школьниц в 32,1% случаев, а у 16-17-летних в 22,1% наблюдается замедление темпов созревания. Одновременно прекратился прирост продольных размерных признаков, а по широтным, обхватным параметрам и особенно по массе тела они значительно отстали от ровесников прошлого (*Ямпольская* 2003).

Выявленные сдвиги статистически реальны ($p < 0,01$) и в основном согласуются с данными, полученными рядом авторов Европейского региона (*Richter* 1990; *Wellens, Malina, Beunen, Lefevre* 1990; *Helm, Groenlund* 1998; *Charzewski, Lewandowska, Kalka, Orlicz* 1994; *de la Puente, Canela, Alvarez, Salleras, Vicens-Calvet* 1997 и др.).

Рассматривая физическое развитие учащихся старших классов московских школ в сравнении с ровесниками прошлых десятилетий и оценивая его по единым возрастно-половым стандартам, разработанным на московском материале середины 1990-х годов (*Организация медицинского контроля* 1993) мы смогли выявить четкую тенденцию к грацилизации (астенизации) телосложения, связанной с нарастанием числа случаев дефицита массы тела относительно его длины. И если это состояние физического развития у московских девятиклассников 1970-х годов отмечалось у юношей в 5,6%, у девушек в 11,8%, а в 1980-е достигало соответственно 12,3% и 11,6%, то к началу нового века составило уже 13,9% и 17,2%.

Материалы и результаты исследования

Фундаментальной характеристикой морфологического развития человека является его конституциональная принадлежность, являющаяся вариантом адаптивной нормы, отражающей реактивность и резистентность организма к факторам среды (*Хрисанфова, Перевозчиков* 2000). Обращая внимание на особенности физического развития подрастающего поколения, в том числе на грацилизацию, некоторые авторы (*Година* 2001; *Хрисанфова* 2003; *Латицкая* 2004) считают, что в известной степени это объясняется тем, что к началу нового века астеноидный тип телосложения оказался в фазе своеобразного «резонанса» и в популяции выросло число его представителей.

Однако, известно, что типы телосложения, характеризующие гетерогенность популяции, находятся под сильным влиянием наследственного фактора и в качестве показателей эволюционного полиморфизма в достаточной мере консервативны. Допуская возможность изменения конституционального состава популяции, Е.Н. Хрисанфова в статье о познании биосоциальной природы человека, одновременно говорит о неоднозначности ответа на этот вопрос так как «...существуют генетические механизмы сохранения эволюционного полиморфизма как повышающего... жизнеспособность и жизнестойкость вида в целом, его эволюционный потенциал» (*Антропология на пороге III тысячелетия* 2003: 67–84).

Изменчивость конституционального состава тела московских школьников рассмотрена нами на материалах 1970-х и 1990-х годов. Анализ репрезентативных данных (344 юноши, 415 девушек), собранных по единой методике, позволил

установить динамику изменений частоты распространенности типов конституции школьников во времени. Конституциональная диагностика осуществлялась по схеме В.Г. Штефко и А.Д. Островского (Штефко, Островский 1929; Дарская 1975), основные положения которой успешно применяются для детского населения и в настоящее время (Латицкая 2004; Платонова, Степанова 2005).

Возрастной диапазон, выбранный нами для анализа, – 14-15 лет, т.к. по мнению авторов схемы, конституциональный габитус окончательно складывается только к этому периоду онтогенеза. Диагностика проводилась по строго унифицированной методике, основанной исключительно на визуальной характеристике вариантов формы грудной клетки, спины, живота, ног, выраженности мышечного, костного и жирового компонентов (Дарская 1975). Рассматривались только основные («чистые») типы конституции: астеноидный, торакальный, мышечный и дигестивный. Результаты анализа и насыщенность групп представлены в таблице 1 (табл.1) и на рисунке 1 (рис.1).

Таблица 1

Распределение основных типов конституции московских подростков 14-15 лет в разные десятилетия (абс, в %)

Типы конституции	М а л ь ч и к и				Д е в о ч к и			
	1971– 1975 гг.		1998– 2003 гг.		1971– 1975 гг.		1998– 2003 гг.	
	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%
Астеноидный	8	5,5	6	3,0	16	8,0	12	5,5
Торакальный	32	22,1	40	20,1	98	49,2	109	50,5
Мышечный	80	55,2	109	54,8	21	10,6	27	12,5
Дигестивный	25	17,2	44	22,1	64	32,2	68	31,5
В с е г о	145	100,0	199	100,0	199	100,0	216	100,0

Рис.1. Распределение основных типов конституции московских школьников 14-15 лет в разные десятилетия, в %.

Из представленных материалов видно, что частота распространенности типов в материалах разных десятилетий почти идентична и никакого перераспределения вариантов в пользу астеноидного типа за последние более, чем 25 лет в популяции не обнаружено. В материалах, разделенных более чем двумя десятилетиями, полностью сохранились и гендерные различия: типы конституции мальчиков в большем проценте случаев занимают эурисомную зону, девочек, напротив, лептосомную ($p < 0,05-0,01$). В обоих случаях эурисомные варианты (мышечный и дигестивный типы) у мальчиков встречаются в среднем в 3 раза чаще, чем лептосомные (торакальный и астеноидный); у девочек же преобладают лептосомные (табл.2).

Таблица 2

**Распределение основных вариантов телосложения
у московских подростков 14-15 лет в разные десятилетия (абс.,%)**

Варианты телосложения	М а л ь ч и к и				Д е в о ч к и			
	1971– 1975 гг.		1998– 2003 гг.		1971– 1975 гг.		1998– 2003 гг.	
	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%
Лептосомные	40	27,6	46	23,1	114	57,2	121	56,0
Эурисомные	105	72,4	153	76,9	85	42,8	95	44,0
В с е г о	145	100,0	199	100,0	199	100,0	216	100,0

Полученные данные не дают основания полагать, что происходящие в последние десятилетия XX века сдвиги в морфологии развития популяции являются результатом перестройки ее конституционального состава, что грацилизация телосложения современного подрастающего поколения – результат увеличения доли лиц астеноидного типа. Обнаруженные особенности связаны, очевидно, не с популяционным перераспределением типов, а исключительно с внутригрупповыми изменениями характеристик, определяющих состояние костной, мышечной и жировой ткани каждого типа в отдельности.

Это предположение было подтверждено рассмотрением оценки индивидуальных данных антропометрии (длины и массы тела), проведенной с помощью регрессионного анализа весо-ростовых соотношений у представителей разных типов конституции (по уже упомянутым единым возрастно-половым нормативам физического развития детей и подростков Москвы середины 1990-х годов).

Суммарные данные оценки весо-ростовых соотношений у подростков разных типов в сравнительном плане с учетом полового диморфизма представлены на рисунках 2, 3, 4 и 5 и в таблице 3.

Из рисунков 2 и 3, представляющих картину изменений лептосомных вариантов у лиц обоего пола, видно увеличение примерно на 20% за рассматриваемый срок удельного веса почти всех представителей как торакального, так и астеноидного типа, имеющих дефицит массы тела (исключение – девушки астеноидного типа).

Рисунки 4 и 5 свидетельствуют, что ту же тенденцию «похудения» за рассматриваемый срок демонстрируют и почти все представители эурисомного телосложения (исключение девочки мышечного типа). Здесь у мальчиков мышечного телосложения появляется дефицит массы тела, а при дигестивном типе и у мальчиков, и у девочек снижается удельный вес случаев избыточной массы тела. Можно видеть (таблица 3), что отмеченное внутригрупповое варьирование типологических характеристик статистически реально ($p < 0,05$).

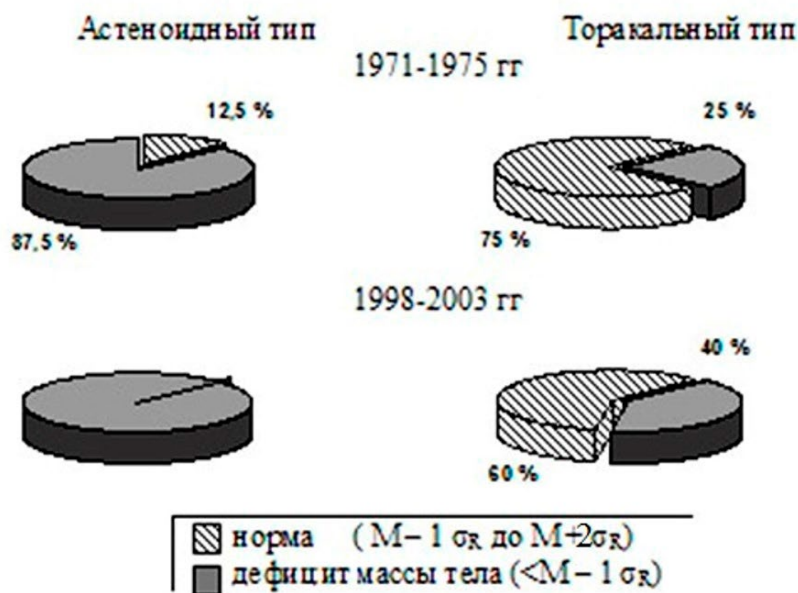

Рис. 2. Распределение вариантов оценки физического развития у московских юношей 14-15 лет лептосомного телосложения в разные десятилетия, в %.

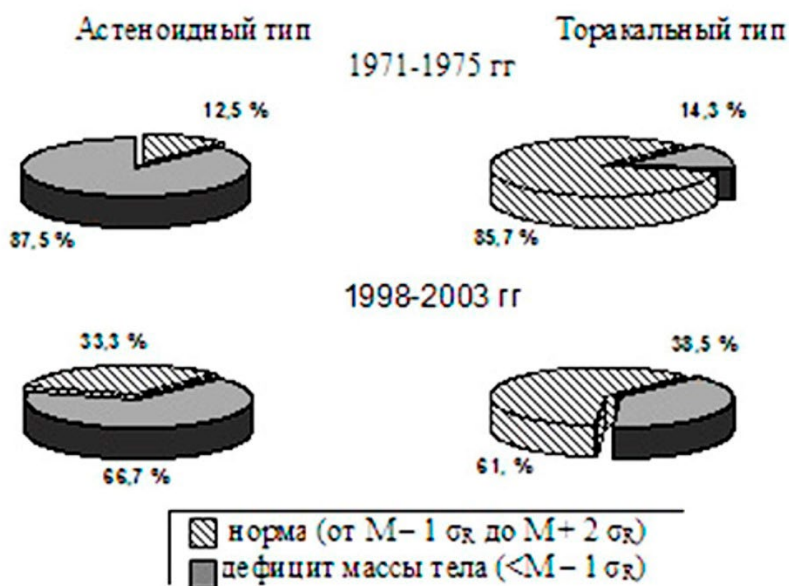

Рис. 3. Распределение вариантов оценки физического развития у московских девушек 14-15 лет лептосомного телосложения в разные десятилетия, в %.

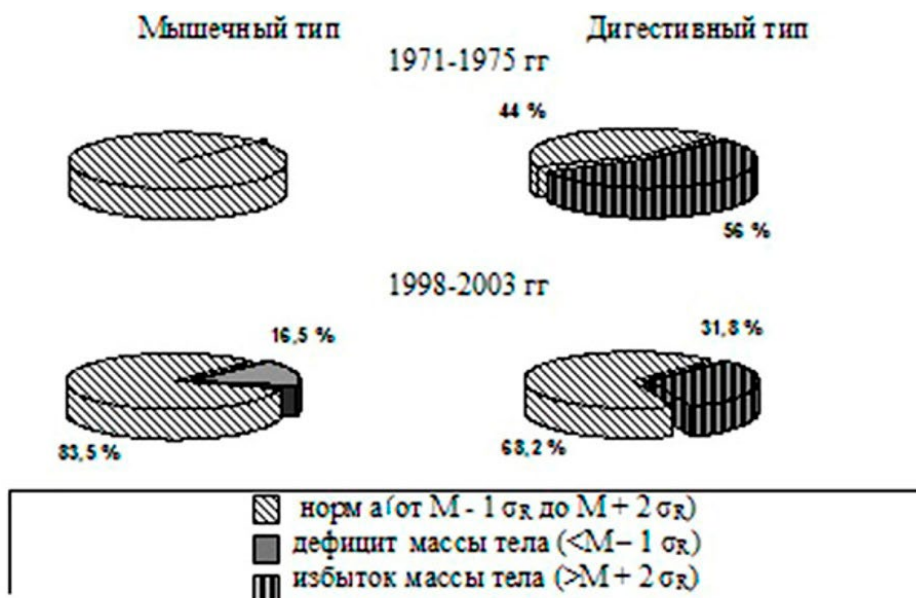

Рис. 4. Распределение вариантов оценки физического развития у московских юношей 14-15 лет эурисомного телосложения в разные десятилетия, в %.

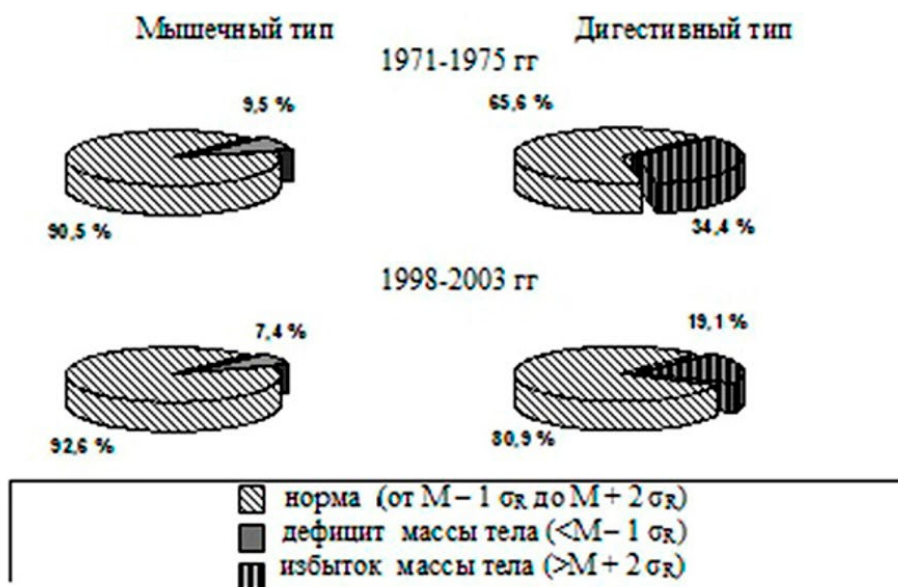

Рис. 5. Распределение вариантов оценки физического развития у московских девушек 14-15 лет эурисомного телосложения в разные десятилетия, в %.

Таблица 3

Распределение нормальных вариантов физического развития (масса тела в пределах от $M-1\sigma_R$ до $M+2\sigma_R$ относительно конкретного роста, возраста и пола) в группах разных типов конституции в разные десятилетия

Типы конституции	Ю н о ш и			Д е в у ш к и		
	1971– 1975 гг.	1998– 2003 гг.	р	1971– 1975 гг.	1998– 2003 гг.	р
Астеноидный	12,5%	–	–	12,5%	33,3%	< 0,05
Торакальный	75%	60%	< 0,05	85,7%	61,5%	< 0,05
Мышечный	100%	83,5%	< 0,05	90,5%	92,6%	–
Дигестивный	44%	68,2%	< 0,05	65,6%	80,9%	< 0,05

Таким образом, можно полагать, что отмечаемая в последние десятилетия астенизация подрастающего поколения не связана с популяционным перераспределением типов конституции во времени, а определяется состоянием костно-мышечной и жировой ткани внутри каждого из них. И это в очередной раз свидетельствует о различиях между проявлением внутригруппового расслоения популяции и ее изменчивостью во времени, на что при анализе других материалов мы уже обращали внимание (Ямпольская 1971; Yampolskaya 2005).

Заключение

Массовые обследования школьников на протяжении более чем двадцати лет в рамках профилактических медицинских осмотров (более 10 тыс. человек, поперечные и продольные срезы, 1960–2004 гг.), свидетельствуют, что физическое развитие московских подростков второй половины XX века характеризуется сдвигом сроков полового созревания в сторону старших возрастов, стабилизацией темпов продольного роста и грацилизацией (астенизацией) телосложения. Обращая внимание на грацилизацию телосложения подрастающего поколения некоторые авторы объясняют ее тем, что в фазе своеобразного «резонанса» оказался астеноидный тип конституции, число представителей которого значительно выросло. Однако, диагностика, проведенная нами по строго унифицированной методике на московских школьниках 14–15 лет, показала, что распространенность типологических вариантов в сравниваемых группах почти идентична и никакого перераспределения в пользу астеноидного типа не обнаруживается. Полученные данные не дают оснований полагать, что происходящие сдвиги в морфологии развития популяции являются результатом перестройки ее конституционального состава. С помощью индивидуальной оценки физического развития подростков по шкалам регрессии массы по длине тела доказано, что грацилизация определяется не популяционной (межгрупповой) изменчивостью ее конституционального состава во времени, а изменением внутригрупповых соотношений основных компонентов сомы внутри каждого типа.

Литература

- Антропология* 2003 – Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 2. М.: Старый сад, 2003.
- Година* 2001 – *Година Е.З.* Динамика процессов роста и развития у человека: пространственно-временные аспекты. Автореф. дисс. докт. биол. наук М., 2001.
- Дарская* 1975 – *Дарская С.С.* Техника определения типов конституции у детей и подростков // Оценка типов конституции у детей и подростков (сборник научных трудов). М., 1975.
- Лапицкая* 2004 – *Лапицкая Е.М.* Конституциональный подход в физическом воспитании школьников Кольского Заполярья : Учеб. пособие. Мурманск: МОИПКРО; НИЦ «Пазори», 2004.
- Негашева, Мишкова* 2005 – *Негашева М.А., Мишкова Т.А.* Антропометрические параметры и адаптационные возможности студенческой молодежи к началу XXI века // Российский педиатрический журнал, 2005. № 5. С.12–16.
- Организация 1993 – Организация медицинского контроля за развитием и здоровьем дошкольников и школьников на основе массовых скрининг-тестов и их оздоровление в условиях детского сада, школы. М.: Промедэк., 1993.
- Платонова, Степанова* 2005 – *Платонова Н.А., Степанова А.Д.* Конституциональные особенности детей коренного населения республики Саха (Якутия) // Дальневосточный медицинский журнал. Приложение 1. 2004. Материалы региональной научно-практической конференции «Экология и здоровье человека на Севере». Хабаровск, 2005, С. 115–116.
- Хрисанфова* 2003 – *Хрисанфова Е.Н.* Антропо-эндокринологические исследования как способ познания биосоциальной природы человека (историческая филогения) // Антропология на пороге III тысячелетия. М., 2003. Т. 1. С. 67–84.
- Хрисанфова* 2003 – *Хрисанфова Е.Н.* Критические этапы гормональной перестройки в онтогенезе человека: опыт конституционального прогноза // Вестник антропологии, 2003. № 10. С. 159–175.
- Хрисанфова, Перевозчиков* 2000 – *Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология. М.: Высшая школа, 2000.
- Штефко, Островский* 1929 – *Штефко В.Г., Островский А.Д.* Схема клинической диагностики конституциональных типов. М.; Л.: Госмедиздат, 1929.
- Ямпольская* 1997 – *Ямпольская Ю.А.* Динамика уровня полового созревания девочек Москвы в последние десятилетия // Гигиена и санитария, 1997. № 3. С.29–30.
- Ямпольская* 1971 – *Ямпольская Ю.А.* Характеристика морфологического развития девочек с разными сроками полового созревания (динамические наблюдения). Автореф. дисс. канд. наук. М., 1971.
- Ямпольская* 1988 – *Ямпольская Ю.А.* Сдвиги в возрасте menarche и уровне физического развития девушек Москвы за последние двадцать лет // Вопросы антропологии, 1988. Вып. 81. С. 67–73.
- Ямпольская* 1986 – *Ямпольская Ю.А.* Тенденции физического развития девочек Москвы в последние два десятилетия и их прогноз на ближайшие годы // Гигиена и санитария, 1986. № 9. С. 24–28.
- Ямпольская* 1999 – *Ямпольская Ю.А.* Состояние физического развития современных школьников Москвы // III Конгресс этнографов и антропологов России 8–11 июня 1999. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 149.
- Ямпольская* 2000 – *Ямпольская Ю.А.* Физическое развитие школьников – жителей крупного мегаполиса в последние десятилетия: состояние, тенденции, прогноз, методика скрининг-оценки. Диссертация в виде научного доклада... докт. биол. наук. М., 2000.
- Ямпольская* 2003 – *Ямпольская Ю.А.* Физическое развитие школьников Москвы во второй половине XX века: состояние, тенденции, прогноз // Антропология на пороге III тысячелетия. М.: Старый сад. 2003. Т. 2. С.567–592.
- Charzewski, Lewandowska, Kalka, Orlicz* 1994 – *Charzewski J., Lewandowska J., Kalka E.,*

- Orlicz B. Age at menarche in Warsaw girls in 1976–1986 // Growth and ontogenetic development in Man IV. Proceeding of the Symposium held in Humpoles on September 5th 1989. Prague, 1994. Pp. 318–320.
- de la Puente, Canela, Alvarez, Alvarez, Salleras, Vicens-Calvet 1997 – de la Puente M.L., Canela J., Alvarez J., Salleras L., Vicens-Calvet E. Cross-sectional growth study of the child and adolescent population of Catalonia // Ann. Hum. Biol., 1997. Vol. 24. No. 5. Pp. 435–452.
- Helm, Groenlund 1998 – Helm P., Groenlund L. A halt in the secular trend towards earlier menarche in Denmark // Acta Obstetr. et Gynecol. Scandinav, 1998. Vol. 77. Pp. 198–200.
- Richter 1990 – Richter J. Kontinuierliche Menarche-Beobachtungen einer geschlossenen Population (Continuous menarcheal observation of a closed population) // Arztl. Jugendkde. 1990. Bd. 81.
- Wellens, Malina, Beunen, Lefevre 1990 – Wellens R., Malina R.M., Beunen G., Lefevre J. // Ann. Hum. Biol., 1990. Vol. 17. Pp. 145–152.
- Yampolskaya 2005 – Yampolskaya Y.A. Intra- and interpopulation Variability and Evaluation of the physical Development of a Young Generation // Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science, 2005. Vol. 24 (4). Pp. 503–506.

References

- Антропология на пороге III тысячелетия. Moscow: Saryi sad, 2003. Vol. 2.
- Godina E.Z. Dinamika protsessov rosta i razvitiia u cheloveka: prostranstvenno- vremennye aspekty. Avtoref. diss. dokt. biol. nauk. Moscow, 2001.
- Darskaia S.S. Tekhnika opredeleniia tipov konstitutsii u detei i podrostkov // Otsenka tipov konstitutsii u detei i podrostkov (sbornik nauchnykh trudov). Moscow, 1975.
- Lapitskaia E.M. Konstitutsional'nyi podkhod v fizicheskoy vospitanii shkol'nikov Kol'skogo Zapoliar'ia : Uchebnoe posobie. Murmansk: MOIPKRO; NITs «Pazori», 2004.
- Negasheva M.A., Mishkova T.A. Antropometricheskie parametry i adaptatsionnye vozmozhnosti studencheskoi molodezhi k nachalu XXI veka // Rossiiskii pediatricheskii zhurnal, 2005. No. 5. Pp. 12–16.
- Organizatsiia meditsinskogo kontrolya za razvitiem i zdorov'em doshkol'nikov i shkol'nikov na osnove massovykh skrining-testov i ikh ozdorovlenie v usloviakh detskogo sada, shkoly. Moscow: Promedek, 1993.
- Platonova N.A., Stepanova A.D. Konstitutsional'nye osobennosti detei korennoy naseleniia respubliky Sakha (Iakutiia) // Dal'nevostochnyi meditsinskii zhurnal, Prilozhenie 1. 2004. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ekologiya i zdorov'e cheloveka na Severe». Khabarovsk, 2005. Pp. 115–116.
- Khrisanfova E.N. Antropo-endokrinologicheskie issledovaniia kak sposob poznaniia biosotsial'noi prirody cheloveka (istoricheskaya filogeniia) // Antropologiya na poroge III tysiacheleniia. Moscow, 2003. Vol. 1. Pp. 67–84.
- Khrisanfova E.N. Kriticheskie etapy gormonal'noi perestroiki v ontogeneze cheloveka: opyt konstitutsional'nogo prognoza // Vestnik antropologii, 2003. No. 10. Pp. 159–175.
- Khrisanfova E.N., Perevozchikov I.V. Antropologiya. Moscow: Vysshaia shkola, 2000.
- Shtefko V.G., Ostrovskii A.D. Skhema klinicheskoy diagnostiki konstitutsional'nykh tipov. Moscow; Leningrad: Gosmedizdat, 1929.
- Iampol'skaia Iu.A. Dinamika urovnia polovogo sozrevaniia devochek Moskvy v poslednie desiatiletii // Gigiena i sanitaria, 1997. No. 3. Pp. 29–30.
- Iampol'skaia Iu.A. Kharakteristika morfologicheskogo razvitiia devochek s raznymi srokami polovogo sozrevaniia (dinamicheskie nabliudeniia). Avtoref. diss. kand. nauk. Moscow, 1971.
- Iampol'skaia Iu.A. Sdvigi v vozraste menarche i urovne fizicheskogo razvitiia devushek Moskvy za poslednie dvadtsat' let // Voprosy antropologii, 1988. Vol. 81. Pp. 67–73.
- Iampol'skaia Iu.A. Tendentsii fizicheskogo razvitiia devochek Moskvy v poslednie dva desiatiletii i ikh prognoz na blizhaishie gody // Gigiena i sanitaria, 1986. No. 9. Pp. 24–28.

- Iampol'skaia Iu.A.* Sostoianie fizicheskogo razvitiia sovremennykh shkol'nikov Moskvy // III Kongress etnografov i antropologov Rossii 8–11 iyunia 1999. Moscow: IEA RAN, 1999. P. 149.
- Iampol'skaia Iu.A.* Fizicheskoe razvitie shkol'nikov – zhiteli krupnogo megapolisa v poslednie desiatiletii: sostoianie, tendentsii, prognoz, metodika skrining-otsenki. Dissertatsiia v vide nauchnogo doklada... dokt. biol. nauk. Moscow, 2000.
- Iampol'skaia Iu.A.* Fizicheskoe razvitie shkol'nikov Moskvy vo vtoroi polovine XX veka: sostoianie, tendentsii, prognoz // Antropologiya na poroge III tysiacheletia. Moscow: Staryi sad, 2003. Vol. 2. Pp. 567–592.
- Charzewski J., Lewandowska J., Kalka E., Orlicz B.* Age at menarche in Warsaw girls in 1976–1986 // Growth and ontogenetic development in Man IV. Proceeding of the Symposium held in Humpoles on September 5th 1989. Prague, 1994. Pp. 318–320.
- de la Puente M.L., Canela J., Alvarez J., Salleras L., Vicens-Calvet E.* Cross-sectional growth study of the child and adolescent population of Catalonia // Ann. Hum. Biol., 1997. Vol. 24. No. 5. Pp. 435–452.
- Helm P., Groenlund L.* A halt in the secular trend towards earlier menarche in Denmark // Acta Obstetr. et Gynecol. Scandinav, 1998. Vol. 77. Pp. 198–200.
- Richter J.* Kontinuierliche Menarche-Beobachtungen einer geschlossenen Population (Continuous menarcheal observation of a closed population) // Arztl. Jugendkde, 1990. Bd. 81.
- Wellens R., Malina R.M., Beunen G., Lefevre J.* // Ann. Hum. Biol., 1990. Vol. 17. Pp. 145–152.
- Yampolskaya Y.A.* Intra- and interpopulation Variability and Evaluation of the physical Development of a Young Generation // Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science, 2005. Vol. 24 (4). Pp. 503–506.

***Yu.A. Yampolskaya.* Gracilization of the physique and constitutional types: population and intragroup diversity (second half of the XX century, Moscow).**

The results of study of the frequency of constitutional types of physical development of Moscow scholars aged 14–15 years through 1970–1990th in dynamics are presented. The data do not give any evidence to consider that the changes of the morphology of the population (gracilization) result from the reconstruction of its constitutional structure due to the increase of the portion of the subjects of the asthenoid type. In fact these changes follow from the status of the skeletal, muscle and fat tissue inside each type. It's possible to consider that gracilization of the physique of the teenagers through the second half of the XX century results not from the population (intergroup) temporal diversity, but from the intragroup diversity, connected with the changes of the proportions of the main somatic components, which determine the constitutional affiliation of the type.

Key words: teenagers, population and intragroup diversity, gracilization of the physique, constitutional types, estimation of the physical development.

ИЗУСТНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 394

© Manolis G. Sergis

MEMORIES AND OBLIVION: AN OCCUPIED VILLAGE IN THE RHODOPES (WESTERN THRACE, GREECE, 1941–1944)

The present study deals with the 1941–1944 Bulgarian occupation memories of the inhabitants of Thrylorio, a village in Rodopi (Western Thrace, Greece).

The research methodology tool of the present study is the Oral History; the experienced by the narrating individuals themselves History. The material was originally collected in a pilot study via unstructured interviews. When the axes around which the informants' memories were focusing reached a saturation point, they were used as the basis for the construction of a structured interview, which was used for the main study. These axes are as follows: memories of the first and the last day of the occupation, the arrival of the Bulgarian settlers, the "change of use" in the landmarks of the village, the villagers' economic drain and the starvation, the curfew measures, the thrashing, the forced labour, the daily routine, the representations of the Bulgarians (positive and negative), and the memories of the resistance against the Bulgarian conquerors. As has been shown, the oral history is not the history of the facts but a history of subjectivity since it acknowledges history's true but invisible creators. This study did not aim to complement the history or reveal the historical truth but nonetheless it ended to supplement it not as a cold historical narration but via the small details of the daily life, that restores the individual person as an active agent in the process of the collective memory formation.

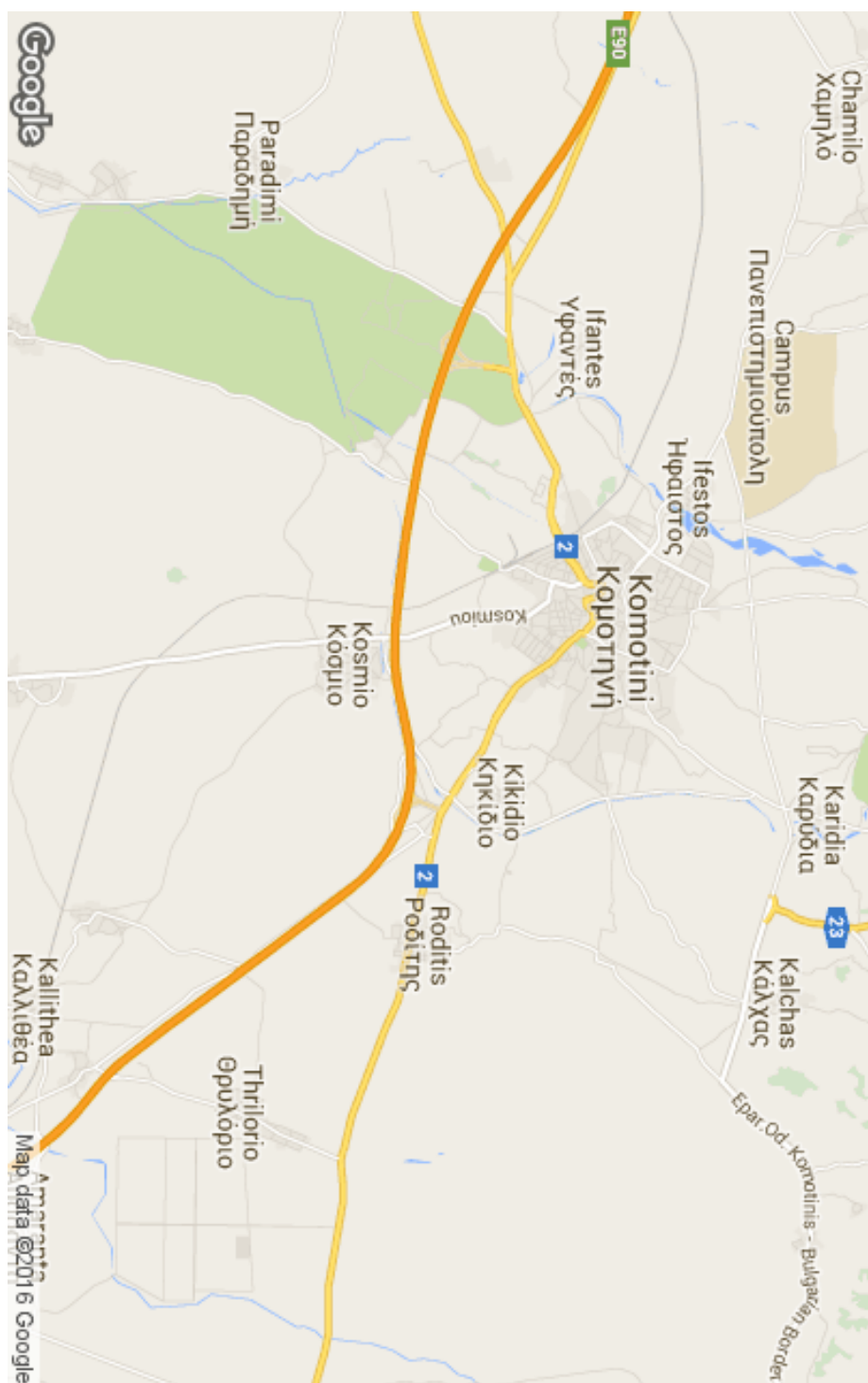
Keywords: *memory (personal, social, "historicalness" of memory, traumatic), Oral History, fear, liminality, communitas, Thrace, Greece, Bulgarian occupation.*

Introduction

Thrylorio of Rodopi is a Pontian rural village that was founded in 1923 entirely by Pontian refugees coming to Greece from the regions of Kars and Kerasunda (see for more in Sergis 2006; Sergis 2008a; Sergis 2008b; Sergis 2012). The determinant landmarks in the historical course of the village (I have been studying this village since 2005) have been the "creative boom" in every aspect of its economic and social life during the 1930s, the three-year stagnation (or even retrogression) during the Bulgarian occupation, its fall be-

Sergis Manolis G. – Associate Professor of Laographia (Folklore), Democritus University of Thrace, Komotini, Greek Republic. E-mail: msergis@otenet.gr.

Сергис Манолис Г. – доцент фольклора, Фракийский университет Демокрита, г. Комотини, Греческая Республика. Эл. почта: msergis@otenet.gr.

Pic. 1. The area of Rodori with the capital city Komotini and the village Thrylorio (south-east of Komotini).

cause of the sad events of the civil war (Sergis 2012) when the wound of the migration of its population (mainly towards Europe) was intensified (during the 1960s).

The research methodological tool of the present study is the *Oral History*; the experienced by the narrating subjects / individuals themselves History (see Thompson 2000; Van Boeschoten 1997; Paradellis 1999; Thanopoulou 2000; Thanopoulou 2000; Drini 2009; Sergis 2011). The material was originally collected in a pilot study via unstructured interviews. When the axes around which the informants' memories were focusing reached a saturation point, they were used as the basis for the construction of a structured interview, which was used for the main study. These axes are as follows: memories of the first and the last day of the occupation, the arrival of the Bulgarian settlers, the "change of use" in the landmarks of the village, the villagers' economic drain and the starvation, the curfew measures, the thrashing, the forced labour, the daily routine, the representations of the Bulgarians (positive and negative), and the memories of the resistance against the Bulgarian invaders.

Ten first and second generation informants participated in this research, equally distributed in the two political "camps" of the "right wing" and the "left-wing", who confirmed, as in the case of the Greek civil war presented elsewhere (Sergis 2012), the dichotomised collective memory of the village in some issues related to the Bulgarian occupation. The classification made here ("right-wing" – "left-wing") refers to the informants' political identity during the events of the Bulgarian occupation. It is noteworthy that the informants never migrated from their village experiencing thus all the post-war period and the current political events. In this sense, the interpretive frameworks within which they reached their adulthood are those of a) the "official / public history", b) the collective memory of their like-minded and their own group, c) their personal memories. They are individuals with a consolidated experience of the events, which is a positive aspect of this research, since, to Rosenthal (in Van Boeschoten 1997: 213), the more concrete the experience the more organised its retrieval is. The "left-wing" ones, in particular, belong to the families of those who did not participate in the massive exodus of their like-minded to Bulgaria and the other "Eastern countries" during the tragic events of 1948 (Sergis 2012). Furthermore, it is *a priori* highlighted that the civil war determines once again the facets of the dichotomized collective memory. Wherever, it is absent, as irrelevant to the narrated events, the collective memory is uniform, undifferentiated, praising the collective ethos of the village in most cases.

This article is divided in three sections. The *first* one discusses the theoretical considerations on the basis of which the research findings are analysed, the *second section* deals with the "official" history in brief, which, as will be revealed in the discussion of our findings, is refracted in our informants' experienced history. Finally, the *last* section is devoted to the discussion of the nine axes unfolded in the interviews and the discussion of our findings based on the theoretical framework of the present study.

Theoretical considerations

The basic concepts around which the content of this study is unfolded and which constitute the theoretical basis of this research are as follows.

1. *Trauma and traumatic memory* (Vidali 1999; Caruth 1996; Kokkinos, Lemonidou 2010; Roth 2011; Davoine 2013). The more traumatic an event the more difficult its representation is.

2. *Fear* (see Robin 2010; Mc Dougall 2006; Bourke 2011).

3. *Hunger / starvation* (Newman 2006).

4. *"Historicalness" of memory*. I use the term "historicalness" in the sense of the historical coincidence in which the events of the past are retrieved but also that of the interpretive framing that gives meaning to the lived experience of the events of the past (Voglis 2008: 65). The data of the present study was collected during the period 2005–2012 when the political passions in Greece (since early 21st century) showed a recession. The informants' *present of memory* was thus rather smooth. It is widely accepted now that in Greece the opposing ideological camps of the 1940s ("right-wing" and "left-wing") and the official historical memory formed (via numerous ways e.g. with commemorative symbolisms, see Halbwachs 1997: 99) opposing interpretive frameworks in order to attribute meaning to the lived by individuals (personal) experience, especially when they refer to civil conflicts. The period after 1981 and 1989, with the changes that occurred to the Greek and international community, has caused a crisis to the structured since 1940 identities, therefore has multiplied the memories of the past (Voglis 2008: 75),

5. *Collective memory* (Halbwachs 1997; Madoglou 2005), taken to mean the persons' lived experience. I use it here granted that there is not one collective memory since even the actual event that was experienced by a group of persons is not represented by them in the same way when retrieved from memory. The concept is a simplifying, fragmentary, selective one and forgets or silences certain events when it deals with identities at risk and is thus regulatory. Its main function is to keep the cohesion of the group safe since memory (in general terms) constitutes a common relationship that joins the group and discriminates it from other ones,

6. *Personal memory*. The individual recollections are intimately connected to the collective ones and vice versa. In this sense, they cannot be entirely personal since they are linked to the social dimension. The modern views of the *Self* (Eriksen 2007; Gefou 2006) on the self-determination of the person and those that bring to the fore the social impact on the formation of the *Self* maintain that the personal memory is formed intersubjectively through the interaction of the person with the "Other" (Gefou 2006: 26-49). The formation of the personal memory starts with the recording of the experiences in long-term memory. New experiences, however, are incorporated, the initial messages are modified or erased, and the past is continually re-interpreted under the prism of the needs of the past as aforementioned. To M. Halbwachs (1997) the personal memories of an individual cannot exist independently from the occasional social framework since the persons use the social frameworks to determine and recognize their recollections (Madoglou 2005: 49).

Therefore, on the basis of the above-discussed 4 and 5 points I choose to speak here for "a multiplicity of fragmented and internally divided memories" (Portelli 1997) or, in simpler words, for "collected memories", for personal and collective experiences. At the end of the day, the citation of contradictory experiences or interpretations for the same event, I believe, enriches the perception of the past, reveals the individual's role, dissolves some historians' obsessions, renegotiates their certainties, corrects stereotypes, demystifies "materialistic" versions of history (Van Boeschoten 1997: 207).

7. The concepts of *liminality* (Turner 1967; Turner 1974; Turner 1995; Ashley 1990) and *communitas* (Turner 1969), which will be further elaborated below in this study. The period of the Bulgarian occupation is considered as important for the historical life of the village. I take this period to be a transitional one, a *passage* one, as this was defined by A. van Gennep (1909/1960) and was further elaborated by Turner: as a passage from a period of peace, creation and welfare to a condition of illiberality. This constitutes a "dangerous" passage because

the *borderline* between the past and the present is still blurred since the past time still intrudes itself quite dynamically upon the present time. *Liminality* is manifested during transitional historical periods when some social behaviours and values in force (or even the whole range of them) are doubted, which, in some cases, contributes to the activation of traditional cultural forms. How did the village pass through this liminality period? What happened to the pre and post occupation *communitas* and the collective *habitus* (Bourdieu 2006)? In this *habitus* I spot certain aspects of the collective memory that have not changed; I refer to certain social practices that need not be commented or do not shift in meaning because they are considered self-evident in the Pontian ideological cosmos.

The “official” History

The diplomatic discussions for the integration of Bulgaria to the Axis Powers had already begun at the end of 1940. The warmly wished by both counterparts deal was signed in Vienna, on the 1st of March 1941 (Kontzageorgi-Zymari 2002: 30). This deal also included the promise on the part of Germany that the region of Northern Greece between the rivers Strymonas and Evros would be handed to Bulgaria. The Bulgarian nationalists’ old dream was eventually close to its tempting fulfillment; to secure a passage to the Aegean Sea for Bulgaria. The Bulgarian government considered the territories of Eastern Macedonia and Thrace as belonging to Bulgaria and thus as returned ones (Grigoriou 1953: 599, 600). After the German invasion in Greece, the gradual settlement of Bulgarian armed forces started and lasted from the 20th of April until the 15th of May 1941.

The occupied by the Bulgarians territory had the river Strymonas as its western border and the line Alexandroupolis – Svilengrad as its eastern one. It included the provinces of Serres, Drama, Kavala and Rodopi (the area of Xanthi included) and a certain part of the area of Evros but a narrow slice of earth along the Greek-Turkish frontier, possibly to avert conflicts with Turkey (Kontzageorgi-Zymari 2002: 38).

Despite the fact that the legal status quo of the Bulgarian occupation was not crystal clear, it is noteworthy that a new administrative entity was organised on the occupied Greek territories on the 3rd of May 1941, namely, Belomorie, (Беломорие, or Ксантийска област), which was incorporated to the 4th prefecture of the Bulgarian State and was divided in eleven counties having the town of Xanthi as its seat (Kontzageorgi-Zymari 2002: 44).

Along with the “official” Bulgarian administration, a great number of cultural associations and organisations were established in the area aiming at a propagandistic policy. The Greek civil servants were replaced by Bulgarian ones invited to settle with their families in the occupied territories. It is estimated that almost 2000 employees came to the area of Komotini (the capital city of the county of Rodopi nowadays). In every community Bulgarian presidents, secretaries, policemen, rural guards were appointed. In Komotini, the administration of the county was undertaken by a three-member committee (Dark Bible 1945: 42, 74).

The axes of memories

In this section the nine axes that were disclosed from the interviews will be presented and discussed in the order announced at the introductory part of this article.

Pic. 2. The green parts of the map show the areas that were occupied by the Italians. The brown parts of the map show the areas that were occupied by the Germans. The pink part (North of Greece) shows the areas that were occupied by the Bulgarians.

Memories of the first and last day of the occupation

The concepts “first time – last time” have a particular meaning for the folk civilization. By “first” in our case I mean the arrival of the political and army authorities at the village of Thrylorio. Since then the inhabitants moved *violently* to another phase of their social life and their social status changed; from free citizens they become enslaved. They start living hereon in an ambiguous and unbalanced status quo. They are intended to undertake roles that they do not wish. They enter to an *anti-structure* condition in the sense that they are found beyond the “normal” space and time, their “regular” duties are withdrawn, the structures of their “regular” life are dissolved and new forms of relations are created. They experience the phase of liminality, the passage to a verge, to a condition where all concepts (identity, time, and place) are fluid and ambiguous. The whole situation signals a diversion from the established social order, from its social ladder and hierarchy as mentioned by V. Turner (1995: 94 onwards). The persons are generally suspended in an in-between, unclear, abnormal, timeless and fluid condition. They are in the air “between and betwixt” (Turner 1995: 131 onwards) without holding a particular place in the social structure. Values, conceptions, roles and behaviours that until recently were considered self-evident are now discredited. During the transitional phase of liminality the interaction among individuals is quite intense. A process of *communitas* takes place; an homogenization and equalization of the persons and a feeling of belonging to a community and consolidation come to the surface (Turner 1995: 131 onwards). The liminal phase (as transitional and thus dangerous) facilitates (but is also responsible for) a likely social change with unknown results, especially in the case of long duration. During this period nobody knows whether a possible new *communitas* will be established or whether the old one will act as a means of questioning the established conditions and social hierarchies (the structure).

By “last time” I mean the withdrawal of the entirety of the occupants and the *reintegration* of the villagers to their community having a new quality hereon; that they have been introduced to the conditions of the traumatic occupation. I mean the *passage* of the village again to its earlier life, which undoubtedly cannot be similar to the one they abandoned three years ago. A variety of visible and invisible changes occurred. The latter are noteworthy since they focus on the fundamental question: how did the *communitas* function during the occupation?

In the case under investigation, as far as the “first time” is concerned, the inhabitants welcomed the occupation authorities at the edge of the village with flowers. This most probably happened because the persons usually feel weak in the face of obscurity that the new, fluid context creates, especially if it is hostile and violent; the fear of the unknown at the beginning of liminality is a usual phenomenon. Therefore, the quest for certainty and safety is projected as an easily accessible *strategy* by the weak. It is a practice that faces the mighty enemy in a similar way to the hostile animals in nature, mainly with fear and the logic that “if you do not harm them they will not harm you either” (Van Boeschoten 1997: 217). The classic historian Thucydides provided us with his own answer to this issue centuries ago: within the discussion of the human condition, the argument of justice (and its vindication I add) has value only if there is an equal power for its imposition. The powerful one inflicts what his power allows him and the weak one grants what is imposed by his weakness (book 5: 89). The “welcoming of the enemy” therefore should not be interpreted as an attitude of reconciliation with the conqueror or as an index of submission. That would be a rather unfair judgment, which is revealed in the informants’ narrations

concerning their daily relationships with the Bulgarians.

The Bulgarian army, they remember, entered the village from the (nowadays) central road and stopped at the square of the village. The informants remember the consensual and international flair of the Bulgarian president's brief speech aiming clearly at "*we are all brothers, long live Bulgaria, long live Belomoria*"¹⁷. It is quite interesting to note once again at this point that *time* in folk culture is perceived and is identified either with the productive procedure (Nitsiakos 2003: 120 onwards) or with personal events: a female informant remembers that it was on the Palm Sunday that the news about the enemies' arrival came to the village because it was on that day that they baptised Egnosia Anastasiadou; she connects an important event of the social life of the village with a religious celebration, which constitutes a landmark for their religious calendar. My male informants, even though they do not all remember the exact date, they, however, used the linear time ("*in April of 1941*"). I could attribute this different perception of time to the general system of gender differences, to the illiteracy, for instance, of women and the more or less literacy of men.

Giannis Savvides remembers nonetheless that a few days after the Bulgarian authorities' arrival the Mayor, "*a huge person*", through the voice of his interpreter, announced to the villagers that the Bulgarians have strict regulations, that the inhabitants can steal in order not to starve because if they do not steal they will definitely starve, but on the occasion of their arrest cold-blooded their punishment will be very harsh. This was indeed the bible of behaviour towards the villagers.

The *end* of the Bulgarian occupation is one of the historical incidents that were indelibly inscribed in memory because, quite simply, the accompanying emotions were very intense.

The massive withdrawal of the Bulgarian settlers took place on the 13th of September 1944. Some of the settlers had of course moved long ago this date either because they disagreed with the political philosophy of this settlement or because they foresaw the upcoming events or because they had behaved tyrannically during their settlement and they were afraid of possible reprisals on the part of the inhabitants of the village. Gianni's Savvides remembers the case of his Bulgarian neighbour Георгиос, which he called *George* abiding to the usual practice to turn the foreign names into Greek, who had left a year before the massive Bulgarian departure because he had foreseen the upcoming disaster on "his own people". The informant remembers that this Bulgarian person had gone many ways to and from Bulgaria carrying his goods and crops. He was an educated person; he could read a newspaper and had formed a view for the upcoming political evolutions. Георгиос – and some more to be mentioned below – was actuated by democratic feelings. The informants present quite vividly in their narrations these people's dichotomised identity, as soldiers of a brutal regime and unwilling invaders, on the one hand, and as people filled with universal ideals, on the other hand.

The Greek Local Security, which was founded by some inhabitants of the village, were sympathisers of the communist ideology and the "left-wing" president of the village Thanassis Avramides declared the dogma of noble behaviour towards the leaving Bulgarians. The general impression is that the people wished to celebrate the fact in their own way. They remember that the new political authority had organised a celebration (at the *kafeneion* [café] of Kitsa Tsitiridou) with the participation of the like-minded villagers. The "right-wing" lyre player who dared play – on the request of some villagers present at the time- was insulted and left. A "left-wing" is supposed to have declared that that dance "*was not a feast but had another hidden goal*". It is certain that for the "right-wing" in-

formants the event gained greater importance afterwards after it had been integrated to the interpretative framework of the yet to come events of the civil war at the village.

They managed to at least ridicule the leaving Bulgarian settlers with a gesture of sexual implicature and the phrase “*eat now Belomoria*”, “*here Belomoria, here Belomoria!*” through which they expressed their enthusiasm for the shattering of the dream of the Bulgarian nationalism. The “right-wing” informants characterise the behaviour of the communist leadership as anti-Greek and guided by their empathetic feelings towards their Bulgarian companions (see *Drini* 2009: 147). The latter actually benefited from the political evolutions and left bloodlessly. The Bulgarian occupation has thus ended in the way that it started with the Bulgarians coming and leaving without any casualties, an evolution totally reverse to other cases I have come to know from documents of the “official history”, unpublished studies and oral testimonies. In such more violent cases, for instance, the “folk juries” were assigned the role to pass the Bulgarians from trial and execute the ones found guilty.

The informants remember with great disappointment the most “blood-dripping” Bulgarian policeman’s (Antoni) escape. He was called “*a tyrant*” by one informant since he always ended his speeches with the phrase “*I am the god in this village*” and he escorted his words with the respective deeds. He is said to be related to the events of Doxato at Drama (28.09.1941) where at least 200 innocent people were executed as an act of reprisals (*Kotzageorgi-Zymari* 2002: 203–204). They remember that another one, Kostas, was almost victim of revenge by Giannis Savvides and his father near the main fountain of water of the village but he was rescued from their wild intentions by a fellow villager. His children were crying, as the informant narrated, and he begged for forgiveness. “*Show mercy for the sake of his children!*” was the phrase the fellow villager used in order to appease the two furious Thrylorians. Trying to justify this attack, Giannis Savvides told me that this person (Kostas) had wrongfully accused them to the authorities that they hosted Greek guerrillas at their home. He remembers that the *началник* (Head of the police) himself escorted by cars and other policemen had come from Komotini and surrounded his house. His parents had been arrested and jailed where they remained for interrogation for several days. He himself had been interrogated in his field but he was lucky to have a testimony of innocence by a 15-year-old Bulgarian girl who was a friend of his sister and his family. This girl’s testimony in front of the *началник* that these people had nothing to do with the accusations and that their accuser was not of a good conduct (he was arrested to steal crops from their field) saved the Greek family. All my informants admitted that the Bulgarians were fair and that they imposed a status of equality of rights. Their compatriots that violated the law were also punished in a brutal way (just like the local people).

The sudden withdrawal of the Bulgarians did not allow them to carry the requisitioned agrarian production or part of their goods. The issue set by my “right-wing” informants is how the “left-wing” group in power (those days) handled the collected agrarian production. In this case the “left-wing” informants’ memory has a difficulty to be articulated or refuses to become a narrative speech. *Oblivion* is the other side of memory. It is not a matter of denial of memory (*Van Boeschoten* 2008: 12), but a strategy of cancellation or omission of part of the past. Human beings learn to forget – the psychologists claim – and develop the relevant strategies for particular types of experiences or events (*Madoglou* 2009). Ferro’s declaration that the silence is not history of a lesser degree than the “real” one is quite revealing (1999: 11, 42).

They also remember that many of the leaving settlers wore on their lapel a red sign, a signal of their ideological shift towards the new political ideology of their home country. Maybe they belonged to the group of those who had shown the conquerors' human face during their stay at the village – exactly as powerless subjects in their present situation, – they behaved in an “adjusting” way and thus declared their political similarity to the “left-wing” new leading group with obvious goals.

The arrival of Bulgarian settlers, the “change of use” in the landmarks² of the village

The colonisation of the Greek territories³ is the one side of the policy implemented by the Bulgarian government to alter the ethnic composition of the population of the conquered areas⁴. Such a memory refers to the arrival of some 50–60 families of the Bulgarian settlers to Thrylorio. This event follows the arrival of the authorities mentioned earlier and happened at the end of September 1941.

The owners of the houses had to allot them moving to the houses of other co-villagers with whom they would live together hereon. As the number of the settlers increased, however, the internal dislodgment and people's compression were implemented. In this sense, two and three families (mixed in nationality) had to live in the same house (maybe the compulsory associating with the oppressor is the most tyrannising condition). During the settlers' stay at the village, some villagers had to move house not only once but numerous times. *“The Bulgarians threw us out of our houses <...> They were very hard, they tyrannised us, and they threw us out and moved to our homes themselves. I was the first to suffer this. They took us and led us to Nikolas Tsatlides' house (another villager). I had to live in a single room”*. The successive displacement of the families was interpreted by some informants as a conscious effort on the part of the authorities to prevent the organisation of a likely conspiracy. Moreover, the extensive re-registration of residences and other estates to the settlers was interpreted as an effort to lend a more permanent character to their presence there.

During the occupation only one *kafeneion* (café) was offering services; the one belonging to Kitsa Tsitiridou. A Bulgarian, Baj Petko, appropriated it to himself and the settlers only frequented there. Thrylorians avoided entering this cafeteria (only to buy cigarettes) because, as they explained, its Bulgarian patrons almost every time requested a treating from them, which they could not afford. The settlers in this indirect way suppressed an important public place - a modern agora - where the dialogue and communication are developed and the individualities and the social coherence are enhanced (*Papataxiarchis* 1992; *Meraklis* 2001). This public space is now disorganised, confirms the power of “we”, and constitutes a form of exclusion of the dominated population, a monopoly of those in power, a way of deprivation of a form of everyday entertainment and relaxation.

A similar shop with a wider range of services (grocer's and *kafeneion*), as most similar Greek shops used to be until recently, was left to his owner (Nikolas Kyriakides) because he was handicapped and had a large family. This granting was praised by many informants as a proof of the equality and social justice that the people in power tried to impose on their co-patriots and the enslaved Greeks.

The building of the former village council (it does not exist nowadays because it was demolished by the April 1967 Junta) changed its use. The site and the having two stories building belonged to the agrarian association which granted the right to use the second floor for its offices and the first floor as storehouse to the village council. The Bulgarian authorities changed the use of the first floor and they turned it into a detention house made more spacious by a dark basement. The second floor continued to host all the bureaucracy of the

administration. The police and the army had settled – to an informant – at Nikos Topalides' *kafeneion* (café) at the square of the village where there was another detention house.

Despina Navrozidou's house was turned into an army kitchen. Its owner today recollects intensely her eagerness to taste something from the food prepared in this place those days. She remembers that, along with other small children, she went to this kitchen waiting for some food to be handed to them or they tasted the honey that was boiling "*in a dixie*" with their fingers. The *memory of the senses* of the past (see Seremetaki 1997) and the taste, in particular, is retrieved more easily and is stronger if it was stored in periods of deprivation.

In the domain of education and language the Bulgarian State followed a methodical assimilating policy with the expulsion of the Greek teachers and the appointment or the transfer of Bulgarian ones to staff the schools of the occupied regions (*Kotzageorgi-Zymari* 2002: 85 onwards). The Bulgarian citizens' children and any Greek children that wished so had the right to attend these schools, as happened with the case of Thrylorio. The removed from Bulgaria teachers, who were the ideological gate-keepers of the Bulgarian nationalistic system, propagandised their national culture. The school subjects more directly related to the national identity (language, history, literature, music) were given high priority since they were used to cultivate an anti-Greek spirit and enhance the Bulgarian consciousness to the students (see *Vamvouri* 2004: 654). The school of the village worked within this framework of policy during the Bulgarian occupation period using Bulgarian teachers. The place did not change its use but while in earlier days it formed the Greek consciousness during this period it became the seat of the official Bulgarian propaganda.

The *church* of the village officiated as before during the occupation⁵. It was manned with two priests, a Greek and a Bulgarian one, who celebrated the *mass* together or in turn. The priest of the village Vangelis spoke the Bulgarian language as did the church singer. The settlers and the inhabitants of the village attended the mass and the religious rituals together. The wedding, being the most important event in the "traditional people's" life, is an indelible memory easily retrieved. They remember that a couple that wanted to get married despite their parents' will were not allowed to do so maybe because of the strict relevant collective ethos of the village.

The villagers' economic drain and starvation

The Thrylorians' main money-making activity was agriculture and cattle-raising as a supplement. The cultivated products were mainly wheat, barley, corn, chick-peas, lentils and beans. Immediately after the Bulgarian authorities' arrival, most fields became theirs and their former owners turned into labourers on their own land⁶. It goes without saying that the production reduced dramatically. The local inhabitants had to deliver to the *държава* (State) most of their production of wheat. They were allowed to keep 80 kilos per person for their nutrition and grain for next year's crops. The legumes and corn, which were valuable for the villagers' nutrition, were excluded from this measure. The same applied to animals. Before each slaughter they had to inform the *Obština* (village council) and deliver afterwards the 3/4s of the meat to *държава*. The same procedure was followed for the milk, which should be delivered at a specific place specially prepared for this purpose (at the industrial zone today). Some others say that the villagers had to deliver 2–3 kilos every morning, some others 1 kilo per cow.

The violation of this law rescued them from starvation despite the fact that the Bulgarians or a Greek betrayer from a neighbouring village kept inspecting and the consequences of the "theft" were very heavy. The most usual kinds of practice they followed to escape delivering their products were:

- the clandestine slaughter of a “big” animal usually at night. Panayiotis Nikolaides had slayed a cow secretly. He suffered a good thrashing for this;
- the early pounding of the wheat before its threshing and its harvest. This was a laborious and risky work because there was always the danger to be seen by the patrolling policemen. The latter occasionally waited for the returning home farmers at the entrance of the village to search their carts. The illegal wheat was loaded on the carts stored either in pots or in sacks and covered with grass. In this way they managed to fool the controllers, a fact that is described with a feeling of satisfaction.

The legal threshing of the wheat used to take place in 4 or 5 areas of the site of the village using a Bulgarian threshing machine (*patoza*), the history of which has become well known and remained vividly imprinted in the villagers’ collective memory. In the presence of the Bulgarian check weigher (*katartzis*, from the Turkish word *kantarci*), who weighed the products and took in return (as taxation) “the threshing machine royalty”, that is 10% of each farmer’s harvest. The latter, after deducting their legal part of the harvest, carried the rest to the storehouse of the association to the neighbouring Venna where they were handed the receipt, which, in turn, they had to hand to the *birnik* (secretary of the village council) and thus in a few days receive their compensation in money.

The illegal product was stored in bricked up sofas, in sacks under the bed, in specially formed spaces under the floor, on the roof under a wooden cover, in special hiding places built in their oven or in their storehouse covered with grass or straw. An informant remembers that in a neighbouring to hers house, in the living room, the Greek owners had dug huge potholes in the form of a grave and had stored dozens of kilos of wheat in wooden boxes. It goes without saying, that the success of such practices, to the informants, lies to the courage each head of a family had to show in order to secure the living of his family. Part of this product was milled on the spot, at home, using hand-mills. The largest quantity of the product was carried at night to the water-mill at Gratini or the wind-mill at Fylaka, two neighbouring villages. This arduous task was made easier, however, by the fact that the police were afraid to move outside the borders of the community at night (the time of violation of the law and liminality, see *Palmer 2006*) and move from the socialised space to the “outer” one (the *profane* world of the demons, see *Lagopoulos 2003*).

In this same category of recollections belong the ones that have to do with the Bulgarian authorities’ onslaught at the villagers’ houses to check for qualities of wheat above the permitted weight. These checks were usually taking place unexpectedly at night time so as to unveil a possible violation of the law. The authorities were using pointed canes and checked every part of the house that raised some suspicion to them. The discovered forbidden products were seized and its owner was called to the police where he was usually beaten very heavily or, in some better circumstances, was given some advice. The informants’ memories focus on these extremely stressful moments, turned into centuries, when the intruders were looking for “hidden treasures” which actually existed. “*I lost years of my life once*” a female informant, who was a little girl at the time, narrated. This distress was followed by a relief in the case that their secret had not been revealed and could still be consumed.

The surprise inspection by the administrative authorities was not always successful, however, due to the villagers’ solidarity spirit. The informants remember cases when some of the villagers who were in the village notified the others in the fields that there were patrols at the entrance of the village so as to unload the hidden products somewhere outside

the village. The formation of cooperation relationships within the community constituted a defensive strategy against its enemies (see *Van Boeschoten* 1997: 57, 58), which blunted the inter community oppositions and strengthened its coherence. Such behaviours put to the fore the “heroic joint effort” of the village.

The foods that sustained the population those difficult days was primarily the corn bread, the porridge made of corn flour, the oil made of *simiskas* (the black sunflower seeds brought and first cultivated at the village by the Bulgarians), the legumes, the chicken and pig meat slaughtered at Christmas. The roasted brown lard, the *retselia* (pumpkin or quince immersed in must syrup), the beans, the chick-peas, the milk, the cheese and the wheaten bread for a minority of villagers can also be added to the list. They kneaded the bread and hid it leaving only a few slices on the table out of fear for a surprise entrance of uninvited visitors⁷.

The villagers’ access to food gave them an advantage over the urban population of Komotini. For the informants the word “starvation” is associated in their mind to some women from Komotini who took refuge in the village to buy some flour paying with a handiwork from their trousseau or some other objects. Indeed, the households that need to *buy* their food are more vulnerable when they have to face starvation conditions (*Newman* 2006: 34). It is reported that quite a number of the villagers helped their co-patriots by buying something from what they were bringing to sell in return of food. This attitude, they claim, has been guided by feelings of social solidarity contrary to some others’ behaviour (they do not name them) who tried to exploit these women and evoked their anger (cf. *Drini* 2009: 123); it is indeed a tragic event to try to exchange a sacred family jewel for some kilos of corn flour.

Therefore, if starvation is taken to mean insufficiency of quantity of the food consumed by an individual in relation to the required for survival type and quantity of food (*Newman* 2006: 22), it can be safely claimed that the Thrylorians did not experience starvation in the sense of shortage of food while it would be rather exaggerating to claim that they were deprived of food at a collective level if we take for granted that nobody died because of starvation in Thrylorion at a time when famine had caused the death of almost 300 000 people throughout Greece during the period of winter 1941 until May 1942, 40.000 of whom lived in Athens and Piraeus (*Kavala* 2003: 50, 51). Famine was a problem faced by the settlers as well. Actually, if we referred only to the Thrylorians as far as this issue is concerned we would run the risk of being inconsistent with our data. The memories confirm the repulsive face of war for both sides proving that in such cases the discrimination between conquerors and conquered is *a-typical*. In any case the settlers’ previous economic condition was equally hard, as mentioned below in this study.

Curfew measures

The control and deprivations did not concern only food but also the inhabitants’ obligation to conform to the curfew measures. After sunset (or after 19.00⁸) the soldiers used to patrol and dictated to the inhabitants to remain at home (the informants remember the order «вътре, вътре» (get inside). They were not even allowed to exit for some water from the fountain of the village. The lighting of the houses was also forbidden during the night. To cater for this, the inhabitants invented ways to conceal the faded light of their lamp: “when the Bulgarians were here we did not hang curtains at the windows. We used blankets instead so that light could not be seen by them”, newspapers, black sheets, rugs and anything else they could afford so as to avoid their violation of regulations to be perceptible. If this happened, the arrested were wildly beaten. The night where violation of regulations and “freedom”

flourish can be again traced here and allows the “free besieged” inhabitants of the houses to proceed either with all the activities and forms of sociality that they were used to or with the exercise of violating behaviours that boosted their national identity.

Thrashing

The ill treatment of the Greek population is an easily retrieved experience from the informants’ memory because the inhabitants of Thrylorio were not excluded from this practice, which, as they narrate, was performed any time of the day and on any occasion. The violation of any of the aforementioned regulations, the slightest suspicion that they were giving refuge to Greek guerillas, a look taken to be a sign of “aversion” or contempt towards the invaders, were all excuses for thrashing. The informants actually correlate the word *Bulgarian* with *continuous* and *unjustifiable thrashing*. I sensed that even nowadays, when they were narrating scenes with thrashing, they were moving their shoulders or bringing their hands on their face or their head as a protective shield against an invisible cudgel; the formed into bodies expression of the memory of fear, the infallible body language. The *trauma* inhibits the comprehension of the event while it is taking place (Vidali 1999: 90) but comes bitterer later Despina Navrozidou remembers that her mother passed water due to her fear when she suddenly saw a Bulgarian when she went to bring water from a well. Her horror turned into a nervous breakdown from which the woman did never recover. The psychologists maintain that a traumatic memory is mainly recalled through sensory channels, e.g. images, sounds, scenes connected to the traumatic events associated with unpleasant feelings. Or in dreams; some female informants narrated to me that they dreamt of them during their sleep at night and they were overwhelmed (see Van Boeschoten 2008: 141)⁹.

The reformation of the people was usually done through *bastinado* (foot whipping, *phalagha* in Greek), which caused very serious wounds for the healing of which they used the skins of recently slaughtered animals. The wounded part of the body was covered with the skin of the dead animal, which absorbed the blood and offered a relief from swelling and “blackness”. Many informants remember the case of Charalambos Fotiades whose feet were pricked with a needle to allow the blood to gush. They also remember that the settlers themselves did not avoid being beaten in the case of violation of the law or unfit behaviour.

Forced labour

One of the strategies the new authorities used to oppress the enslaved population was the imposition of various types of forced labour. Every man was obliged to respond positively to the administration’s daily invitation for involuntary work. Thrashing was the punishment for its avoidance. The announcement of the men’s mandatory presence for the execution of works was done by the village crier in the afternoon of the previous day. These works included collection of grass, opening of ditches, carrying of wood from the mountains of Komotini for the needs of the army, widening or construction of roads. Many times the inhabitants had to offer their animals’ labour along with theirs to the Authorities.

The *dourdouvakia* (from the Bulgarian terms *трудова войска* or *трудова войник* – labour battalions or labour soldiers) was exemplary of forced labour, which remained inscribed in the inhabitants’ memory (see Exarchou 2002; Batsioulas 2011). While the aforementioned works were collective and everybody was invited to participate, *dourdouvakia* was of a personal nature; the dispatch of young persons to Bulgaria for forced work as a substitute of their army service to the Bulgarian State. These young people used to work

gratis¹⁰ (from springtime until autumn) under adverse conditions, for many exhaustive hours (construction of roads, railways, etc.), without proper nutrition, being frequently beaten and resting in miserable tents. “*Many young boys*” of the village experienced this horror, to my informants. They remember that the Bulgarians carried them in cars when they took them but they returned on foot, crossing long distances under very miserable conditions. The memory of these events was imprinted very vividly in the everyday speech of the people of Eastern Macedonia and Thrace. The term is used even today as an adverbial predicate of purpose (he was taken as *dourdouvaki*) or manner (he did as was told like a *dourdouvaki*).

The daily routine and the representations of the Bulgarians (positive and negative)

Some aspects of everyday life are usually erased from the folk memory as trivial and unimportant events or as overlapping and repeated ones. In our case, however, when their life suffered an abolishing shift and can be characterized as an entirely different period in their life, the relevant memories come to surface more often. The inhabitants’ cohabitation with the Bulgarians in the house, in the neighbourhood and the village, created a new reality where both parties were invited to live together. In this sense, the daily life comprised activities that lent a tone of entertainment and regularity to the rhythms of life of the totality of the inhabitants of the village.

A pleasant memory is that of the *dances*, to which Bulgarians also participated. It was a happy note to the Greek inhabitants’ miserable reality since they were afforded the chance to reduce a little bit and possibly reverse their hard reality, “to bring the world upside down”, which provided them the courage to continue the rest of their everyday life as enslaved subjects. The common dancing took place at the square of the village, a primarily social space (Meraklis 2011: 42–43), which, under these “irregular” circumstances of the occupation became a space of competition of:

a. *personal and collective feelings*. The harmony and symmetry of every dance is determined by the cultural conditions of each society that performs it. As revealed by the narrations, I conclude that the two different cultural nationalities dance for different things but eventually their common wish for entertainment is projected and sets aside any difference among them momentarily;

b. *personal identities*. There is a latent competition of identities (the ones in power and the ones enslaved), of a subconscious national *We* and the *Others* at a lesser or larger degree. It goes without saying that a certain gender competition among the girls – dancers might also be part of this view;

c. *power relationships*, which are temporarily reversed in the “innocent” cycle of the dance. It is not a coincidence that - to the informants - the Bulgarian girls protested intensely when the Thrylorian ones came to lead the dance. This was actually the only chance for the Greek girls to reverse the roles within permitted limits and this, I deduce, had a relieving effect on them. I remind at this point that in the traditional society the competent leader of the dance was held in high esteem by the society. His/her whole dancing behaviour was an element of self-actualisation and self-confirmation for him/her but also an important criterion for his/her selection by a future husband/wife. *S/he led all the other dancers*. This is the relationship that the young Bulgarians could not tolerate; be degraded to the “second place”. All these mechanisms have a tremendous semiotic load for the persons that suffer and are dominated by others. It is a mechanism of personal resistance and boosting of their “ego”. The dance performed – among others - communication and entertainment functions in the folk culture (Zografou 2003) the specific case included; it functioned inevitably as a means to surpass the relationship between

the conqueror and the conquered ones. It was also a unifying contributor that brought the two strange groups closer and had thus a transnational dimension (*Garaudy*: 214).

An outcome of these daily encounters with the settlers was the acquisition of the Bulgarian language by the local inhabitants. It goes without saying that many Thrylorians had heard this language and had some very basic knowledge of it since half of them originated from Kars, a Russian-speaking area. The Turkish language was another vehicle they could use to communicate. The knowledge of the Greek language by many settlers who came from the Greek villages of the wider area also helped to this direction.

The contacts at an interpersonal level took a wider range of forms; visits by the Bulgarians to the Thrylorians' houses and vice versa, while there were cases when the inhabitants were totally distanced from their Bulgarian neighbour due to fear. The visits were exchanged mainly among married couples who shared the same house or lived in the same neighbourhood. At younger ages the young girls often made friends with Bulgarian ones with their common interest being needle work. The young men watched the sheep together.

To such honest relationships belong the well-intentioned warnings to Greek heads of family by the Bulgarian ones for the aforementioned possible upcoming searches. The memory does not also forget those cases when the good relationships were sealed by some gifts or sweets mainly on the part of the Bulgarians to the Greeks. These were small worthless objects with a rather symbolic value since they were offered (as the informants interpret it) as a sign of gratitude and proof of the well-meaning character of their relationship.

From their "sacred time" they remember the common carol singing at the New Year's Eve; they also remember the modified version of *Surva*, *surva godina* / *vesela godina* / *Mihail Arhangele* / *stani nine stani* / *stani gospodine*. Also, a female informant remembered that they were taught the Lord's Prayer and other religious hymns at school in Bulgarian. Another one had been enchanted by the accordion and its sweet sounds that accompanied the dances at the square.

The competitive relationships are reflected in the games with the skirmishes among the boys being recurrent. The struggle among the older ones passed to the young children as a game that depicts the social reality. It was a matter of national dignity (apart from personal) for the children of Thrylorion to answer back violently to the challenges set by the Bulgarian ones or to be defeated in a competitive game. The latter had actually enhanced the existing national competition.

Bulgarians as the Other. The satire as anti-structure

The socially inferior and filthy Bulgarians

According to the *relief theory* the satire towards the opponent or the *Other* is taken to be an anti-structure since it relieves the persons from the pressures and the prohibitions exercised upon them by the social structure in power. It functions as an institutionalized deviation from the socially accepted norms; it emancipates the persons from any external censorship and imposition (*Sergis* 2005: 189 onwards). The *superiority* is actually based on the satirizing person's feelings of superiority to the *Other*; the enemy-other in specific. The persons represent themselves according to the *self-stereotypes* that they have created and boost their self-identity comparing themselves to the *Other*. Actually, I am what the *Other* is not. In other words, I construct my identity based not only on the positive self-stereotypes but also as it is contrasted to the *Other*.

My informants represent the settlers – Others as poor people, illiterate farmers who arrived at their village on carts drug by oxen. They actually came from southern Bulgaria and the northern villages of Rodopi. Among them there were some families of Greeks from (the village of) Petroussa (county of Drama), who had all been *bulgarised* and were thus rewarded (they had also received some privileges as far as their professional occupation was concerned). They all spoke “*fluently Turkish and Greek*” and nobody could not tell whether they were Greek or Turkish¹¹. This is confirmed by the following narration: “*those who came here were retarded, many had Greek origins and previously inhabited the cliffs around here for a long time but in 1923 with the population exchange they left and went to Bulgaria*». Two inhabitants of Thrylorio and a Bulgarian soldier, Stoiko, went once to sing the Christmas carols with a lyre to collect money for the foreign soldiers. The former remember the filthy looks of the “Bulgarian” houses, the very little money (one *stotinka*) that the Bulgarians gave to the carol singers while the Thrylorians were handing much more (their financial situation taken into consideration) and the curses uttered by the Bulgarian soldier against his fellow countrymen, which are, however, indicative of their low financial level.

The Bulgarians’ *representations* (Papastamos 1995; Katerelos 1996; Moscovici 2000; Mauss 2001; Deaux & Philogène 2001; Sergis 2005) (their *national stereotypes*, in other words, see Puchner 1998) were thus negative. The derogatory characterisations “*gypsies*” (and *katsivelli* in Greek, the men having a *filthy face*) attributed to them correspond to their untidy and unorganised way of living. This is a reference to the *pollution* end (Douglas 2006), of the continuum *purity* (represented by the Thrylorians) vs. *pollution* (of the settlers). One female informant remembers that their women did not wear underwear, urinated upright and smelled very bad. They used the same utensils to “*cook and wash themselves*”. The counterpoints made here are quite clear: the attributed to the Bulgarian women cultural characteristics are opposite to their own cultural system and the female one in general. The cooking utensils were, for instance, a parameter of the female ritual of food preparation and were occasionally attributed a collective dimension with symbolic actions, words, wishes, and body movements. In this sense the utensils received an additional symbolic function. Therefore, the ones used for washing the body cannot be used to cook the food. As well-known, filthiness constitutes an irregularity beyond the social borders, it offends order and its elimination is a positive effort towards the organisation of the environment (Douglas 2006: 30).

Others recall that the settlers had filled the village with fleas and lice and were sleeping with their dirty clothes worn during their work in the fields or the sheep. The condition of houses after their departure was a disheartening one. “*They left only the four walls at their houses*” is one of the characteristic phrases used by the informants. A female Thrylorian – as a representative of the female collective memory – remembers that their shiny wooden floor that her mother used to mop diligently, was now black from the coal of the stove used by its temporary lodgers, and dirty from the dust and the mud purposely brought indoors to put their smudging pans and other cooking utensils on (as we currently use the *sous-plats*). Her following remark is noteworthy: “*when they left my mother dusted, mopped and cleaned the entire house and finally she threw some holy water from the church to chase the Bulgarians’ dirt out of the house*”. Indeed, the faith in the healing and purifying power of the *holy water* is well known and widely spread in the Greek Orthodox world (Varvounis 1992: 96–97). Some other female informants narrated the laborious task of getting rid of the fleas and the lice through the broken windows of their houses. The fleas

and the negatively associated to them lice represent the filthiness in their cultural system having been the tyrants of the people (urban and rural) for centuries. As becomes obvious the social meaning of an event is again confirmed; the women recall easily the events that changed their personal life (*Van Boeschoten* 1997: 214.)

Bloodthirsty Bulgarians and the exceptions to the rule

The characterisations “*barbarians*”, “*bloodthirsty*” and “*worse than the Turks*” refer mostly to the people in power and not the entirety of the settlers. All of them are related to their daily behaviour and the thrashing. The comparison to the “national enemy” (Turks) is quite interesting (see *Millas* 2001). A person identified with the above characterisations is the policeman named Antonis. A rural guard, however, Dimitri, had helped many villagers and covered all their illegal actions. “*A good man despite his Bulgarian origin*”. Savvas, another rural guard, urged a violating the law Thrylorian “*do not allow anyone to see you. I have not seen you and I do not know you*”, Yiannis the shepherd had many times urged them to “*grind wheat*”. Another one, Giorgos, was “very educated” and served as a commander at the Drossini mine where some Thrylorians were working having satisfactory wages. The policeman Svetko was a “*good-hearted man*” and asked for his transfer because he could not tolerate those conditions. Yannis Savvides remembers a relevant story: Giorgis, a sergeant-major, had stayed at the army camp while the other soldiers went out to patrol. He was reading the satirical newspaper *Borba*. One day in 1942, when the Germans had invaded the Soviet Union, he showed to him a sketch in the newspaper. It depicted the Kaiser’s half-opened grave with Kaiser having a stick in his mouth. The conversation was as follows: “Kaiser, come out to see what Hitler is doing! We are marching in Russia!” The answer from the grave was: “Did you conquer Moscow?” meaning that nothing had ended presaging the pitiful end of the Germans’ army expedition.

Under this classification of memories come the ones that have to do with the fool Zlatka, a tall Bulgarian woman who would not allow anyone to pass from her neighbourhood. No-one knew the cause of her madness but all spoke sympathetically for this tragic figure.

When admiration or love abolishes the *Other*

The impressive appearance of some Bulgarian men was often praised by some female informants; many of them were “*handsome men, tall*”. The abolishing power of beauty, of seducing Love, suppresses any sense of limits set by anyone. The cohabitation in the same yard or the same neighbourhood, the entertainment of both national parties in the same dances resulted in the creation of more tight personal relationships. The love rivalries among local and Bulgarian young people for the sweet peep of a young Thrylorian girl, or a legal marriage, even the murder of a Thrylorian woman by a Bulgarian rival who believed that her husband had an affair with her were likely to happen. The latter case refers to K.S. It was sunset, “*at the time of grapes harvest*” (it is amazing how they set the time on the basis of the productive procedure as already mentioned) when she killed her with a gun. A female informant remembers the couplet composed on the occasion of this event and “*authentisises*” the collective memory:

The kirliki, the kirliki and at the edge of the village
The Bulgarian Marta killed Kyriaki

They also remember the wedding (a mixed one) of Aggeliki Afentoulidi with a Bulgarian man. The bride's parental objections were too weak to stop the young people's love. This was indeed a very special event for a monocultural society, such as the Pontian one, with a very intense endogamy. However, the phenomenon of mixed marriages needs to be examined within the political, social and religious context where it takes place. The consciousness of *national diversity* was the most powerful factor against in this case. The family's homogeneity and its reputation were thought to be at stake as revealed by the narrations. However, the man's common religious belief and his gentle personality functioned as compensation and facilitated, as they say, the parents' change of mind. The faith in God and Orthodoxy is the primary element of the Pontian identity, which kept them alive back "home" (Turkey) for centuries when they lived among people of another religion and under harsh conditions. "*They all had great fun in the end*". They narrate that the man was asking the bride to sing the Greek folk song "*we the miserable guerillas*". They lived in the village during the occupation and had a baby but when the settlers left the woman stayed for a short period of time in the village alone. She begged her father to let her go to her husband. *The mixed marriage* reveals the roles of the two sexes quite impressively; which of the two is prepared to change, in which aspects and with which consequences? How would the couple manage the distance between them? The woman should (to the Pontian "family law") follow her husband to his new environment as demanded by the structure of the Pontian family based on viripatrilocality (Sergis 2007: 140). Her father allowed her wishes to come true and gave her his blessings, two oxen, a cart loaded with goods and sent her to her husband. Her parents met her there later, completely adjusted to her new context, and died there under her protection.

These are memories narrated pleasantly mainly by women (apart from the last case above) due to their "spicy events" which have always attracted the folk imagination and aesthetics. They know, however, that these memories constitute a "common secret" known to all villagers and, therefore, its revelation cannot be criticised by anyone. Some of such "spicy" memories cannot be revealed nonetheless (Van Boeschoten 1997: 216). In our case everything could be revealed.

The positive elements of the representations of Bulgarians

All the informants praise the settlers' contribution to the economic development of the village through the introduction of new cultivations unknown to its inhabitants until their arrival, e.g. sugar cane, black sunflower seed, cotton¹² and another species they could not recall its name but only that it was cultivated only for one year and was used as medicine. The sugar cane was sowed in the fertile area of the Marsh and had usually good crops; their plants looked like "forests". They had massive productions, which did not fall within the restrictions and the taxation of other products. The women remember that they used to boil 40-50 kilos of juice in huge square, deep, pans and made their precious *pekmez*.

The informants also recall the machine used to process the sugar cane which was permanently installed in an area close to the cemetery and was worked by Matthews Salpigides. Its function was based on a system of cylinders, a main and two smaller ones. Two oxen, moving clockwise, were turning a piece of wood around that set, in its turn, the iron cylinders into motion. The peeled sugar cane was put between the cylinders and was pressed by the two moving cylinders. In this way its sweet juice was extracted. Its heavy weight or lack of time were the likely reasons that did not allow its carrying to Bulgaria when the settlers returned there in 1944.

Memories of the resistance against Bulgarians

The concept of *resistance* is not restricted only to dynamic actions; resistance is also the everyday ridicule on the ones in power, as aforementioned. I remind that some of its forms are manifested on a daily basis either in a “disguised” in “transliteration” or “behind the scenes” way to Goffman (1990); rumours, derogatory characterisations, pseudo-consensus to the imposed rules, jokes, consumption of forbidden music, other verbal forms of resistance (curses, invectives), or symbolic forms of resistance such as parallel to the official rituals performances that ridicule them (Kiourtsakis 1995: passim).

The issue of the resistance against the Bulgarian power is ranked last in the order of the recalled memories. These memories are actually remembered only after a probing question mainly because my “left-wing” informants (as aforementioned) do not belong to the group of the “violently expatriated” ones during the Civil War. Also, all the “right-wing” ones claim that there was not a dynamic or worth mentioning act of resistance by their co villagers during the Bulgarian occupation. The main excuse for this rather passive reaction is, to them, the fear the inhabitants felt towards the Bulgarians. Another excuse put to the fore by the informants is the Bulgarian regiment in the neighbouring village of Arato, which would instantly suppress any act of resistance. Once more it is confirmed in this case that there are specific limits at the manipulation and the reconstruction of the past, which are set by the particularities of the recalled past but also by the society that retrieves it from their memory.

As acts of resistance, I recorded the participation of 6–7 “left-wing” people in the liberation of Komotini, the supplying with food and medicines of the guerrilla freedom fighters, the offer of work at the quarry of the neighbouring village Drosini from which the guerrillas were provisioned, and the presence of only one man in the active freedom fighting forces “of the mountains” against the Bulgarians, namely, Nikos Papageorgiou (see *Sergis* 2012).

As mentioned earlier, resistance can be performed in a wide range of forms. In this vein, the villagers’ dignified (as the informants characterised it) and moral behaviour during the occupation period despite the fact that they felt the pressure of the ones in power and the settlers to “be Bulgarised” can be recorded as an act of resistance. Only a handful of families actually obeyed to this practice and were Bulgarised during the occupation period. Their names are not mentioned (see *Van Boeschoten* 1997: 215, 216), because the informants do not want to affect still living relatives of theirs. One nonetheless has confessed his deed and attributed it to his desperate need to help his family survive. Everybody, however, agree, that “*we did not have any betrayals. We were splendid*”, none of them had committed an anti-Greek action. Does this unanimous effort on the part of my informants constitute a tendency to beautify their *communitas* and their traditional *habitus*? Is it once more a case of “structural amnesia”? (*Goody* 1968; *Ong* 2005: 64–65).

Some people’s denial to leave their houses, which resulted in their expatriation, can also be taken as a resistance deed to my view. Panayiotis Navrozides, Polykarpos Eleftheriades, Lazaros Eleftheriades suffered such expatriation to the village Kallithea of Rodopi as the informants remember. Other forms of resistance are the conspirational communication among the breaking the law inhabitants, the notifications for the Bulgarian authorities’ searches in the houses or the entrance of the village mentioned earlier, the shaping of cooperation relationships in general within the community, etc., which were all defensive mechanisms against the pressures imposed on them (*Van Boeschoten* 1997: 57, 58).

Conclusion

The aim of this article has been to offer an alternative narration of the past, the Bulgarian occupation in a village of Rodopi in specific, as a case study. As has been shown, the oral history is not the history of the facts but a history of subjectivity since it acknowledges history's true but invisible creators. The oral tradition is the indicator of the "survival" of the events and the behaviours of the collective bodies in the present and it measures the experience of the history (*Asdrachas* 1995: 192), it puts new life into history and widens its horizons (*Thompson* 2000: 53). This study did not aim, as aforementioned, to complement the history or reveal the historical truth but nonetheless it ended to supplement it not as a cold historical narration but via the small details of the daily life which restores the individual person as an active agent in the process of the collective memory formation.

Endnotes

- ¹ A misrepresentation of Belomorie.
- ² The landmarks (physical or man-made) are recognizable spots of a town or a village with a mainly symbolic or commemorative function. They are unbreakably connected to the life of the town, its history, individual and collective memories, the personal memories of its inhabitants, etc. for the term see indicatively, Lynch 1960.
- ³ 10.000 Bulgarians of a relatively high economic status settled in Komotini and an equal number of them in the whole county. See:Black Bible 1945: 29, 77.
- ⁴ See:Black Bible 1945: 28.
- ⁵ The occupied areas of Macedonia and Thrace were divided in two counties, Maroneia (it included Komotini, Alexandroupoli, Didymoticho, Xanthi, Soufli, Ferres) and Drama (it included Drama, Kavala, Serres, Sidirokastro), which were respectively under the administration of the bishopric of Philippoupolis and Neurokopi (See:Kontzageorgi-Zymari 2002: 79).
- ⁶ The economic integration of Eastern Macedonia and Thrace to Bulgaria was one of the conquerors' primary aims. The rich tobacco crops of Drama, the fertile fields of Serres, the richness of the Thracian Sea, the ports of Kavala along with its mines were a temptation for them. See:Kontzageorgi-Zymari 2002: 113, 114.
- ⁷ The inhabitants of Thrylorion also state that they did not want the Bulgarians in their feasts or wedding celebrations because their primary aim was to taste the most official and rich meals of their rituals.
- ⁸ In the beginning of the occupation the circulation was allowed until 22.00 o'clock but later it was restricted to 19:00. See:Chrysochoou 1951: 53, 129; Kontzageorgi-Zymari 2002: 62.
- ⁹ Gadi Benezer spotted 13 signs that warn the researcher for the existence of trauma (in Van Boeschoten 2008: 140).
- ¹⁰ The conditions of work in the labour battalions constitute a violation of the article 52 of the Treaty of Hague (IV, 1907) for the right of the war on land (See:Kontzageorgi-Zymari 2002: 63). Many Greeks died in such battalions (See:Chatzitheodorides 2002: 71).
- ¹¹ Many of the settlers had moved to Bulgaria from Greek areas after the First World War. This was indeed a very interesting repatriation...
- ¹² This is still the main product of the village with an important economic significance.

References

- Asdrachas* 1995 – *Asdrachas Sp.* Historical Depictions. Athens: Themelio (in Greek).
- Ashley* 1990 – Victor Turner and the construction of cultural criticism: between Literature and Anthropology. K.M. Ashley (ed.). Bloomington: Indiana University Press, 1990.
- Batsioulas* 2011 – *Batsioulas D.* Ta dourdouvakia. Thessaloniki: N. & S. Batsioulas, 2011² (in Greek).
- Black Bible 1945 – Black Bible of the Bulgarian crimes in Eastern Macedonia and Western Thrace 1941–1944. A report by the Professors of the universities of Athens and Thessaloniki 1945 (in Greek).

- Bourdieu* 2006 – *Bourdieu P.* The sense of Practice. Athens: Alexandria, 2006 (in Greek).
- Bourke* 2011 – *Bourke J.* Fear: instances from the civilization of the 19th and the 20th centuries (in Greek). Athens: Savallas, 2011.
- Caruth* 1996 – *Caruth C.* Unclaimed experience: Trauma, narrative and History. Baltimore: John Hopkins University, 1996.
- Chatzitheodorides* 2002 – *Chatzitheodorides V.* The occupation of the eastern Macedonia-Thrace (in Greek). Drama: Nomarchiaki Epicheirissi Politistikis & Touristikis Anaptyxis Nomou Dramas, 2002.
- Chrysochoou* 1951 – *Chrysochoou Ath.* The occupation in Macedonia. Book 4o. The Bulgarians in eastern Macedonia and Thrace (in Greek). Thessaloniki, 1951.
- Davoine* 2013 – *Davoine F. & Gaudillière Jean-Max.* History and trauma. Athens: Methexis, 2013.
- Deaux* 2001 – *Deaux K. & Philogène G.* Representations of the social: Bridging theoretical traditions. Oxford: Blackwell Publishers, 2001.
- Drini* 2009 – *Drini N.* Oral History and Folklore. Social memories and oblivion from the period of the Bulgarian occupation (1941–1944) and the civil-war (1946–47) at New-Sidirochori of Rodopi (in Greek). Komotini: Dimos Komotinis, 2009.
- Douglas* 2006 – *Douglas M.* Purity and danger. An analysis of the concepts of pollution and taboo (in Greek). Athens: Polytron, 2006.
- Eriksen* 2007 – *Eriksen T. H.* Small places, large issues. An introduction to Social and Cultural Anthropology (in Greek). Athens: Kritiki, 2007.
- Ethniko* 2010 – The collective fears in history (in Greek). I.E. Ethniko (ed.). Athens 2010.
- Exarchou* 2002 – *Exarchou Th.* Xanthi 1941–44. The hostages of Bulgaria. An initial systemic approach (in Greek). Xanthi: Politistiko, Anaptyxiako Kentro Thrakis, 2002.
- Ferro* 1999 – *Ferro M.* The History under probation. Science and consciousness of History (in Greek). Athens: Nissides, 1999.
- Garaudy* (undated) – *Garaudy R.* The dance in life (in Greek). Athens: Hiridanos.
- Gefou* 2006 – *Gefou D.* Conceptualisations of the Self and the Other. D. Gefou (ed.). The Self and the “Other”: Conceptualisations, identities and practices in Greece and Chyprus (in Greek). Athens: Gutenberg, 2006. Pp. 15–110.
- Goffman* 1990 – *Goffman Er.* The presentation of self in everyday life. London: Penguin Books, 1990.
- Goody* 1968 – *Goody J., Watt I.* The consequences of literacy. J. Goody (ed.). Literacy in traditional societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Pp. 27–84.
- Grigoriou* 1953 – *Grigoriou E.* Greeks and Bulgarians (in Greek). Thessaloniki, 1953.
- Gennep* 1909/1960 – *Gennep van A.* Les rites de passage. Étude systématique des rites. Paris: Éditions A.J. Picard, 1909. (English edition : The rites of passage. Chicago: University of Chicago Press, 1960).
- Halbwachs* 1925 – *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Albin Michel, 1925.
- Halbwachs* 1997 – *Halbwachs, M.* La memoire collective, ed. Gérard Namer. Paris: Presses Universitaires de France, 1997.
- Katerelos* 1996 – The dynamics of the social representations (in Greek). Katerelos G. (ed.). Athens: Odysseas, 1996.
- Kavala* 2003 – *Kavala M.* Famine and survival. The confrontation of the deprivations in the occupied Greece. History of the Modern Hellenism 1770–2000. Athens: Ellinika Grammata, 2003. Vol. 8 (in Greek). Pp. 107–110.
- Kiourtsakis* 1995 – *Kiourtsakis G.* The carnival and the Karayiozis. The roots and transformations of the folk laughter (in Greek). Athens: Kedros, 1995.
- Kokkinos* 2010 – The trauma and the memory practices. Indicative views of the symbolic wars for the History and the memory (in Greek). Kokkinos, G., Lemonidou, Elli, Agtsides V. (eds.). Athens: Taxideftis, 2010.
- Kontzageorgi-Zymari* 2002 – *Kontzageorgi-Zymari X.* The Bulgarian occupation in eastern Macedonia and Thrace. Status quo, parameters, consequences (in Greek). Thessaloniki: Idryma Meleton Chersonissou Aimou – Paratirites, 2002.
- Lagopoulos* 2003 – *Lagopoulos A. Ph.* The heaven above earth (in Greek). Athens: Odysseas, 2003.

- Lynch* 1960 – *Lynch, K.* The image of the city, Cambridge: MIT Press, 1960.
- Mc Dougall* 2006 – *Mc Dougall W.* An introduction to Social Psychology. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Madoglou* 2005 – *Madoglou A.* Memories. Personal, collective, historical (in Greek). Athens: El-linika Grammata, 2005.
- Madoglou* 2009 – *Madoglou A.* Stratégies de representations internes et externes de mémoire et d'oubli, Bulletin de Psychologie 62 (2009). Pp. 515–531.
- Maisonneuve* 2001 – *Maisonneuve J.* Introduction to psychosociology (in Greek). Athens: Typotheito – G. Dardanos, 2001.
- Mauss* 2001 – *Mauss M.* Emil Durkheim. Primitive klassifikation forms. A contribution to the study of collective representations (in Greek). Athens: Gutenberg, 2001.
- Meraklis* 2001 – *Meraklis M.* Modern Greek folk life (in Greek). Athens: A. Livanis, 2001.
- Meraklis* 2011 – *Meraklis M.* Greek Folklore. Social organization, customs and mores, folk art (in Greek). Athens: Kardamitsa, 2011.
- Millas* 2001 – *Millas H.* Depictions of Greek and Turkish. School books, historiography, literature and national stereotypes (in Greek). Athens: Alexandria, 2001.
- Moscovici* 2000 – *Moscovici S.* Social representations. Explorations in social psychology. G. Duveen (ed.). Cambridge: Polity Press, 2000.
- Newman* 2006 – *Newman L.* Famine in History. Shortage of food, poverty and deprivation (in Greek). Athens: Polytrpon, 2006.
- Nitsiakos* 2003 – *Nitsiakos V.* Constructing the space and time (in Greek). Athens: Odysseas, 2003.
- Ong* 2005 – *Ong W.* Oral speech and literacy (in Greek). Herakleion: Panepistimiakes Ekdoseis Kritis, 2005
- Palmer* 2006 – *Palmer B.* Cultures of night. Nocturne tours in the stories of deviation from the Middle Ages until today (in Greek). Athens: Savvalas, 2006.
- Papastamos* 1995 – Contemporary research in Social Psychology. Social representations (in Greek). Papastamos S., Madoglou A. (eds.). Athens: Odysseas, 1995.
- Papataxiarchis* 1992 – *Papataxiarchis Efth.* The world of the coffee-shop. Identity and exchange in the male feasts (in Greek). Efth. Papataxiarchis, Th. Paradellis (eds.). Identities and gender in Modern Greece. Anthropological approaches (in Greek). Athens: Kastaniotis – Panepistimio Aegeou, 1992.
- Paradellis* 1999 – *Paradellis Th.* An Anthropology of memory. R. Benveniste, Th. Paradellis (eds.). Routes and places of memory. Historical and Anthropological approaches (in Greek). Athens: Alexandria, 1999. Pp. 27–58.
- Puchner* 1998 – *Puchner W.* Greeks in southern Slav funny narrations. A contribution to the folklore investigation of the national stereotypes (in Greek). Laographia 38 (1998). Pp. 65–71.
- Robin* 2010 – *Robin C.* Fear. The history of a political idea (in Greek). Athens: Alexandria, 2010.
- Roth* 2011 – *Roth M.* Memory, trauma and History. Essays on living with the past. New York, Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2011.
- Seremetaki* 1997 – *Seremetaki K.N.* Repatriation of senses. Perception and memory as material culture in modern times (in Greek). Athens: Nea Synora – A. A. Livanis, 1997.
- Sergis* 2005 – *Sergis M.* Satirical names as views of otherness in ancient and modern Greece (in Greek). Athens: Antonis Anagnostou, 2005.
- Sergis* 2006 – *Sergis M.* The restoration of the refugees in Western Thrace (1923–1930): « scenes » from the settlement of Pontians at Thrylorio Of Komotini. M.G. Varvounis (ed.). Thrace, A historical and folklore approach to its folk culture (in Greek). Athens: Alithia, 2006. Pp. 311–344.
- Sergis* 2007 – *Sergis M.* Rites of passage in Minor Asia Pontus (mid-19th century – 1922): birth, marriage, death (in Greek). Athens : Herodotos, 2007.
- Sergis* 2008a – *Sergis M.* A Pontian village cannot bear a foreign name: conceptions, false etymology and historical interpretation of the place name of a Pontian village of Rodopi. M. Sergis (ed.). Pontos, Folklore issues of the Pontian Hellenism (in Greek). Athens: Alitheia, 2008. Pp. 373–389.
- Sergis* 2008b – *Sergis M.* Sa tafia: a commemorative ritual at Thrylorio of Rodopi. G. Papazoglou (ed.).

- Eastern Macedonia – Thrace. Folklore itinerary (in Greek). Komotini: Prefecture of Eastern Macedonia – Thrace, 2008. Pp. 130–135.
- Sergis* 2010 – *Sergis M.* The “adventure” of a local identity: Real and symbolic competitions in a Pontian village of Rodopi (1923–1970). Iak. Aktsoglou, Ev. Thomadaki, G. Salakides, M. Sergis (eds.). Ephplia. Volume in honour of the decade of the Department of Language, Literature and Culture of the Black Sea Countries, Democritus University (in Greek). Thessaloniki: Kyriakides Bros, 2010. Pp. 249–269.
- Sergis* 2011 – *Sergis M.* The rivers swept us away when these anti-Christians arrived: Epirus women’s recollections of the civil war in Sotiris Dimitriou’s work *Like the little water*. Erytheia, 32 (2011). Pp. 409–436.
- Sergis* 2012 – *Sergis M.* The divided social memory of the Greek civil war in a village of Rodopi (Western Thrace). Erytheia, 33 (2012). Pp. 265–298.
- Thanopoulou* 2000 – *Thanopoulou, M.* The oral memory of war. An investigation of the collective memory of the 2nd World War among the survivals of a village of Lefkada (in Greek). Athens: E.K.K.E., 2000.
- Thanopoulou* 2002 – Views of oral history in Greece (in Greek). Thanopoulou, M., Boutzouvi A. (eds.). Athens: Ethniko Kentro Koinonikon Erevnon, 2002.
- Thompson* 2000 – *Thompson P.* The voice of the past: Oral History. Oxford: Oxford University Press, 2000³.
- Turner* 1967 – *Turner V.* The forest of symbols: aspects of Ndembu ritual. Ithaca. New York: Cornell University Press, 1967.
- Turner* 1974 – *Turner V.* Dramas, fields and metaphors: Symbolic Action in Human Society, Ithaca: Cornell University Press, 1974.
- Turner* 1995 – *Turner V.* The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. New York: Walter de Gruyter, 1995.
- Vamvouri* 2004 – *Vamvouri Chr., Tsekou A.* The third occupation of Kavala by the Bulgarians. The political and military measures and the educational policy they implemented. Proceedings of the A’ International Conference of Balkan Historical Studies: Kavala and the Balkans. From the antiquity until today (in Greek). Kavala: Istoriko kai Logotechniko Archeio Kavalas, 2004. Vol. 2. Pp. 651–663.
- Van Boeschoten* 1997 – *Van Boeschoten R.* Upside down years. Collective memory and history at Ziaka, Grevena (1900-1950) (in Greek). Athens: Plethron, 1997.
- Van Boeschoten* 1998 – *Van Boeschoten R.* We suffered a lot my little girl ... (in Greek). Athens: Plethron, 1998.
- Van Boeschoten* 2008a – Memory and oblivion of the Greek civil war (in Greek). Van Boeschoten R., Verveniotti T., Voutyra Eft., Dalkavoukis V., Bada K. (eds.). Thessaloniki: Epikentro, 2008.
- Van Boeschoten* 2008b – *Van Boeschoten R.* Memories, traumas and meta-memory: the “abduction of children” and the management of the past (in Greek). Van Boeschoten R., Verveniotti T., Voutyra Eft., Dalkavoukis V., Bada K. (eds.). Memory and oblivion of the Greek civil war (in Greek). Thessaloniki: Epikentro, 2008. Pp. 131–147.
- Varvounis* 1992 – *Varvounis M.* Folk worship and folk religious behavior of the inhabitants of Samos (in Greek). Athens: Pnevmatiko Idryma Samou “Nikolaos Dimitriou”, 1992.
- Vidali* 1999 – *Vidali A.* History, memory, silence. ed. R. Benveniste, Th. Paradellis. Routes and places of memory. Historical and Anthropological approaches (in Greek). Athens: Alexandria, 1999. Pp. 89–113.
- Voglis* 2008 – *Voglis P.* Memories of the 1940’s as an object of historical analysis: Methodological proposals (in Greek). Van Boeschoten R., Verveniotti T., Voutyra Eft., Dalkavoukis V. (eds.). Memories and oblivion of the Greek civil war (in Greek). Thessaloniki: Epikentro, 2008. Pp. 61–80.
- Zografou* 2002 – *Zografou M.* The dance in Greek tradition (in Greek). Athens: Artwork, 2002.

Манолис Г. Сергис Воспоминания и забвение: оккупированная деревня в Родопях (Западная Фракия, Греция, 1941–1944).

В статье рассматриваются истории, сохранившиеся в памяти жителей одного из селений в Родопском округе (Западная Фракия, Греция), о болгарской оккупации 1941–1944 гг. В качестве исследовательского метода были использованы устные истории, рассказанные пережившими оккупацию респондентами.

Данные, полученные на начальном этапе исследований в ходе свободных интервью, дали возможность определить основные «стержневые» мотивы, связанные с происходившими событиями и переживаниями людей в годы оккупации, оставившие глубокий след в их памяти. Таким образом, были выявлены следующие мотивы: первый и последний день присутствия болгарского оккупационного начальства; появление болгарских поселенцев в селении; появление новой топонимики для значимых мест селения и местности; постепенное разорение хозяйства и голод; ограничение передвижения для местного населения; частые издевательства, избиения и т.д., которым подвергалось местное население; принудительные работы; сцены из повседневной жизни местного населения и болгарских поселенцев; образ болгар (положительный или отрицательный) и воспоминания о борьбе местных сопротивленцев против оккупантов.

Вышеприведенные мотивы стали предметом основной части исследования, в процессе работы над которой, в качестве исследовательского метода использовались жестко структурированными интервью.

В нашем исследовании мы не ставили перед собой цель восполнить пробелы в исторической науке, или пролить свет на историческую правду, а дать сухому официально-историческому рассказу другое измерение, которое заключено в повседневной жизни, в личностных чувствах и переживаниях оставшихся в памяти наших респондентов, которые в конечном итоге формировали коллективную память.

Ключевые слова: *память (индивидуальная, социальная, «историчность» памяти, травматическая память), устная история, страх, liminality, communitas*,² Фракия, Греция, болгарская оккупация.*

* Не даем перевода этих двух терминов, поскольку подобрать для них однозначные русские эквиваленты невозможно, а создавать неуклюжие кальки («коммунитас», «лиминальность»), коими наш понятийный аппарат уже основательно засорен, не считаем нужным. Впрочем, это, уже сделали (см.: В. Тёрнер. Символ и ритуал. М., 1983). О смысле данных понятий можно прочитать в книге самого Тёрнера (правильно именно Тёрнер, а не Тэрнер), приведенной в списке литературы, – *Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. В контексте проблематики, исследуемой в публикуемой статье Манолиса Сергиса, *communitas* можно перевести как «солидарность», «взаимопомощь» и т. п., а *liminality* – как некое неустойчивое состояние внутриобщинных отношений и норм поведения людей в переходный период адаптации к условиям иностранной оккупации. Выражаем признательность А.Л. Елфимову за помощь в разъяснении этого вопроса. – Прим. ред.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 93/99; 28

© Т.С. Каландаров

К ПРОБЛЕМЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСЛАМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В статье рассматриваются сложности, с которыми сталкивались этнографы и антропологи в процессе изучения ислама в Средней Азии на протяжении XX – начала XXI века. Автор анализирует особенности исследования ислама под давлением научной цензуры и идеологических установок советского периода, закрытости локальных сообществ, в т. ч. академических, а также в постоянно меняющихся социально-политических условиях и ситуации нарастающего влияния наиболее реакционных/радикальных направлений ислама. В статье рассмотрены особенности работы с информантами и с современными представителями исламского духовенства, а также их отношение к антропологам.

Ключевые слова: антропология религии, Средняя Азия, научная цензура, ислам, радикальный ислам

Этносоциальные и политические процессы, происходящие сегодня на территории Средней Азии, привлекают пристальное внимание самого широкого круга специалистов: антропологов, религиоведов, социологов и политологов. Особое место в исследовании данного региона занимают вопросы изучения ислама, истории его развития и современного состояния. При этом трудности изучения ислама, его многочисленных течений и проявлений, многоплановость трактовок различных постулатов исламской веры всегда создавали и продолжают создавать сложные условия для исследователей, занимающихся вопросами религии в Средней Азии. Среди наиболее очевидных препятствий, существовавших на протяжении всей истории науки, можно назвать незнание языка изучаемого народа и региона, закрытость мусульманских движений, течений, братств и организаций для не мусульман, в особенности тех, кого потенциально обратить в ислам не представляется возможным, научная цензура, ограничения, накладываемые академическими журналами на темы статей принимаемых к публикации, конъюнктурные требования грантодающих организаций, закрытость местного академического сообщества и т.д. Именно этим вопросам и будет посвящена данная статья.

Хронологические рамки статьи охватывают период с середины XX века до настоящего времени, как временной промежуток, во время которого были достигнуты значительные успехи в изучении ислама советскими и современными исследователями. В хронологической ретроспективе будут проанализированы особенности ис-

Каландаров Тохир Сафарбекович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: tohir_s70@mail.ru.

следования ислама советскими учеными, интерпретации ими отдельных явлений, элементов культа и повседневных религиозных практик под давлением научной цензуры и советской политико-религиозной пропаганды. Отдельное внимание будет уделено современному этапу в изучении ислама в условиях постоянно меняющихся социально-политических условий и нарастающего влияния наиболее реакционных/радикальных направлений ислама.

Сразу оговорюсь, что в данной статье я использую современный терминологический аппарат. Естественно, в лексиконе советских специалистов не было таких терминов, как «антропологические исследования», «антропология религии», «медицинская антропология», «радикальный ислам» и аналогичных им. Тем не менее, я считаю использование современных терминов уместным, т.к. они точнее отражают наше понимание и суть тех явлений, о которых пойдет речь в статье.

В ходе своей работы я неоднократно сталкивался с вопросом о сложностях изучения советскими антропологами/этнографами ислама в Средней Азии в условиях жестких идеологических рамок и предвзятого отношения к вопросам исследования религии в Советском Союзе. В представлении партийно-государственных лидеров СССР строители коммунизма должны быть тотальными атеистами, и любое религиозное воззрение (не важно, христианство, ислам, буддизм, иудаизм, шаманизм и т.д.) могло стать препятствием в этом деле. Главным центром антропологического изучения народов Советского Союза являлся Институт этнографии Академии наук СССР, в котором одним из ведущих подразделений был Отдел Средней Азии и Казахстана. Он был образован в 1944 г. В этом отделе работали такие крупные специалисты по изучению религии народов Средней Азии, как В.Н. Басилов, Б.Х. Кармышева, Л.Ф. Моногарова, Г.П. Снесарев, О.А. Сухарева, С.П. Толстов. Помимо головного союзного этнографического института во всех пяти республиках Средней Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркмения) имелись свои центры по антропологическому изучению религии местного населения. В Казахстане работали известные ученые Р. Мустафина и А. Толеубаев, в Киргизии – С.М. Абрамзон, Т.Л. Баялиева, в Туркмении – С. Демидов, А. Джикиев, А. Оразов, в Таджикистане – М.С. Андреев, Н. Бабаева, О. Муродов, А.К. Писарчик, А.А. Семёнов, З. Юсуфбекова, в Узбекистане – Х. Есбергенов, К. Тайжанов, Т. Ташбаева, К. Шаниязов и др.

В 1980-е годы С.В. Чешко в главном этнографическом журнале Советского Союза – «Советской этнографии» уже анализировал работы своих коллег-советологов о национальных отношениях в Средней Азии, в том числе, и их исламоведческих работ (Чешко 1987: 141–149). Однако с тех пор вследствие развала Советского Союза коренным образом изменилась социально-политическая обстановка в регионе. На смену жестким идеологическим рамкам пришла относительная свобода тематики исследований, изменились и условия проведения полевой научной работы.

В качестве материала для данной статьи я выбрал работы двух ведущих специалистов из Москвы – В.Н. Басилова (1937–1998) и Г.П. Снесарева (1910–1989) и двух ученых из среднеазиатских республик – Т. Дж. Баялиевой и М.С. Андреева (1873–1948). Безусловно, мой выбор в определенной мере носит субъективный характер, но я полагаю, что эти антропологи/этнографы являются наиболее цитируемыми авторами среди советских специалистов по Средней Азии. Если про Г.П. Снесарева считают, что он рефлексировал на тему полевой работы (Алымов 2013: 69; Чвырь 2012: 24–30), то В.Н. Басилов полевик от Бога, который в своей полевой работе не ограничился отнюдь

только Средней Азией. Сразу оговорюсь, что задачей этой статьи не является историографический анализ полного комплекса работ указанных ученых. В качестве предмета детального анализа я выбрал их основные труды, которые с одной стороны являются наиболее значимыми работами по тому или иному направлению (народу), а с другой наиболее ярко отражают политический и идеологический контекст, в котором авторы проводили свои исследования и готовили работы к публикации.

Понимая особенности идеологической ситуации, эти исследователи пытались обезопасить от жесткой цензуры готовившиеся ими к изданию статьи и книги, максимально камуфлирую названия своих публикаций с использованием терминологического аппарата, одобренного академической цензурой. Одним из наиболее распространенных приемов, в частности при изучении повседневной жизни мусульман Средней Азии, было навешивание всевозможных ярлыков. Практически все ежедневные практики и ритуалы «превращались» в «домусульманские практики», «пережитки», «рудименты», «шаманство» и т. д.

Партийно-государственная идеология требовала, чтобы ученые-этнографы в своих исследованиях «пришли к выводу» о переходе среднеазиатских народов от религиозных воззрений к атеистическим. Именно поэтому появлялись такие работы, как статья Г.П. Снесарева «Процесс отхода от религиозных традиций у сельского населения Узбекистана (опыт этнографического исследования)» (Снесарев 1964: 67–70). В аналогичной стилистике М.С. Андреев пишет в предисловии к своей книге «Таджики долины Хуф»: «В новый советский быт таджиков и, в частности, памирцев, из старого быта народа вошли самые лучшие традиции и обычаи. Однако наряду с этим сохранились еще в качестве пережитков отдельные вредные верования, представления и обряды, с которыми нам необходимо бороться» (Андреев 1953: 10). О такой же борьбе, но уже в Киргизии вынуждена была писать и Т. Баялиева: «Все отсталые национальные традиции, а тем более религиозные пережитки, должны быть изжиты как мешающие полному социалистическому преобразованию быта и идеологии. В погребальных и поминальных обрядах следует изжить религиозно-магические элементы, а также очистить их от всего, что превращает такие обряды в тяжелое материальное бремя» (Баялиева 1981: 93). Об этих же традициях, но еще не в таком «воинственном» тоне, она написала в своей другой работе (Баялиева 1972: 90–93).

Ученые понимали, что цензоры не всегда успевают или утруждают себя прочтением всей работы, чаще всего они ограничивались прочтением только введения и заключения монографии. В связи с этим именно вводная и заключительная части были максимально нагружены идеологически «правильными» тезисами, теориями и выдержками касательно марксистско-ленинского подхода. Зачастую в заключении авторы писали о том, что в рассматриваемый период религия играет все меньшую роль в жизни простых советских людей, и к моменту проведения исследования остались лишь отдельные пережитки исламских воззрений. Г.П. Снесарев придерживаясь этого подхода в конце своей монографии пишет: «В результате коренных изменений, происшедших в жизни народов Средней Азии за советский период их истории, как официальная религия – ислам, так и реликты домусульманских верований, и в сочетании с ним и самостоятельно, быстро теряли свое бывшее значение» (Снесарев 1969: 336; Ср.: Снесарев 1983: 210–211). Примерно в таком же контексте В.Н. Басилов заканчивает свою книгу о культе святых. Он пишет: «Утвердить материалистическое мировоззрение в умах верующих сразу невозможно, поэтому для практики ате-

истического воспитания нужно иметь четкое представление о том, какие верования уходят быстрее и какие более живучи» (Басилов 1970: 143).

Ученые-антропологи много работали с информантами – городскими и сельскими жителями разных профессий и разного возраста, то есть их интересовал, прежде всего, «живой нарратив». Поэтому для исследователей, особенно для тех, кто вел работу в одной местности на протяжении нескольких лет, было важно предугадать возможные последствия для самих информантов. Любой мелкий или крупный чиновник из Главного управления по делам литературы и издательств, а именно оно до 1991 г. осуществляло цензуру печатных изданий в СССР, мог придаться к рассказам информантов и при желании найти в них «государственную тайну» или антисоветский подтекст.

Ученые нашли мудрое решение для выхода из таких ситуаций. Зачастую они указывали только имена информантов, находящихся в старшей возрастной категории, т.е. тех, чей возраст был старше 70 лет. Вероятность того, что их смогут привлечь к ответственности за якобы «неправильную» информацию, была минимальной. Автор всегда мог сослаться на преклонный возраст своего информанта, и это могло служить оправданием и даже спасением и для самого автора, и для его информанта. Нередко ученые ссылались на безграмотность своих информантов (Андреев 1953: 191). В глазах правоохранительных и других органов власти такие люди представляли наименьшую опасность. Иногда авторы в своих исследованиях, повествуя о важных религиозных церемониях, говорили от имени информантов, но не уточняли имя конкретного человека. Разумеется, исследователи сами нередко присутствовали на религиозных церемониях и обрядах, но, опасаясь признаться в том, что они были их участниками, вынуждены были скрывать такие факты. Так, например, читаем у М.С. Андреева: «Халифа его (чирог-нома, специальный трактат – Т.К.) читает по имеющейся у него книжечке (самому, мне, к сожалению, видеть ее не удалось), которая также называется “чирог-нома”» (Андреев 1953: 197).

Данные исследователи, даже если они были свидетелями исламских обрядов или же знали об их бытовании в настоящее время, старались рассказывать о них в прошедшем времени, как будто эти обряды совершались задолго до публикации работ.

Как правило, благодарность за сотрудничество информантам ученые выражали в предисловии к своим научным трудам. Читаем у Г.П. Снесарева: «Обобщая большой этнографический материал, собранный за восемь лет полевых работ, автор выражает глубокую благодарность жителям различных районов Хорезма, лицам разных возрастов и профессий, которые щедро снабдили автора исключительно ценными сведениями» (Снесарев 1969: 22). Что касается ссылок на своих информантов, то авторы в основном обезличивали их, опять же, скорее ради безопасности своих информантов (Снесарев 1969: 27, 32, 45, 50, 55, 67, 68, 69, 77 и т.д.).

Изучение религии любого народа является чрезвычайно сложной задачей для исследователей, поскольку затрагивает сакральную сторону повседневной жизни изучаемой группы. Это всегда взгляд «чужака» в «сокровенную глубину» изучаемых. Изучаемые люди, а иногда и информанты не всегда верят, что ученый, проводя тщательные расспросы среди населения касательного того или иного религиозного обряда, на самом деле преследует исключительно исследовательские цели. В исследователе простые люди иногда видят кого угодно, но не исследователя. «С первой минуты появления в Ошобе (кишлак в Таджикистане – Т.К.) меня самого изучали, разглядывали, во мне видели того, кем я не мог себя и вообразить» – пишет С.Н. Аба-

шин (Абашиин 2015: 674). Вспоминается случай, когда в 1996 г. в одном отдаленном кишлаке долины р. Шахдары на Памире, после интервью с информантом – 80-летним стариком на безобидную тему «святые места», я поехал домой. Через день мой информант отправил своего человека к моему отцу с просьбой о том, чтобы я не публиковал его слова, так как он опасался возможных неприятностей с госорганами. В памяти моего информанта еще сохранились страшные годы сталинских репрессий.

После распада СССР и образования независимых среднеазиатских республик религиозная ситуация там кардинальным образом изменилась. Фактически запрет на вероисповедание в советские годы сменился всплеском интереса к исламу и последующему возрождению многих мусульманских практик. В некоторых республиках Средней Азии возникли новые религиозные течения.

Если характерной чертой социалистического общества являлось «господство научно-материалистического, атеистического мировоззрения» (Саидбаев 1984: 3), то в нынешних условиях, отличительной чертой среднеазиатского общества можно считать господство религиозного мировоззрения. Именно поэтому в последние два десятилетия после парада независимости наблюдается всплеск научного интереса к исламу в Средней Азии.

За последние десятилетия вышел ряд обстоятельных антропологических работ, в которых анализируются проблемы ислама в регионе. Это работы С. Абашиина (Абашиин 2015), Ш. Акинер (Akiner 2003: 235–248), Б. Бабаджанова (Бабаджанов 2011: 191–213), Ф. Блисса (Bliss 2006), С. Дудойгнона (Dudoignon 2011: 53–80), Н. Зотовой (Зотова 2012: 51–67), Х. Кикута (Kikuta 2011: 63–78), А. Малашенко (Малашенко 2006), О. Мاستибекова (Mastibekov 2014), Дж. Расанаягам (Rasanayagam 2011), Р. Рахимова (Рахимов 2007), М. Резван (Резван 2011), М. Ривс (Reeves 2014), Я. Рои (Ro'i 2000), А. Халида (Khalid 2007), К. Харрис (Harris 2006) и др.

Сегодня антропологи, занимающиеся исламом в регионе, сталкиваются с тем, что ислам все больше приобретает политический характер. Таким образом, ислам уходит из поля зрения антропологов и религиоведов и переходит в компетенцию политологов. Нынешняя ситуация в арабских и других странах, демонстрирует, что осознанно или неосознанно ислам в этих странах воспринимается как единственный метод политической борьбы. Антропологов всегда интересовало разнообразие в исламском обществе с его различными ритуалами, культами, взаимоотношениями и т.д. Что же касается политического ислама, то он, как мы видим, не терпит никакого плюрализма. Чем радикальнее группа, тем более сильные позиции она имеет в политической борьбе. Радикальные группировки, запрещенные ныне в среднеазиатских республиках, явно подчеркивают их политизированный характер. Изучение радикальных групп становится все более и более сложным, а для моих западных коллег иногда даже опасным для жизни. Эти группы в лице каждого исследователя видят идеологического врага или шпиона. Помимо всего этого эти группы живут очень замкнуто и стараются не общаться с внешними наблюдателями или журналистами (для них антропологи – это журналисты).

Ислам в Средней Азии принимает форму борьбы за «чистоту религии». Собственно течение салафия призывает возвратиться к истокам ислама. В какой-то мере салафиты играют роль законодателей моды в исламском мире в указанном регионе. Идет процесс «паспортизации» мусульман Средней Азии со стороны салафитов – они определяют, кто является «правильным» мусульманином, а кто нет. Легитимизация духовности в ре-

гионе все больше зависит от визуальности ритуалов и обрядов. Другими словами внешняя сторона обряда становится важнее, нежели духовная/внутренняя сторона.

Еще в 1980-е годы В.Н. Басилов писал: «Традиции шаманства сохраняются среди таджиков и узбеков. Здесь оно издавна отличалось большим разнообразием. У шаманов и шаманок разные духи-помощники, неодинаковые приемы гадания и лечения. Вместо бубна (а то и наряду с ним) употребляются как ритуальные предметы плеть, сито, деревянная разливательная ложка, посох, зеркало, чаша с водой» (Басилов 1984: 206). Эта сторона жизни мусульман могла бы быть интересна антропологам, однако противостояние «традиционалистов» и «реформаторов» ислама, а также их взаимная вражда, скорее, пугают моих коллег-исследователей, нежели возбуждают в них интерес. В изучении этих процессов ученым очень сложно дистанцироваться от происходящего и не навлечь на себя немилость одной из противоборствующих сторон. Сегодня сотрудничество и терпимость между официальными исламскими служителями культа и шаманами, суфиями и т.д. практически утрачены.

В.Н. Басилов в свое время писал, что «мусульманское духовенство не только признавало шаманство допустимой формой ритуальных действий, но и широко использовало сами богатые традиции шаманства. Некоторые духовные лица приписывали себе обладание духами-помощниками и применяли в своей лечебной практике шаманские приемы» (Басилов 1992: 282). Сегодня уровень толерантности снижается не только к шаманам и суфиям, но и к шиитам двенадцатникам. Напомню, что в 2012 г. в Таджикистане было принято решение о закрытии одной из мечетей именно потому, что, по словам официальных представителей муфтията республики, в мечети якобы проводились шиитские религиозные обряды¹.

Несмотря на значительное количество отличных академических работ, посвященных вопросам ислама, современные исламские богословы в регионе не уделяют должного внимания научным публикациям по исламоведению. Основная причина заключается даже не в языковом барьере (хотя это существенная преграда (об этом ниже), ведь первые пишут главным образом на русском и английском, а вторые – на местных языках и арабском), а, скорее, в методологических подходах к теме. Местные улемы более сосредоточены на идее спасительного характера (в день Страшного суда) того или иного течения в исламе. Они игнорируют работы тех авторов, которые не ставят своей целью доказать правдивость и истинность какого-либо течения в регионе. Понятно, что антропологи не могут ставить перед собой такие задачи. Все это приводит к невозможности дискуссии между учеными и служителями культа. По степени влияния на общественное мнение мусульман Средней Азии академические труды явно уступают книгам местных улемов (богословов), также несопоставим тираж опубликованных работ. Если академические работы по антропологии ислама в регионе выпускаются тиражом до 1000 экземпляров, то книги или переводы, выполненные местными улемами, выходят тиражом в несколько тысяч экземпляров. Современные технологические возможности тоже на стороне местных среднеазиатских улемов. Посещаемость сайтов религиозных лидеров в сотни раз перевешивает такие показатели посещаемости сайтов академических институтов и антропологических центров.

Таким образом, в борьбе за аудиторию академические работы, ставящие своей целью объективное описание текущей религиозной ситуации в регионе во всей ее сложности и многообразии, проигрывают книгам местных богословов.

Немаловажную роль играет и упомянутая выше проблема языка опубликованных работ. Причем касается эта проблема как ограниченных возможностей масштабного распространения академических трудов среди населения региона, так и собственно академической среды, а именно диалога и обмена знаниями между местными исследователями ислама и сторонними, в т.ч. западными учеными.

Известно, что классики российского востоковедения писали свои работы большей частью на русском языке, хотя для многих из них этот язык не был родным (барон В.Р. Розен², В.В. Бартольд³, С.Ф. Ольденбург⁴, А.Э. Шмидт⁵, Н.Я. Марр⁶, В.В. Радлов⁷ и другие).

В связи с этим хочу привести любопытный факт. На заседании Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества от 29 февраля 1896 года, который проходил под председательством Управляющего Отделом барона В.Р. Розена было зачитано письмо секретаря Парсийского Общества «The Parsee Punchayet» в Бомбее, на имя «Президента Азиатского Общества в Санкт-Петербурге», в котором было обращение к русским ученым и путешественникам, работавшим в Средней Азии обратить внимание на зороастрийские верования. Далее в письме говорится «Если бы русские ученые и путешественники пожелали вступить в сношения на английском языке с нами, то их сообщения об этих предметах (зороастрийские обычаи и верования – Т.К.) были бы приняты с благодарностью. Попечители Общества будут рады содействовать изданию сочинений на английском языке трактующих об исследованиях, произведенных в этих областях (Средняя Азия – Т.К.) с иранской точки зрения» (Записки 1897: XIII). Интересно было постановление данного заседания. Читаем «Постановлено: оставить означенное сообщение Бомбейского Парсийского Общества «The Parsee Punchayet» без последствия в виду поставленного условия об употреблении английского языка при сношениях с ним». (Там же: XIII). Напрашивается вывод, что подобный ответ был озвучен не потому что специалисты и путешественники не владели английским языком, а скорее по принципиальным соображениям. Про амбициозные цели В.В. Розена пишет В. Тольц: «Цели Розена были гораздо более амбициозными. Ему хотелось заставить европейское ученое сообщество выучить русский язык, чтобы самостоятельно читать работы российских ученых. Поэтому он не выразил никакого энтузиазма и даже был недоволен, когда в 1893 году немецкоязычные ориенталисты решили организовать бюро в Вене, занимающееся переводом работ их российских коллег». (Тольц 2013: 24–25). Несмотря на то, что ученики В.Р. Розена активно ездили в заграникомандировки в Европу, сам он желал, чтобы они писали свои статьи в первую очередь на русском языке. В этой связи интересно письмо С.Ф. Ольденбурга барону В.Р. Розену от 04 марта 1894 года. В нем он жалуется своему учителю на то, что Д.М. Позднеев⁸ в Лондоне напечатал свою рецензию на английском языке на книгу, опубликованную в Санкт-Петербурге на русском языке. Это дело С.Ф. Ольденбург называет ‘bad sign’. «Надо бы поставить его на путь» – заключает С.Ф. Ольденбург (Переписка 2004: 290).

Несмотря на то, что с каждым годом среднеазиатские ученые все больше и больше вовлекаются в жизнь международного академического сообщества, тем не менее, исторические реалии (необязательное владение английским языком в советский период) до сих пор является существенным препятствием в деле обмена опытом и знаниями с западными коллегами. Также надо иметь в виду, что для большинства среднеазиатских исследователей, особенно для нового поколения, русский язык является первым иностранным языком, а английский вторым.

В советский период чтобы сделать доступными работы русских и русскоязычных авторов для среднеазиатской научной и студенческой аудитории, буквально до 1970-х годов основные труды переводились или были аннотированы на локальные языки. Только тогда появилась возможность сотрудничества между «столичными» учеными и «периферийными».

Сегодня оптимальным вариантом представляется перевод трудов исследователей из Средней Азии на английский язык и перевод трудов западных коллег на местные среднеазиатские языки. В противном случае научная дискуссия может не состояться. Во-первых, читая книги различных авторов на государственных языках⁹ среднеазиатских республик, молодежь региона получит возможность ознакомиться и взять на вооружение другие подходы, теории и способы анализа своей каждодневной жизни. Во-вторых, местные ученые могут смелее вступать в дискуссии и писать отзывы на работы своих англоязычных коллег. Помимо англоязычных работ за последние десятилетия начали появляться научные публикации по региону на других западноевропейских языках (в основном на немецком и французском языках), а также на японском и китайском языках.

Вопрос языка и замкнутости научных заседаний и дискуссий описывал в свое время В.В. Бартольд. Анализируя работу Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии он писал: «... заседания его (Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии – Т.К.) происходят крайне редко и отличаются довольно строгой замкнутостью; этнографические статьи, печатаемые в “Сборнике статистического комитета”, остаются совершенно неизвестными не только читающей публике, но и большей части ученых учреждений; туземные наречия изучаются только очень немногими...» (Бартольд 1977а: 485–486).

Антропология религии – чрезвычайно чувствительная сфера в социальной антропологии. Разумеется, как и любая антропологическая наука, она нуждается в потоке новых идей, мысли, подходов и т.д. и только широкое научное сотрудничество может помочь конкурировать с другими социальными науками¹⁰.

Именно о научном сотрудничестве и его сложностях хочу остановиться отдельно. Наиболее благоприятная обстановка в плане международного сотрудничества (открытые полевые работы, организация летних школ, доступ к архивам и т.д.) помимо Казахстана сложилась в Кыргызстане и в Таджикистане. В республиках Узбекистан и Туркменистан в сфере международного сотрудничества дела обстоят намного хуже. Хотя и в Узбекистане иногда собираются международные конференции по исламу, где активное участие принимают и антропологи. Примером может служить международный симпозиум «Ислам и светское государство», который состоялся летом 2002 года в Самарканде. Следует отметить, что по материалам симпозиума был выпущен сборник, где статьи англоязычных коллег были переведены на русский язык (Ислам 2003).

Следующим примером успешного партнерства может являться организация совместных летних школ историков/антропологов местных и зарубежных с участием представителями мусульманского духовенства. На первый взгляд может показаться не совсем логичным организовать школы для исследователей и религиозных лидеров, но после анализа современного состояния среднеазиатских обществ, проведение подобных мероприятий вполне обосновано и рационально. В противном случае, зачем тогда государства Средней Азии должны содержать академические институты

социальных наук, в том числе Отделы антропологии в стенах этих институтов, если между научными сотрудниками и духовными лидерами общины не происходит никакого диалога, дискуссий, совместного решения возникших проблем – как например, радикализация мусульманской молодежи в регионе?

Местные ученые при мизерных зарплатах имеют уязвимое положение перед своими зарубежными коллегами. При абсолютно неравном финансировании научного проекта местные ученые автоматически попадают в роли «подсобного» сотрудника проекта. «Зеленые деньги» вынуждают их заниматься «черной работой»¹¹. Более того работа хоть и делается на среднеазиатском материале, публикация выходит на английском, немецком, французском языках, и в лучшем случае, местным исследователям выразят благодарность в примечании статьи или книги. В некоторых случаях даже и об этом «забывают». Из-за незнания академического английского языка о соавторстве и речи не идет. Подобные процессы приводят к интересным результатам. Среднеазиатский читающий народ (студенты гуманитарных факультетов, аспиранты, а отчасти и большинство профессорско-преподавательского состава) знает, что иностранцы пишут о них статьи и даже целые книги, при этом не понимают, что же о них написано. Та небольшая группа, которая владеет европейскими языками, не всегда имеет доступ к статьям в научных журналах. Среднеазиатские университеты и научные центры не могут, а некоторые возможно, не хотят выписывать эти журналы и книги. Тем самым академические журналы теряют свою функцию транслятора новых знаний.

Отдельно стоит упомянуть о проблеме исследования ислама учеными из таких стран как Япония, Китай и другие страны азиатского континента. Традиционно закрытые, и сохраняющие свою закрытость (отчасти из-за сложности языка) академические сообщества этих стран зачастую создают очень глубокие труды по исламу. Однако в соответствии с особенностями академической жизни, ученые публикуют большую часть своих работ у себя в стране и только на своем языке (особенно в Китае). Здесь достаточно отметить программу японских коллег «Islamic Area Studies» под руководством доктора Кеико Сакураи (Keiko Sakurai), которая охватывает пять научных центров Японии. Это Университет Токио, Университет Софии (Токио), Университет Киото, Библиотека Тойо Бунко и Университет Васэда¹². Внутри этой программы есть специальная научная тема «Basic Research on Religious Cultures and Politics in Central Asian Mountain Areas in the Last Three Centuries», которую разрабатывают специалисты по региону – Инаба Минору (Inaba Minoru) из Университета Киото и Уяма Томохико (Uyama Tomohiko) из Университета Хоккайдо.

Описывая историю антропологической науки XX в. С.А. Арутюнов резюмирует: «Американцы знают только то, что делается в Америке. Европейцев, хоть их и немало, но они хочешь-не хочешь знают французский, плюс свой, и немецкий, если он не свой. Это, как правило, ну если это швед, он либо французский, либо немецкий знает, а иногда европейцы знают два и больше европейских языка. И практически все они знают, что делается в Америке, что делается в Англии, и более или менее они знают, что у них делается в Центральной Европе. Наши антропологи, не все, естественно, но во всяком случае их авангардная часть достаточно хорошо знают то, что делается в Америке. Более или менее прилично знают то, что делается в Европе, потому что в Европе вообще делается не очень много, и кроме того, их преимущество состоит в том, что они знают, что делается в России. Раньше мы вообще знали, что делалось в СССР, сейчас мы все меньше и меньше знаем, что делается в

СНГ, но во всяком случае, что делается в России мы знаем. И в этом наше большое преимущество. Но в самом хорошем положении находятся японские антропологи. Они знают все – они знают, что делается в Америке, они знают, что делается в Европе, они достаточно хорошо знают, что делается в России, потому что в отличие от европейцев многие из них достаточно хорошо умеют читать по-русски, и они знают, что делается в Японии, что кроме них не знает никто. Может быть, еще и китайцы знают, что там делается, но они знают также, что делается в Китае» (Арутюнов 2016). Находясь уже больше трех месяцев в Японии и общаясь с японскими коллегами – специалистами по Средней Азии, я полностью согласен с выводами С.А. Арутюнова. При государственной финансовой поддержке науки в целом, антропологических исследований, в частности, и, при безукоризненной, я бы сказал ученической аккуратности, японские коллеги идут впереди нашей науки. Конечно, не знание нами работ японских коллег, написанных на японском языке, не освобождает нас от обязанности служить честно родной дисциплине, но также и ставит вопрос перед японскими коллегами, как сделать продукт своих изысканий доступным для «объекта своих исследований». Решать эти вопросы придется всем вместе. Тем более если в регионе идет ослабление позиции «local Islam» и возрастает влияние «foreign Islam». (Muminov 2007: 260–261). В связи с этим, желательно, чтобы распространение зарубежных антропологических знаний об этом региональном исламе в среднеазиатском обществе шло более интенсивными темпами, что в конечном итоге будет способствовать усилению позиций регионального ислама.

Таким образом, сегодняшние антропологи, занимающиеся среднеазиатским исламом, на самом деле находятся не только между двумя понятийными аппаратами – «народный» и «чистый» ислам – но и между двумя мировоззрениями и взглядами на будущее сосуществование не только людей в социуме, но и своего предмета.

Примечания

- ¹ Примечательно, что на днях беглый командир ОМОНа РТ, который сейчас воюет в Сирии на стороне ИГИЛ (запрещенной в РФ) выступил с аудио обращением против бывшего Председателя ПИБТ РТ М. Кабири, который также находится в бегах, и обвинил его в приверженности шиизму. См.: Террорист Гулмурод Халимов заговорил против Мухиддина Кабири сразу после происшествия в Тегеране. Случайность? URL: <http://tajinfo.org/>.
- ² Виктор Романович Розен (1849–1908), академик, выдающийся арабист, основатель «Записки Восточного Отделения Императорского Русского археологического Общества» (о нем см.: Памяти барона 1908; Памяти барона 1909).
- ³ Владимир Владимирович Бартольд (1869–1930), академик, ученик В. Розена, один из выдающихся основоположников российского востоковедения (о нем см.: Акрамов 1963; Бернштам 1945: 130–131; Шарофуддинов 2014).
- ⁴ Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), академик, ученик В. Розена, один из основателей индологии в России (о нем см.: Бонгард-Левин 2000: 459–471; Вигасин 1997: 406–418; Милибанд 1995: 176–178; она же 2008: 65–68). Там же литература о жизни и трудах С.Ф. Ольденбурга.
- ⁵ Александр Эдуардович Шмидт (1871–1939), ученик В.Р. Розена, исламовед. Стоял у истоков подготовки востоковедов в Среднеазиатском государственном университете (о нем см.: Люди и судьбы 2003. Ее электронная версия URL: <http://memory.pvost.org>. Там же литература о жизни и творчестве А.Э. Шмидта).
- ⁶ Март Н.Я. (1865–1934), академик, ученик В.Р. Розена, востоковед и лингвист, специалист по Кавказу (о нем см.: воспоминания его ученицы О.М. Фрейденберг – URL: <http://freidenberg.ru>).
- ⁷ В.В. Радлов (1837–1918), академик, основатель российской школы тюркологии (о нем см.: Бартольд 1977b: 665–688).

- ⁸ Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937) – великий российский востоковед, специалист по Японии и Китаю.
- ⁹ Потому что в Республиках Средней Азии, как впрочем, и в России не всегда родной язык и государственный язык одно и то же.
- ¹⁰ О судьбе, конкурентоспособности и перспективах антропологической науки в России (см.: *Александренков* 2008: 53–67; *Басилов* 1992: 3–17; *Мартынова* 2011: 168–185; *Соколовский* 2003: 137–159; *Тишков* 1992: 5–20; *Чешко* 2005: 8–10; *Шницерльман* 1992: 7–18).
- ¹¹ Кажется, впервые М. Ривс использовала эту метафору относительно трудовых мигрантов из Средней Азии в России (см.: *Reeves* 2012: 108–134).
- ¹² Islamic Area Studies Network. URL: <http://www.islamicareastudies.jp>.

Литература

- Абашин* 2015 – *Абашин С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015.
- Акрамов* 1963 – *Акрамов Н.М.* Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд. Душанбе, 1963.
- Александренков* 2008 – *Александренков Э.Г.* «Кому служить? Этнограф на российском распутии // Антропология академической жизни: адаптивные процессы и адаптивные стратегии / отв. ред. Комарова Г.А. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 53–67.
- Алымов* 2013 – *Алымов С.С.* Г.П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков» // Этнографическое обозрение, 2013, № 6. С. 69–88.
- Андреев* 1953 – *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 1. Изд-во Академии наук Тадж. ССР. Сталинабад, 1953.
- Арутюнов* – *Арутюнов С.А.* О моих коллегах и нашей науке // <http://www.gusaba.ru>.
- Бабаджанов* 2011 – *Бабаджанов Б.* Ислам в Узбекистане: от репрессий к борьбе идентичностей // Россия – Средняя Азия. Т.2. Политика и ислам в XX – начале XXI в. М.: Ленанд, 2011. С.191–213
- Бартольд* 1977а – *Бартольд В.В.* Новое научное общество в Ташкенте // Академик В.В. Бартольд. Соч. Т. 9. М.: Наука, 1977. С.485–486.
- Бартольд* 1977б – *Бартольд В.В.* Памяти Радлова 1837–1918 // Соч. Работы по истории востоковедения. М., 1977. Т. 9. С. 665–688.
- Басилов* 1992 – *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее // Этнографическое обозрение, 1992. № 4. С. 3–17.
- Басилов* 1970 – *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970.
- Басилов* 1984 – *Басилов В.Н.* Избранники духов. М.: Политиздат, 1984.
- Басилов* 1992 – *Басилов В.Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992.
- Баялиева* 1972 – *Баялиева Т.Дж.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, Илим, 1972.
- Баялиева* 1981 – *Баялиева Т.Дж.* Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. Фрунзе, Илим, 1981.
- Бернштам* 1945 – *Бернштам А.Н.* Академик Василий Владимирович Бартольд (15.XI.1869 – 19.VIII.1930) // Известия Киргизского Филиала АН СССР, 1945. Вып. 2–3. С. 130–131.
- Бонгард-Левин* 2000 – *Бонгард-Левин Г.М.* Из истории отечественной индологии и буддологии // Древнеиндийская цивилизация (Культура народов Востока). М., 2000. С. 459–471.
- Вигасин* 1997 – *Вигасин А.А.* С.Ф. Ольденбург // История отечественного востоковедения с середины XIX в по 1917 г. М., 1997. С. 406–418.
- Записки* 1897 – Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том X.1896. СПб. Типография императорской Академии наук, 1897.
- Зотова* 2012 – *Зотова Н.А.* Кишлак у реки: опыт исследования миграционных процессов на примере одного поселения // Этнографическое обозрение, 2012. №4. С. 51–67.

- Ислам 2002 – Ислам и светское государство (по материалам Международного научно-теоретического симпозиума «Ислам и светское государство», состоявшегося 5-6 июня 2002 г. в Мемориальном комплексе Имама ал-Бухари, Республика Узбекистан) / отв. ред. Мунавваров З.И., Шнайдер-Детерс В. Ташкент: Ташкентская картографическая фабрика, 2003.
- Люди и судьбы 2003 – Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.
- Малашенко 2006 – Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Изд-во «Весь мир», 2006.
- Мартынова 2011 – Мартынова М.Ю. Академик В.А. Тишков и российская этнология: об исследованиях Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова М.: Наука, 2011. С. 168–185.
- Милюбанд 1995 – Милюбанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. М., 1995. Т. 2. С. 176–178.
- Милюбанд 2008 – Милюбанд С.Д. Востоковеды России XX – начало XXI века. Биобиблиографический словарь. Кн. II. М. М. 2008. С. 65–68
- Памяти барона 1908 – Памяти барона Виктора Романовича Розена. Отдельный оттиск из Известий АН. СПб., 1908.
- Памяти барона 1909 – Памяти барона Виктора Романовича Розена. Прил. к ЗВОРАО. СПб., 1909. Т. 18.
- Переписка 2004 – Переписка В. Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. М.: Вост. лит., 2004. С. 201–414.
- Рахимов 2007 – Рахимов Р.Р. Коран и розовое пламя. СПб.: Наука, 2007.
- Резван 2011 – Резван М. Е. Коран в системе мусульманских магических практик. СПб.: Наука, 2011.
- Саидбаев 1984 – Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.
- Снесарев 1964 – Снесарев Г.П. Процесс отхода от религиозных традиций у сельского населения Узбекистана (опыт этнографического исследования) // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963. М.: Наука, 1964. С. 67–70.
- Снесарев 1969 – Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
- Снесарев 1983 – Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983.
- Соколовский 2003 – Соколовский С.В. Четверть века российской антропологии: 1975–2000 // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 9. М., 2003. С. 137–159.
- Тишков 1992 – Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение, 1992. № 1. С. 5–20.
- Тольц 2013 – Тольц В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: НЛЮ, 2013.
- Чвырь 2012 – Чвырь Л.А. Снесарев и Башилов // «Избранники духов» – «Избравшие духов»: Традиционное шаманство и неошаманизм. Памяти В.Н. Башилова (1937–1998). М.: ИЭА РАН, 2012. С. 24–30.
- Чешко 1987 – Чешко С.В. Западные советологи о национальных отношениях и этнокультурных процессах в Средней Азии (1970–1980-е годы) // СЭ, 1987, №3. С. 141–149.
- Чешко 2005 – Чешко С.В. От советской этнографии к российской этнологии // Этнографическое обозрение, 2005. № 2. С. 8–10.
- Шарофуддинов 2014 – Шарофуддинов С.С. Вклад академика В.В. Бартольда в изучение истории и культуры таджикского народа IX – XV вв. Автореф. дисс... к.и.н. Душанбе, 2014.
- Шнирельман 1992 – Шнирельман В.А. Наука в условиях тоталитаризма // Этнографическое обозрение, 1992. № 5. С. 7–18.

- Akiner* 2003— *Akiner Sh.* Islam in Post-Soviet Central Asia // Ислам и светское государство (по материалам Международного научно-теоретического симпозиума «Ислам и светское государство», состоявшегося 5-6 июня 2002 г. в Мемориальном комплексе Имама ал-Бухари, Республика Узбекистан) / отв. ред. Мунавваров З.И., Шнайдер-Детерс В.. Ташкент, 2003. P. 235–248.
- Bliss* 2006 — *Bliss F.* Social and economic change in the Pamirs (GorNo. Badakhshan, Tajikistan). L&NY.: Routledge, 2006.
- Dudoignon* 2011— *Dudoignon S.* From revival to mutation: the religious personnel of Islam in Tajikistan, from de-Stalinization to independence (1955–91) // *Central Asian Survey*, 2011. Vol.30. No. 1. P. 53–80.
- Harris* 2006 — *Harris C.* Muslim Youth: Tensions and Transitions in Tajikistan. Oxford, Westview press, 2006.
- Khalid* 2007 — *Khalid A.* Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Berkeley: University of California press, 2007.
- Kikuta* 2011— *Kikuta H.* Ruh or Spirits of the Deceased as Mediators in Islamic Belief: The Case of Town in Uzbekistan // *Acta Slavica Iaponica*, 2011. Vol. 30. P. 63–78.
- Mastibekov* 2014— *Mastibekov O.* Leadership and Authority in Central Asia: The Ismaili Community in Tajikistan L.: Routledge 2014.
- Muminov* 2007 — *Muminov A.* Fundamentalist Challenges to Local Islamic Traditions in Soviet and Post-Soviet Central Asia // *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia*. Edited by Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, 2007. P. 260–261.
- Rasanayagam* 2011— *Rasanayagam J.* Islam in Post-Soviet Uzbekistan: The Morality of Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Reeves* 2012 — *Reeves M.* Black work, green money: remittances, ritual and domestic economies in southern Kyrgyzstan // *Slavic Review* 71, 2012. No. 1. P. 108–134.
- Reeves* 2014 — *Reeves M.* Border Work. Culture and Society after Socialism. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2014.
- Ro'i* 2000— *Ro'i Y.* Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev. L.: Hurst & Company, 2000.

References

- Abashin S.N.* Sovetskii kishlak. Mezhdunarodnyi kolonializm i modernizatsiia. Moscow: NLO, 2015.
- Akiner Sh.* Islam in Post-Soviet Central Asia // Islam i svetskoe gosudarstvo (po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-teoreticheskogo simpoziuma "Islam i svetskoe gosudarstvo", sostoiavshegosia 5-6 iunია 2002 g. v Memorial'nom komplekse Imama al-Bukhari, Respublika Uzbekistan). Munavvarov Z.I., Shnaider-Deters V. (eds.). Tashkent: Tashkentskaia kartograficheskaja fabrika 2003.
- Akramov N.M.* Vydaiushchiisia russkii vostokoved V.V. Bartold. Dushanbe, 1963;
- Aleksandrenkov E.G.* "Komu sluzhit"? Etnograf na rossiiskom rasput'e // *Antropologija akademicheskoi zhizni: adaptivnye protsessy i adaptivnye strategii*. Komarova G.A. (ed.). Moscow: IEA RAN, 2008. Pp. 53–67.
- Alymov S.S.* G.P. Snesev i polevoe izuchenie "religiozno-bytovykh perezhitkov" // *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013. No. 6. Pp. 69–88.
- Andreev M.S.* Tadjiki doliny Khuf (verkhov'ia Amu-Dar'i). Stalinabad: Izd-vo Akademii nauk Tadj. SSR, 1953. Vol. 1.
- Arutiunov S.A.* O moikh kollegakh i nashei nauke. URL: <http://www.gusaba.ru>.
- Babadzhanov B.* Islam v Uzbekistane: ot repressii k bor'be identichnostei // *Rossia – Sredniaia Azia*. T.2. Politika i islam v XX – nachale XXI v. Moscow: Lenand, 2011. Pp.191–213.
- Baialieva T.Dzh.* Doislamskie verovaniia i ikh perezhitki u kirgizov. Frunze, Ilim, 1972.
- Baialieva T.Dzh.* Religioznye perezhitki u kirgizov i ikh preodolenie. Frunze, Ilim, 1981.

- Bartold V.V.* Novoe nauchnoe obshchestvo v Tashkente // *Akademik V.V. Bartold. Sochineniia*. Vol. 9. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 485–486.
- Bartold V.V.* Pamiati Radlova 1837–1918 // *Soch. Raboty po istorii vostokovedeniia*. Moscow, 1977. Vol. 9. Pp. 665–688.
- Basilov V.N.* Etnografiia: est' li u nee budushchee // *Etnograficheskoe obozrenie*, 1992. No. 4. Pp. 3–17.
- Basilov V.N.* Izbranniki dukhov. Moscow: Politizdat, 1984.
- Basilov V.N.* Kul't sviatykh v islame. Moscow: Mysl', 1970.
- Basilov V.N.* Shamanstvo u narodov Srednei Azii i Kazakhstana. Moscow: Nauka, 1992.
- Bernshtam A.N.* Akademik Vasilii Vladimirovich Bartold (15.XI.1869 – 19.VIII.1930) // *Izvestiia Kirgizskogo Filiala AN USSR*, 1945. Vol. 2–3. Pp. 130–131;
- Bliss F.* Social and economic change in the Pamirs (GorNo. Badakhshan, Tajikistan). London; New York.: Routledge, 2006.
- Bongard-Levin 2000 – Bongard-Levin G.M.* Iz istorii otechestvennoi indologii i buddologii // *Drevneindiiskaia tsivilizatsiia (Kul'tura narodov Vostoka)*. Moscow, 2000. Pp. 459–471.
- Cheshko S.V.* Ot sovetskoi etnografii k rossiiskoi etnologii // *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005. No. 2. Pp. 8–10.
- Cheshko S.V.* Zapadnye sovetologi o natsional'nykh otnosheniakh i etnokul'turnykh protsessakh v Srednei Azii (1970–1980-e gody) // *Soviet ethnography*, 1987. No. 3. Pp. 141–149.
- Chyvr L.A.* Snesarev i Basilov // “Izbranniki dukhov” – “Izbravshie dukhov”: Traditsionnoe shamanstvo i neoshamanizm. Pamiati V.N. Basilova (1937–1998). Moscow: IEA RAN, 2012. Pp. 24–30.
- Dudoignon S.* From revival to mutation: the religious personnel of Islam in Tajikistan, from de-Stalinization to independence (1955–91) // *Central Asian Survey*, 2011. Vol. 30. No. 1. Pp. 53–80.
- Harris C.* Muslim Youth: Tensions and Transitions in Tajikistan. Oxford, Westview press, 2006.
- Islam i svetskoe gosudarstvo (po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-teoreticheskogo simpoziuma “Islam i svetskoe gosudarstvo”, sostoiavshegosia 5-6 iunie 2002 g. v Memorial'nom komplekse Imama al-Bukhari, Respublika Uzbekistan). Munavvarov Z.I., Shneider-Deters V. (eds.). Tashkent: Tashkentskaia kartograficheskaja fabrika, 2003.
- Khalid A.* Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Berkeley: University of California press, 2007.
- Kikuta H.* Ruh or Spirits of the Deceased as Mediators in Islamic Belief: The Case of Town in Uzbekistan // *Acta Slavica Iaponica*, 2011. Vol. 30. Pp. 63–78.
- Liudi i sud'by 2003 – Liudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskii period (1917–1991). St. Petersburg, 2003.
- Malashenko A.V. Islamskaia al'ternativa i islamistskii proekt. Moscow : Izd-vo “Ves' mir”, 2006.
- Martynova M.Iu.* Akademik V.A. Tishkov i rossiiskaia etnologii: ob issledovaniiah Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia Rossiiskoi akademii nauk // *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiiu akademika V.A. Tishkova* Moscow: Nauka, 2011. Pp. 168–185.
- Mastibekov O.* Leadership and Authority in Central Asia: The Ismaili Community in Tajikistan London: Routledge 2014.
- Miliband 1995 – Miliband S.D.* Biobibliograficheskii slovar' otechestvennykh vostokovedov. M., 1995. Vol 2. Pp. 176–178.
- Miliband 2008 – Miliband S.D.* Vostokovedy Rossii XX– nachalo XXI veka. Biobibliograficheskii slovar'. Vol. II. Moscow, 2008. Pp. 65–68.
- Muminov A.* Fundamentalist Challenges to Local Islamic Traditions in Soviet and Post-Soviet Central Asia // *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia*. Edited by Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, 2007. Pp. 260–261.
- Pamiati barona Viktora Romanovicha Rozena. Otdel'nyi ottisk iz Izvestii AN. St. Petersburg., 1908.
- Pamiati barona Viktora Romanovicha Rozena. Pril. k ZVORAO. St. Petersburg., 1909. Vol. 18.
- Perepiska V.R. Rozena i S.F. Ol'denburga // *Neizvestnye stranitsy otechestvennogo vostokovedeni-*

- ia. Moscow: Vost. lit., 2004. Vol. II. Pp. 201–414.
- Rakhimov R.R. Koran i rozovoe plamia. St. Petersburg: Nauka, 2007.
- Rasanayagam J. Islam in Post-Soviet Uzbekistan: The Morality of Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Reeves M. Black work, green money: remittances, ritual and domestic economies in southern Kyrgyzstan // *Slavic Review* 71, 2012. No. 1. Pp. 108–134.
- Reeves M. Border Work. Culture and Society after Socialism. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2014.
- Rezvan M. E. Koran v sisteme musul'manskikh magicheskikh praktik. St. Petersburg: Nauka, 2011.
- Ro'i Y. Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev. London: Hurst & Company, 2000.
- Saidbaev T.S. Islam i obshchestvo. Opyt istoriko-sotsiologicheskogo issledovaniia. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka", 1984.
- Sharofuddinov S.S. Vklad akademika V.V. Bartolda v izuchenie istorii i kul'tury tadzhikskogo naroda IX – XV vv. Abstract. Dushanbe, 2014.
- Shnirelman V.A. Nauka v usloviakh totalitarizma // *Etnograficheskoe obozrenie*, 1992. No. 5. Pp. 7–18.
- Snesarev G.P. Khorezmskie legendy kak istochnik po istorii religioznykh kul'tov Srednei Azii. Moscow: Nauka, 1983.
- Snesarev G.P. Protsess otkhoda ot religioznykh traditsii u sel'skogo naseleniia Uzbekistana (opyt etnograficheskogo issledovaniia) // Tezisy dokladov na zasedaniakh, posviashchennykh itogam polevykh issledovaniy 1963. Moscow: Nauka, 1964. Pp. 67–70.
- Snesarev G.P. Relikty domusul'manskikh verovaniy i obriadov u uzbekov Khorezma. Moscow: Nauka, 1969.
- Sokolovskii S.V. Chetvert' veka rossiiskoi antropologii: 1975–2000 // *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii*. Moscow, 2003. Vol. 9. Pp. 137–159.
- Tishkov V.A. Sovetskaya etnografiya: preodolenie krizisa // *Etnograficheskoe obozrenie*, 1992. No. 1. Pp. 5–20.
- Tol'ts V. "Sobstvennyi Vostok Rossii". Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period. Moscow: NLO, 2013.
- Vigasin 1997 – Vigasin A.A. S.F. Ol'denburg // *Istoriia otechestvennogo vostokovedeniia s serediny XIX v po 1917 g.* M., 1997. S. 406–418;
- Zapiski Vostochnogo Otdeleniia Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva. Vol. X, 1896. St. Petersburg: Tipografiia imperatorskoi Akademii nauk, 1897.
- Zotova N.A. Kishlak u reki: opyt issledovaniia migratsionnykh protsessov na primere odnogo poseleniia // *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012. No. 4. Pp. 51–67.

T.S. Kalandarov. To the Problem of Anthropological Study of Islam in Central Asia.

The paper focuses on difficulties that ethnographers and anthropologists faced while studying Islam in Central Asia during XX – beginning of XXI centuries. The author analyses peculiarities of studying Islam under the pressure of the scientific censure and ideological dogmas of the Soviet period, closed communities, including academy affiliated, constantly changing social and political conditions, and increasing influence of the most radical Islam movements. The paper also deals with peculiarities of work with informants and contemporary Islam local leaders as well as their attitude towards anthropologists.

Key words: *Anthropology of religion, Central Asia, scientific censure, Islam, radical Islam.*

ЭВОЛЮЦИЯ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТОМСКИХ ТАТАР В XX–XXI вв.

Традиционный родильный обряд состоит из предродильного цикла – с момента зачатия ребенка и соблюдения запретов, сопровождавших беременную женщину. Религиозные обряды, связанные с родами и послеродовым периодом, направлены на защиту ребенка от злых сил. Использование полученных интервью позволили рассмотреть трансформацию родильного обряда, отметить утраченные элементы и появление новых. Современный родильный обряд томских татар во многом сложился под влиянием ислама. Однако сравнительный анализ родильной обрядности томских татар и других тюркоязычных народов позволил выделить и доисламские элементы. В результате исследования обрядов, связанных с рождением, можно проследить синтез доисламской и мусульманской традиции томских татар, а также заимствования у близко проживающего русского населения.

Ключевые слова: томские татары, родильный обряд, религия, традиции, инновации.

Родильные обряды открывают жизненный цикл человека, они занимают особое место в системе семейных обрядов, учитывая то значение, какое в обществе придается факту рождения ребенка, наследника, продолжателя рода. Согласно традиционным верованиям, строгое соблюдение обрядов, связанных с периодом беременности, родами и уходом за новорожденным, способствовало сохранению здоровья матери и ребенка, а также обеспечивало будущее благополучие и счастье родившемуся в течение всей последующей жизни.

Тюркоязычное население Томской области генетически тесно связано с населением Южной Сибири. Последние сыграли важную роль в распространении тюркоязычной культуры в периферийных районах Саяно-Алтайского нагорья, откуда шла тюркизация южной кромки Западносибирской тайги. Наиболее широкий размах процессы тюркизации соседних с Южной Сибирью историко-этнографических областей приняли во второй половине I тыс. Главным образом они коснулись районов юга Западной Сибири (Могильников 1987: 110). Группа томских татар начала формироваться к концу XVI века. Ее основу составили тюркские племена, проживавшие в окрестностях будущего г. Томска. Это эуштинцы, подчиненные князя Тояна, принявшего в 1604 г. русское подданство. Это и другие мелкие группы тюрков: басандайцы и евагинцы (тигильдеевцы), населявшие Притомье еще до прихода русских (эти группы объединились с эуштинскими татарами); чатские татары и белые калмаки (потомки телеутов) (Томилов 1983б: 55; Бояришинова 1950: 33; Емельянов 1980: 27; Шерстова 2005: 77, 78).

Помимо тюркизации, на формирование культуры и традиций татар большое влияние оказал ислам, который пришел на смену языческим верованиям. Ислам стал распространяться в Сибири со второй половины XVI века проповедниками из Средней Азии и Казанского ханства. К томским татарам мусульманская религия проникла с XVII в. через оседавших бухарцев (*Шерстова* 2005: 210).

Тесные хозяйственно-культурные связи, поддерживаемые чатами, эуштинцами и калмаками на протяжении XVII–XIX вв., привели к их консолидации в особую этническую группу, испытавшую сильное воздействие пришлого компонента – бухарцев (узбеки, таджики, казахи, уйгуры) и поволжско-приуральских татар (*Томилов* 1980: 5). Казанские татары расселялись на территории Томской губернии в различные периоды. Известно, что в районе Томска татары – выходцы из Поволжья – появились чуть ли не сразу после постройки города (*Томилов* 1969: 107). В начале XVII века казанские татары упоминаются в томских таможенных книгах, они занимались в основном торговлей (*Волков* 2010: 92). Во второй половине XVIII века путешественниками только в двух селениях томских татар отмечались «добрые магометане», что означало соблюдение мусульманских обычаев (*Фальк* 1824: 545; *Russia* 1780: 70; *Георги* 2007: 145). Консолидирующая роль татар из европейской части страны проявилась в более широком распространении некоторых общих тюркских черт в поселениях и жилищах, в одежде, пище, обрядности, в духовной культуре (*Львова и др.* 2000: 23).

В начале XIX века степень исламизации тюркских групп Притомья была уже значительной. На протяжении XIX – начала XX века шло стремительное умножение мечетей в самых населенных центрах чатов, эуштинцев, телеутов (калмаков), что свидетельствовало об усиленной исламизации их всех к середине XIX века. Государственная внутренняя политика также невольно ускоряла исламизацию томско-татарского населения, облегчая консолидацию трех разнородных основных групп томских тюрков (эуштинцев, чатов и калмаков) в единую этническую общность, куда неизбежно включались рассеянные по их юртам бухарцы и татары-переселенцы – сначала уголовные ссыльные, потом добровольно покинувшие Поволжье, Приуралье, вообще Европейскую Россию. Но во многих случаях исламизация оказывалась поверхностной и под мусульманским «налетом» повсеместно практиковались древнейшие обряды и культы (*Шерстова* 2005: 124, 210, 211).

Ислам играл определяющую роль в духовной сфере и быте томских татар, формируя образцы поведения в семейной и общинной жизни мусульман (*Маркова* 2007: 201). Однако известно, что до обращения в мусульманство, на данной территории был распространен шаманизм. Языческие верования бытовали среди томских татар еще в конце XIX – начале XX века. Смешанный характер религиозных представлений проявился и в том, что частично язычество вошло в их мусульманские воззрения (*Томилов* 1983а: 174). Ислам послужил фактором, объединившим эти разрозненные группы, но до конца консолидация не произошла. Консолидации, конечно, способствовало иноэтничное и инорелигиозное (русское православное) окружение, но сплочение не содействовало выработке своего единого эндоэтнонима (самоназвания), кроме как закрепило название «томские татары». Современные томские татары знают, что есть группа калмаков, которая сегодня территориально расположена в соседней Кемеровской области. Численность татарского населения на территории Томской области, по данным переписи населения составляет 2010 г. – 17029 человек (*Чигрина* 2015: 193).

* * *

Описание родильного обряда томских татар в научной литературе представлено слабо. В досоветский литературе данный обряд не отмечен. Наиболее полно традиционная форма обряда и коснувшиеся его изменения в советский период были рассмотрены в работе Н.А. Томилова «Обряды томских татар при рождении детей» (Томилов 1982), которая вошла одним из параграфов в его монографию «Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья» (Томилов 1983а). В 2000-е годы появляются работы, также касающиеся этой темы. В дальнейшем исследователи часто ссылались на работы Н.А. Томилова. Так, в статье М.Ф. Марковой (2008), есть небольшая информация об обрядах, связанных с рождением ребенка. В работе Ю.М. Губайдулиной (2002) представлены материалы по свадебному, родильному и похоронному обряду, собранные ею 1980–1990 гг., но только, к сожалению, из одной татарской деревни – Черная Речка Томского района. Помимо указанных публикаций используются полевые материалы (интервью), собранные автором в 2010, 2014–2015 гг. у татар, проживающих в г. Томске и татарских населенных пунктах Томской области: Эуште, Черная Речка. Частично материал 2010 г. опубликован в работе автора (Чигрина 2010; она же 2015). Беседы записывались на диктофон и впоследствии оформлялись в текстовом варианте. На основе опубликованных материалов, автором данной статьи был составлен опросный лист для выявления обрядовых действий. В ходе работы с информантами накопленный материал в литературе уточнялся и дополнялся. Информация, относящаяся к рубежу XX–XXI веков представлена впервые.

Целью данной работы является рассмотрение этапов эволюции родильного обряда томских татар. Для достижения цели необходимо рассмотреть в нем домусульманские, т.е. общетюркские и более поздние мусульманские компоненты, а также определить элементы, связанные с влиянием близко проживающего русского населения. Для рассмотрения родильного обряда автором статьи условно выделены три хронологических периода: досоветский период, советский и постсоветский (1990-е годы – начало XXI века). Структура родильного комплекса включает: обряды, связанные с родами, знакомство ребенка с родственниками, обряд имянаречения, обряды перекладывания в колыбель, детский праздник, обряд разрезание пуп и обряд обрезание. Каждый обряд будет рассмотрен в выделенной хронологии.

С точки зрения теории «обрядов перехода» родильные обряды, наравне со свадебными и похоронно-поминальными относятся к ключевым в жизни каждого человека. А именно к таким обрядам, которые отмечают и формально закрепляют переход индивида или группы людей в новую социальную категорию и приобретение ими нового социального статуса. Родильный обряд является важнейшим элементом «обрядов перехода», методология изучения которых разработана А. ван Геннепом (Геннеп 2002: 113).

Структура обрядов перехода, по мнению А. ван Геннепа, состоит из следующих обрядов:

- Нередко имеются также промежуточные обряды или «обряды промежуточного периода» (беременность, обряды предохранения матери и ребенка);
- Обряды отделения от определенного состояния или группы (отсечение пуповины, первое купание, первая стрижка, обрезание);
- Обряды включения в иное состояние или группу (наречение) (Геннеп 2002: 51, 54).

Эти три основных стадии соответствуют трем основным фазам, или этапам и являются их отличительной особенностью.

Методологической основой исследования также является вывод С.А. Арутюнова о соотношении традиций и инноваций в этнических культурах. Инновация, укореняясь, имеет тенденцию превратиться в традицию, получая решающее значение в эволюции культуры: ее можно назвать «сильной» инновацией. Но и «слабая» инновация, которая не приживается и отмирает, не безразлична для эволюции (Арутюнов 1989: 161). По мнению С.А. Арутюнова, традиция означает передачу в диахронном плане, т.е. от старших к младшим, от поколения к поколению, от когорты к когорте устоявшихся форм поведения, навыков, понятий, всего, что образует «костяк» культуры. Традиции могут существовать без инноваций, но не наоборот. Традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества. Инновация необходима для его развития (Арутюнов 1989: 160, 161).

Полноценность и богатство жизни традиционной семьи определялись наличием детей. Рождение детей являлось естественным следствием брачного союза (Бурнаков 2011: 92), и поэтому уже многие свадебные обряды нацелены на продолжение рода. У татар после религиозного свадебного обряда *никах* устраивалось угощение муллы и мужчин старшего возраста. Перед началом обеда подавали мед в смеси с маслом (Томилов 1983а: 84). Это блюдо называют *бебей мае* – «масло младенца», которое символизировало наставление на зачатие. У томских татар перед вступлением в дом родителей мужа, молодоженов ставили на ковер, и родители подносили им мед с маслом из одной ложки; считалось, что мед обеспечит любовь и сладкую жизнь новобрачным, масло – дружбу. Тут же их осыпали орехами, конфетами, семечками, зерном или даже деньгами. По представлениям томских татар, это должно было обеспечить молодоженам много детей и богатство (Томилов 1983а: 87). На современной татарской свадьбе после проведения религиозного обряда также подают масло с медом жениху с невестой и гостям.

Обрядов, связанных с беременностью, у томских татар не зафиксировано, но существовали многочисленные приметы и запреты. Информанты вспоминают, что перед половым актом необходимо было хорошо помыться. Подразумевалось, что в первую брачную ночь молодые должны зачать ребенка, прочитав специальную молитву «Во славу Аллаху...», чтобы ребенок был здоровым, красивым, с хорошей судьбой (ПИМА 2: Сулейманова, Имаммутдинов).

Всю беременность женщину сопровождали разные приметы, которые и сегодня знают и соблюдают. Беременная женщина как можно дольше не должна была раскрывать свое положение. Если она куда-то уходила, то вернуться ей нужно было той же дорогой, чтобы, якобы, ребенок в животе «пуповиной не обмотался». Также нельзя было опоясывать живот поясом или веревкой, и по этой же причине запрещалось вязать на спицах. Для сравнения, беременным женщинам якутов и киргизов также запрещалось вязать, завязывать узелки (Сапалова 2010: 73). Нельзя было посещать места, где проводили поминки, где можно увидеть людей с ограниченными возможностями, чтобы ребенок не родился ущербным.

Для определения пола будущего ребенка беременной предлагалось лечь на пол посреди комнаты, а затем ей говорили, чтобы она встала. Если она поднималась, опираясь на правую сторону, значит, родится мальчик, если на левую – девочка. Другая примета заключается в наблюдении за формой живота: если живот заострен, то

мальчик. Также беременной женщине нельзя пинать домашних животных (собаку, кошку) – младенец может родиться с волосатым тельцем (щетинкой на спине). Последнее поверие широко было распространено и в русской, и в селькупской среде в Томской области. Если ребенок рождался с волосами на тельце, то их скатывали хлебом или выпаривали в бане. От сглаза на внутренний край подола платья беременной женщины пристегивали булавку головкой вниз. Чтобы ребенок родился красивым, беременная женщина должна смотреть на красивые предметы. Беременную женщину, например, в Эуште называли *аурусо* – тяжелая (с плодом) (ПМА 1: Баширова; ПМА 2: Сулейманова, Имаммутдинов, Бодрова, Камалетдинова).

Обряды, связанные с родами

По материалам Н.А. Томилова, в досоветский период роды принимали обычно на дому (считали грехом обращаться к врачам), иногда в антисанитарных условиях. При роженице, которая лежала на нарах, находились лишь близкие родственницы и повитуха (называли ее *кындык*-мама, от слова «*кындык*» – «пупок»). Мужчины все уходили из помещения, не подходила к роженице и свекровь. Повитуха, когда принимала роды, читала необходимые молитвы. Во всем придерживались обычая, по мнению Н.А. Томилова, вероятно заимствованного у русских – отпирание всех замков, приоткрывание дверей в доме во время родов (Томилов 1982: 144; Он же 1983а: 69). Информант из Эушты сообщила, что пуповину обрезали на драгоценном металле, высушивали и хранили (так повитуха считала, сколько родов приняла). Если ребенок умирал, то пуповину хоронили с ним (ПМА 2: Сулейманова).

Родившемуся ребенку повитуха мазала губы смесью, приготовленной из масла и меда. Иногда на родившегося мальчика накидывали рубаху отца, а на девочку – платье матери. Считалось, что эти действия помогут в будущем новорожденному стать богатым и счастливым. Ребенка мыли теплой водой. После родов мужчины совершали священное омовение, чтобы «чистыми» принять новорожденного. Роженица должна была сама сходить в баню, как только она станет способной подниматься, либо ее переносили туда женщины. Только после этого она могла показаться мужчинам. В течение следующих 40 дней она не могла ложиться в одну постель с мужем, ходить с ним в баню. Первую неделю после родов повитуха сама мыла ребенка, и в течение месяца она часто навещала молодую мать, оказывая помощь в уходе за новорожденным (Томилов 1982: 144; Он же 1983а: 69; ПМА 2: Урманчеева).

Другими важными элементами, связанными с актом рождением, являлись магические приемы, которые были направлены на борьбу со «злыми духами». Для этого томские татары вешали на шею ребенка монету, пришивали к шапочке блестящие предметы – пуговицы, бусины, металлические пластинки и др. (рис. 1). Считалось, что эти предметы отвлекут внимание человека с дурным взглядом. Надевали различные амулеты и на руки ребенка – металлические предметы, религиозные изречения на бумажках и т.п. (рис. 2), мазали лоб золой (угольком – Е.Л.), читали молитвы. Если вдруг «обнаруживали», что ребенка все-таки сглазили, то находили «виновника», брали у него посуду, в которой он только что ел, мыли ее и слитую воду давали попить новорожденному (Томилов 1982: 145). Еще один способ от сглаза заключался в том, что нужно было отрезать незаметно лоскут от одежды того, кто сглазил, и сжечь его (ПМА 2: Сулейманова). Также мазать золой лоб (между бровями) было

принято и у алтайцев, если «чужой» ребенок впервые заходил в дом. Считается, что таким образом происходит знакомство ребенка с домашним очагом. С пустыми руками из дома маленького гостя не отпускают (Тадышева 2011: 121). Кыргызы также смазывали лоб ребенка сажей (Сапалова 2010: 75).

Рис. 1. Амулет-булавка
(каталог татарской коллекции Томского
областного краеведческого музея)

на отца» (ПМА 2: Сулейманова). Существует примета: при первом прикладывании к груди, новорожденному (еще в роддоме) губы смазывали топленным маслом или медом. Считается, что тогда живот у ребенка не будет болеть (ПМА 2: Камалетдинова).

Формирование общесоветских форм быта в нашей стране, развитие медицины, усилившийся процесс сближения с русской культурой – все это оказало влияние на обрядовую практику. Произошла замена родов с повитухой на роды в медицинском учреждении с доктором. Роды стали принимать в родильных домах или в отделениях больниц под наблюдением врачей. Появилась традиция встречать мать с ребенком: в родильное отделение приходят муж и близкие родные, друзья с букетами цветов (Томилов 1983а: 73). Отмечен случай, когда новорожденного принесли из роддома (1958 г.), бабушка взяла рубашу отца, одела ее на младенца и сказала: «Пусть он будет похож

Рис. 2. Амулет детский наручный (каталог татарской коллекции Томского
областного краеведческого музея).

Постсоветский период отмечен тем, что мужчины стали присутствовать при родах: отцу теперь нет нужды покидать помещение, но можно и принять в них пассивное участие (Губайдулина 2002: 427). Отмечается, что желание татар-мужчин присутствовать на родах началось в 1990-е годы: «Не знаю, если человек сильно верующий, может быть, и не проявит желание идти на роды. Мой муж хотел присутствовать, – сообщила информантка, – но ему пришлось стоять во время родов

под окнами роддома. Не были соблюдены какие-то формальности» (ПМА 2: Камалетдинова). Сохраняются традиционные способы оберегания ребенка от сглаза, однако вместо золы татары стали использовать губную помаду: теперь матери ставят младенцу точку между бровями (ПМА 2: Камалетдинова, Назмутдинова). Новыми явлениями данного периода является не утрата элементов, а их изменение, замена атрибутов и деталей при сохранении формы обряда. В советский период, при введении новых гражданских обрядов у томских татар сохранялась часть примет и религиозных запретов. Например, использовали амулеты от сглаза, также сохранялось накладывать одежду родителей на новорожденных. Однако главной переменной советского периода следует считать прием родов в медицинском учреждении, постсоветского периода – присутствие отца при родах.

Обряды знакомства с родственниками

В первый день после рождения ребенка вообще старались не показывать его посторонним людям, боясь сглаза. По представлениям татар, на него могли смотреть только близкие родственники. В некоторых семьях был распространен обычай не допускать к новорожденному неродственников в течение 40 дней (Томилов 1983: 70; ПМА 2). Данное поведение встречается у тюркских народов. В алтайской семье: «... На 40-й день новорожденный входит в свое тело, состояние, именно поэтому до этого срока родители чужим ребенка не показывают» (Тадышева 2011: 121; она же 2013: 101). По представлению казахов, человеческая душа вселяется в ребенка только по истечении 40 дней (Губаева 2001: 166). Числу 40 приписывался сакральный смысл. В эти дни женщина и ее ребенок переживали процесс перехода из сакрального мира в земной.

И все же, как отмечал Н.А. Томилов, в первые дни после рождения ребенка устанавливалась праздничная атмосфера, приходили гости: родные и знакомые. Гости осматривали ребенка, старались найти сходство с родителями или другими родственниками (Томилов 1983а: 70). Они приносили с собой различные подарки, в том числе, обрядовую пищу, приготовленную в честь рождения ребенка: оладьи и блины (*каймак*), пироги (*белиш*), мясной суп и др. Это угощение называли *бэбэй ашы* – «еда новорожденного». Бытовало поверье: чем больше женщин придет с угощением, тем больше молока будет у кормящей матери. Также родители ребенка угощали своих родственников и близких в связи с первым сбриванием волос новорожденного – *карын цац* на седьмой день (ПМА 1: Сайфульмулюкова). По данным Н.А. Томилова, приглашенный мулла брил голову ребенка на праздник *бала туя*, проводившийся на 40 день после рождения младенца (Томилов 1983а: 72). Для сравнения, в аулах Пензенской губернии у татар бытовал такой обычай: через неделю после рождения с головы младенца состригали, пропустив через золотое кольцо, пучок волос. Эти волосы берегли, положив в Коран (Уразманова 2001: 358).

В середине XX века сохранились следующие элементы этого обрядового комплекса. Гости приносили с собой подарки новорожденному, осматривали его, в поисках черт сходства с родителями и родственниками. Считается, что, если сын похож на отца, то его ожидает счастливое будущее. Затем все рассаживались за столом, и начиналось праздничное пиршество – *бэбэй ашы*, в процессе которого произносили тосты за здоровье новорожденного и его родителей. Особенность обряда в том, что вся процедура приобретала характер сугубо домашнего торжества (Томилов 1983а: 73–74).

В Эуште, если роды были тяжелые или ребенок слабый, то дают слово сделать *ниятлик* – это угощение из мяса жертвенного барана. Провести его надо в течение нескольких месяцев. Ни одна часть жертвенного животного не выбрасывалась: внутренности либо раздавали, либо делали из нее *керан аше*, т.е. «святой» суп. Его могли готовить и из конины, сейчас делают из говядины, обязательно с лапшой домашнего изготовления. Готовили это блюдо в связи с разными событиями – имянаречением, обрезанием и *ниятлик* (ПМА 2: Сулейманова).

В Эуште отмечается, что первый раз стригли ногти и сбривали волосы новорожденного на 40-й день, и их обязательно сохраняли (ПМА 2: Сулейманова). В начале XXI века обряд *карын цац* – «первое сбривание волос» новорожденного в большинстве татарских семей забыт и не проводится, но традиционное угощение гостей, которые всегда приходят с подарками для новорожденного и его мамы, сохраняется. Новорожденного также стараются не показывать посторонним 40 дней.

Обряд имянаречения

Традиционно обряд *исем кушу* – «наречение именем» ребенка проводился иногда в первый день, но чаще в течение недели или же на седьмой день после рождения. В некоторых деревнях считали, что ребенку надо дать имя в течение первых трех дней, иначе он будет плакать и может остаться плаксивым. На это событие созывали родных и знакомых, приглашали муллу. Все приглашенные приходили с подарками. Мулла читал молитвы, затем три раза произносил ребенку в ухо, данное ему имя: «Пусть твое имя будет такое-то» и подбривал голову. Иногда выбранное имя он говорил шепотом, чтобы якобы не слышал «злой» дух. Обычно мулла сам давал имя, но иногда учитывались и просьбы родителей. После наречения именем ребенка передавали по кругу родственники и знакомые, чтобы каждый присутствующий поддержал его на руках (Томилов 1982: 146; Он же 1983: 71). Затем мулла производил запись в метрическую книгу, где фиксировались имя, фамилия и дата рождения ребенка. Если ребенок плохо себя чувствовал, сильно плакал, то считалось, что он не принял имя, и тогда ему давали другое. Не принято было давать мальчику имя отца, а девочке имя матери. Могли назвать в честь деда или бабушки, или именем почитаемого человека (ПМА 2: Урманчеева). Мулла за совершение религиозного обряда наречения получал деньги либо подарки. В конце совершения обряда устраивалось угощение для приглашенных. Отличительным признаком этих застолий являлась подача гостям *бебей мае* – «масла младенца», которое могло быть просто маслом либо маслом с медом. Также готовили плов и сладкие пироги. Обязательно всем присутствующим родители ребенка давали *хаир-садака*, это либо деньги от 2 до 10 рублей, либо какой-то подарок, например, мыло, носовой платок и т.д. В бедных семьях ограничивались небольшим чаепитием (Томилов 1982: 146; Он же 1983: 71).

Если ребенок сильно заболел, то существовала традиция переименования. «Так, у моей мамы два имени. Первое имя Миннефия ей дали при рождении, потом, когда у нее выявилось серьезное глазное заболевание, ее переименовали в Зульбахар, которое и записано в паспорте. Считалось, что она болеет из-за того, что ей не подходит имя» (ПМА 2: Камалетдинова). Л.И. Чвырь отмечает, что мусульмане Кавказа и сельские арабы поступали также, особенно если ребенок много болел (Чвырь 2006: 65).

Советский период отмечен введением общегражданских норм. Новой властью стала признаваться только регистрация актов гражданского состояния в специально создаваемых органах при исполнительных комитетах Советов. В этот период проводились действия по пересмотру всех обрядов, сопровождавших регистрацию актов гражданского состояния. В годы «оттепели» возникла необходимость предложить советскому гражданину что-то взамен объявленных «отжившими» религиозных праздников и обрядов. Вводились торжественные церемонии при заключении брака и фиксации рождения, открывались Дворцы бракосочетаний. Законодательно данные меры закрепило изданное в 1964 г. постановление Совета Министров «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» (Цит. по: Жидкова 2012: 408). По данным Н.А. Томилова за 1970-е годы, через несколько дней после рождения родители отправлялись в сельский Совет зарегистрировать новорожденного. Новой являлась форма регистрации ребенка в торжественной обстановке с присутствием представителей общественности, тут же в сельсовете после регистрации родителям для новорожденного вручали подарки (Томилов 1983а: 74). Отмечено, что представителей власти вызывали в населенный пункт, чтобы произвести записи в актах гражданского состояния. Так делали, например в Эуште, когда она входила в Зоркальцевский сельский совет Томской области (ПМА 2: Сулейманова).

В этот период отмечается, что имя своему ребенку родители стали выбирать сами. Реже право выбора имени стало предоставляться старшим членам семьи и, так называемым, «домашним муллам» – старикам, приглашаемым местным населением для совершения религиозных обрядов, чтения молитв. Н.А. Томилов отмечал, что в 1920–1930-е годы стала уменьшаться роль «домашних мулл», и тогда часто имена детям выбирали родители мужа. К 1980-м годам обряд наречения именем стал проводиться редко. При совершении обряда родители сообщали «домашнему мулле» имя, которое они выбрали для ребенка. Этим именем он нарекал новорожденного. Ребенок при этом лежал на белой простыне на кровати или на подушке, иногда его поворачивали головой к западу (Томилов 1983а: 75–76). В Эуште информанты не смогли вспомнить случаев, когда мулла на свое усмотрение выбирал имя ребенку. Отмечается, что нельзя называть новорожденного именами родителей и дедов. «Для девочки выбирали имена, например Луноликая, а для мальчиков имена с характером, например Тимур – Темер – «железо», Таш – «камень», чтобы был смелым, сильным. Моя бабушка назвала детей именами из Корана, – Рахматула, Хабибула, Набиула. Отец мой где-то слышал имя и назвал меня Зульфия, потом все в Эуште стали называть так девочек» (ПМА 2: Сулейманова). Один из информантов сообщил, что имя для ребенка запланировали еще до беременности: «понравился очень ребенок и его имя». Обряд имянаречения проводили через несколько месяцев после рождения, одновременно с очередным *керан оше*, когда собирали на него бабушек и дедушек» (ПМА 2: Бодрова). Также отмечен случай, когда ребенок три дня жил под именем Тимур, а перед регистрацией в органах ЗАГС папа говорит маме: «Мне что-то не нравится имя Тимур, мама сказала: “Мне тоже!”. И папа предложил назвать Радиком, как двоюродного брата этого ребенка» (ПМА 2: Иммамутдинов).

В постсоветский период и до сегодняшнего дня томские татары продолжают проводить обряд имянаречения – *исем кушу*. Одним из информантов отмечено, что имя выбирали долго, считается, что от «значения имени, зависит судьба ребенка». Искали имя, созвучное имени отца. «Вспоминали, кого знаем с таким именем, хороший ли это чело-

век. Так как живем среди русских, думали, чтобы имя хорошо воспринималось на слух русского человека, чтобы не приходилось его сокращать, переделывать. Имя ребенку надо было дать через несколько дней после рождения. Оставлять его без имени дольше считалось опасным, так как он мог заболеть» (ПМА 2: Камалетдинова). Для совершения обряда приглашается небольшое количество гостей, а также мулла, который читает молитву – *азан* и дает ребенку имя, нашептывая его на ухо, при этом благословляя его. «Ребенка кладут на подушку и дают имя. Если ребенок в этот момент плачет, то когда мулла начинает читать молитву, ребенок сразу успокаивается и засыпает» (ПМА 1: Баширова). Все это действие происходит в доме новорожденного, поэтому считают, что мулла благословляет и ребенка, и одновременно дом и семью малыша (дом, как бы, «чище» становится со слов А.А. Муслимовой) (Чигрина 2011: 202).

В г. Томске и д. Черной Речке отмечено, что наречение именем стали проводить после 40 дней с момента рождения ребенка. Соблюдается поверье, что показывать ребенка до 40 дней нежелательно, «чтобы не сглазили» (ПМА 1: Сайфульмулюкова, ПМА 2: Назмутдинова). В Эуште отмечают, что обряд все-таки необходимо провести как можно быстрее, «чтобы шайтан имя свое не дал» (ПМА 2: Сулейманова). Но в г. Томске отмечен случай, когда обряд получилось провести только тогда, когда младенец и мать были выписаны из больницы через два месяца после рождения. «Отец новорожденного шел к мулле и просил прийти его в дом нарекать имя младенцу. К этому дню готовились, как к празднику. Пригласили родных и близких знакомых. Мулла спросил родителей, какое имя они желают дать младенцу. Ребенка на подушке поднесли к мулле, и он, обратившись лицом в сторону Мекки, читал выдержки из Корана. Несколько раз произнес имя новорожденного, сначала нашептал его на ухо ребенку, затем обращаясь ко всем присутствующим, произнес его для них. Имя ребенку давал араб – учитель нашего томского муллы, который приехал на три дня из Саудовской Аравии к своему ученику. Он был в белых одеждах, с длинной бородой и великолепным голосом (Рис. 3, 4). У татар не воспрещено давать двойное имя ребенку. Л.И. Чвырь отмечает, что этот элемент обряда известен и в до-

Рис. 3. Мусульманский обряд имянаречения, слева на право: родственник младенца, приезжий мулла, житель Саудовской Аравии и имам-хатыб Белой мечети Абзалов Гали хазрат. Томск, 1992 г. (архив Томского областного краеведческого музея).

мусульманские времена. Уже в грихьясутрах, письменных древнеиндийских памятниках I тысячелетия до н.э., содержатся сведения о том, что у каждого мужчины было три имени. Два имени было принято давать у древних тюрков, у огузов. У тюркок-мусульман со средних веков тоже отмечена традиция, наделять каждого человека несколькими именами (Чвырь 2006: 65). В г. Томске при обряде имянаречения отмечен случай, когда ребенку дали одно имя из имен пророка – Мохаммад, а другое Расим (ПМА 2: Ка-

малетдинова). Если имянаречение проходит уже подросткового ребенка, его может держать на руках отец. После наречения имени, ребенка в некоторых семьях передавали по кругу. Часто, если ребенку не провели имянаречение в раннем возрасте, то этот обряд проводили уже взрослому человеку, по его собственному желанию. Церемонию наречения имени завершает угощение – *аш*, которое сводится в основном к чаепитию. *Исем кушу* в последнее время также стали проводить в мечетях. В этом случае чаепитие не проводится, родители одаривают муллу *хаир-садака* (деньгами), либо опускают деньги в урну для пожертвований. Определенной суммы *хаир-садака* не существует, каждая семья решает сама, какой суммой денег отблагодарить. Можно дать 10 рублей, а можно 1000 и более, все зависит от благосостояния семьи (ПМА 2: Урманчеева, Сулейманова).

В Эуште отмечают случаи, когда в смешанных семьях, например русского и татарки, имя ребенка в паспорте могли записать русское, а называть татарским именем. «Есть парень у нас в деревне – по паспорту он Александр, а по-татарски ему дали имя Шамиль. Правда отец у него русский, но он родился у нас в деревне, вырос и говорит на татарском языке» (ПМА 2: Сулейманова). Отмечается, что для удобства называли русское имя, например, Рахима – Римма, Рамиль – Рома, Танзиля – Таня и др. (ПМА 2: Бодрова).

Преобразованием данного обряда является торжественная регистрация младенца в сельском совете или Дворцах бракосочетания с вручением для подарка новорожденного, имя ребенку стали выбирать сами родители, обряд имянаречения стали проводить в мечети, также отмечается проведение обряда наречения для подросткового ребенка.

Рис. 4. Мусульманский обряд имянаречения. Мулла читает молитву над ребёнком. Томск, 1992 г. (архив Томского областного краеведческого музея).

Обряд перекладывания в колыбель

В досоветский период через несколько дней после имянаречения проводился обряд *бишек туй* – «перекладывания в колыбель» и *бебей туй* – «праздник рождения». На этот обряд приглашались лишь женщины, приносившие с собой подарки. Нередко ребенка сразу же в первые дни после рождения укладывали в люльку, не совершая при этом никаких обрядов. Н.А. Томилов отмечал, что обряд *бишек туй* распространился, возможно, под влиянием пришлых из Поволжья татар, у которых он совершался обязательно. Однако этот обряд совершался не во всех семьях томских татар (Томилов 1983а: 71). У татар Астраханской губернии этот обряд заключался в следующем: прежде, чем положить младенца в люльку, туда клали топор. Затем две женщины несколько раз передавали друг другу ребенка над колыбелью (Уразманова 2001: 358). Подобный этому обряд положения младенца – *кабайга салганы* – встречается у алтай-

цев (Тадышева 2011: 120), у тувинцев – *пузик той* – его проводили на седьмой день (Бутанаев, Монгуш 2005: 150–151). У якутов по данным Д.У. Сапаловой его проводили на третий день после родов. Они делали для новорожденного круглую колыбель из дощечек, которую не качали «с бока на бок, как русскую, а двигали, толкая ящик взад и вперед. Перед укладыванием ребенка в люльку, проделывали ряд ритуальных действий: если был мальчик, то клали в колыбель нож, если девочка – то ножницы, затем этот предмет несколько раз перекладывали, пока, наконец, он не оказывался посередине колыбели. При этом периодически спрашивали девочку-подростка о правильности расположения вещей. Кыргызы укладывали ребенка только на сороковой день рождения, помимо ножа и ножниц в обряде применяли и другие предметы, такие как топор, альчики (Сапалова 2010: 75). Таким образом, выявляются общетюркские истоки этого обряда. Предметы положенные в колыбель, наделялись магическими действиями для обмана злых духов (Чвырь 2006: 68).

Одновременно с обрядом *бишек туй* проводился праздник рождения – *бебей туй*. Совершалось жертвоприношение, во время которого закалывалась овца. Если рождался мальчик, то в знак радости резали и две овцы, а если девочка – только одну. Когда закалывали овцу, то после этого произносили молитву: «О, Аллах, это жертва такого-то; ее кровь, все равно, что кровь такого-то; ее плоть все равно, что плоть такого-то; ее кости, все равно, что кости такого-то; ее кожа, все равно, что кости такого-то; ее шерсть, все равно, что волосы такого-то. О, Аллах, зачти это жертвоприношение в счет твоего раба такого-то» (ПМА 2: Урманчеева). Молитва могла произноситься как на арабском языке, так и на татарском. Если *бебей туй* проводился до наречения именем, то читающий молитву указывал отца ребенка, и называл из какой он семьи. Заднюю часть жертвенного животного, которая называлась *эбилек* «бабушкина», в сыром виде отдавали повивальной бабке – женщине, принявшей роды (ПМА 2: Урманчеева).

В 1970-е годы томские татары перестали проводить *бишек туй* (Томилов 1982: 151). В постсоветский период обряд *бишек туй* сохранился лишь в памяти томских татар. *Бибей туй* проводят единицы, в основном в семьях, где старшее и молодое поколение проживают совместно.

Детский праздник

Традиционно на сороковой день после рождения проводился *бала туй* – «детский праздник», на который собирали детей: если родился мальчик, то мальчиков, если девочка, то девочек. Новорожденного клали в центре комнаты на одеяло или ковер, либо на нары или подушки, а детей рассаживали вокруг него. Затем новорожденного, а заодно и всех детей обсыпали конфетами и орехами. Затем детям устраивали чаепитие со сладкими пирогами и конфетами. На чаепитии взрослые, как правило, не присутствовали, но могли быть только самые близкие родственники (Томилов 1983а: 72).

В советский период сохранилась традиция проведения *бала туй* в течение сорока дней. Приглашали детей своих родственников и знакомых. Пожилая уважаемая родителями родственница мыла ребенка и обливала его водой из ложки сорок раз. Также младенца клали на ковер и обсыпали конфетами. На празднике проводились игры для детей. Но в целом, как отмечал Н.А. Томилов, *бала туй* в 1970-е годы становился редким явлением (Томилов 1982: 151). В настоящее время *бала туй* не проводится.

Во второй половине XX столетия становится обычным явлением празднование дня рождения. До этого не существовало обычая справлять дни рождения как де-

тей, так и взрослых по годам (Томилов 1982: 154). Например, информант 1960 года рождения, впервые отметила свой день рождения в 18 лет (ПМА 2: Сулейманова). В настоящее время отмечено, что пожилые люди не празднуют дня рождения в обычном понимании, а проводят *керан оше* – «святой» суп (ПМА 2: Назмутдинова). День рождения, как праздник, прижился в среде томских татар под влиянием близко проживающего русского населения, у которого он также явился инновацией, быстро распространившейся в середине XX века.

Обряд разрезания пут

Один из обрядов в комплексе родильных обрядов татар сохранил общетюркские черты и связан с «разрезанием пут». Такой обряд встречается у тюркских народов. Например, у алтайцев заключается он в следующем: ребенку, который сделал первые шаги, на ноги наматывали ленточки или веревочки, а затем ставили на ноги и с молитвами перерезали путы, чтобы он начал ходить (Тадышева 2011: 121–122; она же 2013: 102–103). У киргизов за право разрезать путы, 7 или 9 мальчиков бегут на перегонки (Губаева 2001: 167). В среде томских татар этот обряд совершается без ленты, ножом или ножницами как бы «разрезаются» невидимые путы (ПМА 2: Имамутдинов, Назмутдинова, Сулейманова).

Также существовал обряд, связанный с определением будущей профессии ребенка. Перед ребенком, который уже начал ходить, раскладывали предметы, например, молоток, яблоко, ткань, гармошка, булочка и многие другие. Если ребенок выбирал молоток, значит, будет строителем, если яблоко, то будет садоводом, если ткань – портным и т.д. (ПМА 2: Имамутдинов). Такой же обряд отмечен у уйгуров и мусульман Кавказа (Чвырь 2006: 71).

Обряд обрезания

Л.И. Чвырь отмечает, что этот обряд не упоминается в Коране, однако в мусульманской среде он считается исконным элементом предания, позднее вошедший в шариат. Установлено, что у арабов и у других мусульманских народов обычай обрезания восходит к домусульманским временам, возможно, его прообраз – возрастные инициации юношей в родоплеменном обществе (Чвырь 2006: 87). Обряд обрезания распространился среди томских татар с проникновением мусульманства. Совершали его мальчикам в год, два, а иногда – в 10 лет. В некоторых деревнях томских татар этот обряд был распространен до 1950-х годов. Затем настало время упадка исполнения обряда (Томилов 1982: 148, 152). У уйгуров этот обряд называли по-разному: *сюннэт-той(и)*, *хэтнэ-той(и)*. Обычно проводили весной или осенью, после исполнения ребенку трех, пяти или семи-девяти лет [до двенадцати] (Чвырь 2006: 88).

«В настоящее время в г. Томске обрезание мальчикам стараются сделать до семи лет, или хотя бы до 17. Сейчас это происходит, если происходит, конечно, при помощи врача. В Томске это делается в Детской городской больнице № 4 как обычная операция, после консультации врача. Обрезание происходит, прежде всего, по настоянию родителей или бабушек, дедушек, но бывает, что мальчик и сам проявляет желание. После обряда проводится *суннэт ашы*. На него приглашают муллу для чтения сунн, после устраивают угощение. В Томске сначала подают первое, второе,

потом чай, а у татар-мишар сначала чай, потом первое и второе. Мальчик получает подарки, чаще всего так и уговаривают ребенка совершить данный обряд» (ПМА 2: Камалетдинова). В д. Эуште про *суннэт ашы* не знают. Обрезание там проводили в нечетные года жизни ребенка 1, 3, 5, 7 и крайний возраст – 11 лет. Также подтверждают, что обрезание совершают в 4-й детской больнице г. Томска (ПМА 2: Сулейманова). Но, в основном этот обряд отошел на периферию обрядовой жизни, и в наши дни мужчины, которым не делали обрезание в детстве, если приходят к осознанию необходимости проведения такого обряда (как обряда приобщения к исламской религии), делают его уже в зрелом возрасте (Чигрина 2011: 202).

* * *

Итак, томские татары – этнос, который воспринял в себя веяния тюркских народов, а позднее каноны исламской религии. Рассмотрев родильный обряд томских татар в сравнении с другими тюркоязычными народами, среди которых были как мусульмане, так и приверженцы других конфессий – алтайцы, тувинцы, казахи, киргизы, уйгуры – приходим к выводу, что традиционный обряд конца XIX века сохранил общетюркские элементы, которые имеют сходства со структурой обряда других народов.

Стоит отметить, что наполненный еще в начале XX века разнообразными обрядами родильный комплекс томских татар к XXI в. значительно «обеднел». В прошлом осталось приглашение повитухи на роды, *карын цац* – первое сбривание волос новорожденного, обряд *бебей туй* – праздник рождения, *бишек туй* – перекладывания в колыбель, *бала туй* – детский праздник.

Распространение ислама на территории проживания томских татар, переселение татар Поволжья, привели к сложению своего варианта обрядности. Одномоментно отказаться от своих традиций они не могли. И в родильном обряде ислам оказал поверхностное влияние, лишь оставив след своего присутствия. Проявился он в обязательном приглашении муллы, чтении молитв. В настоящее время ислам – одна из главных идентификационных характеристик татар. При этом томские татары сохраняют язык и это проявляется в местных названиях обрядов. Сохранился обряд обрезания и *исем кушу* – наречение ребенка именем, в которых сохранилось исламское влияние. Иногда проводится *бебей туй* – праздник рождения.

Компонентное рассмотрение родильной обрядности томских татар позволило выделить изменения, которые произошли. Безусловно, к «сильным» инновациям, которые укоренившись в татарской культуре стали традицией, следует отнести рождение детей в медицинском учреждении, гражданскую торжественную регистрацию ребенка в органах ЗАГС, закрепление права выбора имени ребенку за родителями младенца и ежегодное празднование дней рождений.

Наиболее в полном виде родильный комплекс обрядов томских татар представлен в конце XIX – начале XX века. В советский период происходили изменения, связанные с насаждением антирелигиозной, социальной политики, в образовании, которые повлекли за собой отказ от некоторых обрядов. В постсоветский период наблюдается резкое сокращение и упрощение родильного комплекса обрядов томских татар. На этот процесс влияют, прежде всего, бытовые русско-татарские контакты, следствием чего являются русские заимствования в традиционной культуре томских татар.

Культура томских татар характеризуется достаточно выраженными исламскими

чертами. В тоже время в их родильном обрядовом комплексе сохранились элементы общетюркского культурного наследия. Синтез мусульманских и языческих (общетюркских) элементов в родильном обряде может служить определяющей чертой, которая носит идентификационный характер татар Томской области и определяет оригинальность культуры представителей данного этноса. Общетюркские обряды, несвязанные ни с одной мировой религией, осмысливаются томскими татарами в рамках исламской религии, которая определяет их современную идентичность.

В статье используются фотографии: каталога татарской коллекции Томского областного краеведческого музея. URL: <http://catalog.tomskmuseum.ru/tat/>; материалы архива Томского областного краеведческого музея.

Источники и литература

- Арутюнов 1989 – Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука. 1989.
- Бояришинова 1950 – Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Издание Томского гос-го ун-та, 1950. Т. 112.
- Бурнаков 2011 – Бурнаков В.А. Ребенок в традиционной обрядности хакасов // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию ист.-этногр. исслед. сектора уст. истории и этнографии ЛИК АлтГПА. Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 8. С. 92–96.
- Бутанаев, Монгуш 2005 – Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005.
- Волков 2010 – Волков В.Г. Татарские селения окрестностей Томска в начале XVIII века // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник научных трудов. Омск, 2010. Ч.1. С. 87–94.
- Геннеп 1999 – Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
- Георги 2007 – Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / И.-Г. Георги; предисл. и прим. В.А. Дмитриева. Перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.; изд. 2-е. СПб.: Русская симфония, 2007.
- Губаева 2001 – Губаева С.С. Путь в зазеркалье (Похоронно-поминальный ритуал в обрядах жизненного цикла) // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Наука, 2001. Вып. IV. С. 164–174.
- Губайдулина 2002 – Губайдулина Ю.М. Эволюция семейных обрядов томских татар (на материале исследований 1980–1990-х гг. в д. Черная речка) // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 426–428.
- Емельянов 1980 – Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Издательство ТГУ, 1980.
- Жидкова 2012 – Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, Церковь. 2012, № 3–4. С. 408–429.
- Львова, Нам, Наумова, Кутилова 2000 – Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И., Кутилова Л.А. Томские татары: состав и размещение // Томские татары в прошлом и настоящем. Сборник документов и материалов. Томск, 2000. С. 20–28.
- Маркова 2007 – Маркова М.Ф. Идентичность томских татар на рубеже XIX–XX веков // Де-

- финиции культуры: Сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. VII. С. 198–202.
- Маркова 2008 – Маркова М.Ф. Семейные традиции и обычаи татар-мусульман Томской губернии на рубеже XIX–XX веков // Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиция и современность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. (Серия «Монографии»; Вып. 23). С. 25–37.
- Могильников 1987 – Могильников В.А. Миграции и процесс тюркизации населения юга Западной Сибири // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 109–113.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Г. Томск, р-н спичечной фабрики. Март–май 2010 гг. (информант: А.А. Муслимова, 1960 г.р.). Г. Томск декабрь 2010 гг. (информанты: Н.И. Сайфулмулюкова, 1958 г.р., Н. Баширова, 1993 г.р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Г. Томск, пос. Тимирязево. Сентябрь 2014 – май 2015 г. (информанты: Н.Р. Урманчеева, 1931 г.р.). Г. Томск д. Эушта 2015 г. (информант: З.Н. Сулейманова, 1960 г.р.). Г. Томске 2015 г. (информанты: А.Ш. Бодрова, 1965 г.р., З.С. Камалетдинова, 1966 г.р.; Д. Назмутдинова, 1983 г.р., Р. Имамудинов, 1987 г.р.).
- Сапалова 2010 – Сапалова Д.У. Традиционная родильная обрядность якутов и кыргызов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 2. С. 72–77.
- Тадышева 2011 – Тадышева Н.О. Современные обряды, связанные с ребенком, у алтайцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию ист.-этногр. исслед. сектора уст. истории и этнографии ЛИК АлтГПА. Вып. 8. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 119–122.
- Тадышева 2013 – Тадышева Н.О. Традиционные нормы поведения алтайцев в контексте семейной обрядности // Вестник Томского государственного университета. История, 2013. № 4 (24). С. 101–103.
- Томилов 1969 – Томилов Н.А. У татар Томской и Новосибирской областей // Из истории Сибири. Полевые работы 1969 года. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. Вып. 2. С. 103–145.
- Томилов 1980 – Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск: Издательство Томского университета, 1980.
- Томилов 1982 – Томилов Н.А. Обряды томских татар при рождении детей // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 143–153.
- Томилов 1983а – Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983.
- Томилов 1983б – Томилов Н.А. Семья и семейный быт тюркоязычного населения Томского Приобья в прошлом и настоящем // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. Вып. II. С. 55–62.
- Уразманова 2001 – Уразманова Р.К. Обряды связанные с рождением ребенка // Татары. М.: Наука, 2001. С. 356–361.
- Фальк 1824 – Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента, с прим., изъясн. и дополн. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька / Пер. с нем. П. Петрова. Спб.: При Имп. АН, 1824.
- Чвырь 2006 – Чвырь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. М.: Вост.лит., 2006.
- Чигрина 2011 – Чигрина Е.В. Татары татарской горы (о татарах района Спичфабрики г. Томска) // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования: Сборник трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Томск: Издательство ТГПУ, 2011. Вып. 4. С. 197–207.
- Чигрина 2015 – Чигрина Е.В. Отражение религиозной идентичности в семейной обрядности томских татар // Вестник Томского государственного университета, 2015. № 397. С. 193–196.
- Шерстова 2005 – Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические

процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.

Russia: or, A compleat historical account of all the nations which compose that empire. The second volume. London, Printed for J. Nichols, T. Cadell, in the strand, H. Payne, Pall-mall. And N. Conant, Fleet-street. 1780.

References

- Arutiunov S.A.* Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeistvie. Moscow: Nauka. 1989.
- Boiarshinova Z.Ia.* Naselenie Tomskogo uezda v pervoi polovine XVII veka // Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuibysheva. Tomsk: Izdanie Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 1950. Vol. 112.
- Burnakov V.A.* Rebenok v traditsionnoi obriadnosti khakasov. Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii: materialy 8-i mezhdunar. nauchn. konf., posviashch. 20-letiiu ist.-etnogr. issled. sektora ust. istorii i etnografii LIK AltGPA. Barnaul: AltGPA, 2011. Vol. 8. Pp. 92–96.
- Butanaev V.Ia., Mongush Ch.V.* Arkhaicheskie obychai i obriady saianskikh tiurkov. Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2005.
- Chigrina E.V.* Otrazhenie religioznoi identichnosti v semeinoi obriadnosti tomских татар // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015. No. 397. Pp. 193–196.
- Chigrina E.V.* Tatary tatarskoi gory (o tatarakh raiona Spichfabriki g. Tomska). Arkheologii i etnografiia Priob'ia: Materialy i issledovaniia: Sbornik trudov kafedry arkheologii i etnologii TGPU. Tomsk: Izdatel'stvo TGPU, 2011. Vol. 4. Pp. 197–207.
- Chyvr' L.A.* Obriady iverovaniia uigurov v XIX–XX vv.: ocherki narodnogo islama v Turkestane. Moscow.: Vost. lit., 2006.
- Emel'ianov N.F.* Naselenie Srednego Priob'ia v feodal'nuiu epokhu. Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 1980.
- Fal'k I.P.* Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoiu Akademiei Nauk, po predlozheniiu ee prezidenta, s prim., iz'iasn. i dopoln. Vol. 6. Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka / Per. s nem. P. Petrova. St. Petersburg: Imp. AN, 1824.
- Gennep A., van.* Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov / Per. s frants. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literature» RAN, 1999.
- Georgi I.-G.* Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostoprimechatel'nostei / I.-G. Georgi; predislovie i primechanie V.A. Dmitrieva. PerepechataNo. s izdaniya 1799 g. s ispravleniyami i dopolneniyami; izdanie 2-e. St. Petersburg: Russkaia simfoniia, 2007.
- Gubaeva S.S.* Put' v zazerkal'e (Pokhoronno-pominal'nyi ritual v obriadakh zhiznennogo tsikla) // Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik. Moscow: Nauka, 2001. Vol. IV. Pp. 164–174.
- Gubaidulina Iu.M.* Evoliutsiia semeinykh obriadov tomских татар (na materiale issledovaniia 1980–1990 gg. v d. Chernaia rechka). Tiurkskie narody. Materialy V-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri». Tobol'sk-Omsk: OmGPU, 2002. Pp. 426–428.
- L'vova E.L., Nam I.V., Naumova N.I., Kutilova L.A.* Tomskie tatary: sostav i razmeshchenie // Tomskie tatary v proshlom i nastoiashchem. Sbornik dokumentov i materialov. Tomsk, 2000. Pp. 20–28.
- Markova M.F.* Identichnost' tomских татар na rubezhe XIX–XX vekov // Definitcii kul'tury: Sb. trudov uchastnikov Vserossiiskogo seminar molodykh uchenykh. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2007. Vol. VII. Pp. 198–202.
- Markova M.F.* Semeinye traditsii i obychai tatar-musul'man Tomskoi gubernii na rubezhe XIX–XX vekov. Dukhovnye tsennosti islama i obrazovanie: istoriko-kul'turnaia traditsiia i sovremennost'. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2008. (Seriia «Monografii»; Vol. 23). Pp. 25–37.
- Mogil'nikov V.A.* Migratsii i protsess tiurkizatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri. Smeny kul'tur i migratsii v Zapadnoi Sibiri. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1987. Pp. 109–113.
- Russia: or, A compleat historical account of all the nations which compose that empire. The second

- volume. London, Printed for J. Nichols, T. Cadell, in the strand, H. Payne, Pall-mall. And N. Conant, Fleet-street. 1780.
- Sapalova D.U.* Traditsionnaia rodil'naia obriadnost' iakutov i kyrgyzov // Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia, 2010. No. 2. Pp. 72–77.
- Sherstova L.I.* Tiurki i russkie v Iuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaia dinamika XVII – nachala XX veka. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 2005.
- Tadysheva N.O.* Sovremennye obriady, sviazannye s rebenkom, u altaitsev. Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii: materialy 8-i mezhdunar. nauchn. konf., posviashch. 20-letiiu ist.-etnogr. issled. sektora ust. istorii i etnografii LIK AltGPA. Vol. 8. Barnaul: AltGPA, 2011. Pp. 119–122.
- Tadysheva N.O.* Traditsionnye normy povedeniia altaitsev v kontekste semeinoi obriadnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, 2013. No. 4 (24). Pp. 101–103.
- Tomilov N.A.* Etnografiia tiurkoiazycznego naseleniia Tomskogo Priob'ia. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1980.
- Tomilov N.A.* Obriady tomских татар при рождении детей. Arkheologii i etnografiia Priob'ia. Tomsk, 1982. Pp. 143–153.
- Tomilov N.A.* Ocherki etnografii tiurkского населения Tomskogo Priob'ia. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1983a.
- Tomilov N.A.* Sem'ia i semeinyi byt tiurkoiazycznego населения Tomskogo Priob'ia v proshlom i nastoiashchem // Istoricheskaiia etnografiia: traditsii i sovremennost'. Problemy arkheologii i etnografii. Vypusk II. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1983. Pp. 55–62.
- Tomilov N.A.* U tatar Tomskoi i Novosibirskoi oblasti // Iz istorii Sibiri. Polevye raboty 1969 goda. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1969. Vol. 2. Pp. 103–145.
- Urazmanova R.K.* Obriady sviazannye s rozhdeniem rebenka. Tatars. Moscow: Nauka, 2001. Pp. 356–361.
- Volkov V.G.* Tatarskie seleniia okrestnostei Tomsk v nachale XVIII veka // Sibirskaiia derevnia: istoriia, sovremennoe sostoianie, perspektivy razvitiia. Sbornik nauchnykh trudov. Vol. 1. Omsk, 2010. Pp. 87–94.
- Zhidkova E.* Sovetskaia grazhdanskaia obriadnost' kak al'ternativa obriadnosti religioznoi // Gosudarstvo, religiia, Tserkov', 2012. No. 3–4. Pp. 408–429.

E.V. Liliavina. The evolution of the maternity rites of Tomsk Tatars in the the XX – XXIs.

A traditional maternity ritual consists in prenatal cycle from the moment of conception of the child and observance of prohibitions that accompanied the pregnant woman, birth and postnatal period. Religious ceremonies have the aim to protect the child from the evil forces in postnatal cycle. The materials, based on the interviews, allow to investigate the processes of the transformation of the maternity ceremony traditions. Modern maternity ritual of Tomsk Tatars were largely formed under the influence of Islam. However, a comparative analysis of the maternity ritual of Russian Tatars and of Turkic people allow to catch some pre-Islamic elements, as well as the synthesis of pre-Islamic and Islamic tradition of Tomsk Tatars and neighboring Russian population.

Key words: *Tomsk Tatars, maternity rituals, religion, tradition, innovation.*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 655.552

© С.В. Чешко

**РЕЦ. НА: САВИНОВ Л.В. УПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫМИ
ОТНОШЕНИЯМИ: учеб. пособие. РАНХиГС, Сиб. Ун-т упр.
Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. – 164 с.**

В последние десятилетия в нашей стране издавалось так много книг, не говоря уже о статьях, касающихся этнополитической проблематики, что даже занимающимся ею исследователям бывает трудно уследить за новыми публикациями. Вот и работу Л.В. Савинова я обнаружил случайно. Это небольшая книжка, изданная мизерным тиражом – всего 69 экземпляров. Но меня она заинтересовала по двум причинам.

Во-первых, автор работы, Леонид Вячеславович Савинов, является деканом факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. То есть это человек, который, видимо, в значительной степени причастен к ретрансляции идеологии федерального центра, в том числе в области этнической политики.

Во-вторых. Учебное пособие – это особый и очень трудный жанр. Учебник, по определению, предназначен для того, чтобы дать обучаемым минимально необходимую информацию о соответствующем предмете обучения, необходимую для их дальнейшей профессиональной практической деятельности – будь то управление, преподавание, или что-то еще.

Этнополитология – это особый случай. Данная дисциплина, как и составляющая ее основу теоретическая этнология, чрезвычайно сложна для дидактических целей. Ее понятийный аппарат трудно превратить в некие общепризнанные нормы, пригодные для преподавания и заучивания, а без такого «школярства» невозможна обучающая деятельность, даже в учебном заведении со столь высоким статусом и столь важными задачами, как РАНХиГС.

Начать с того, что сама этническая материя со времен ее появления в исследовательском поле науки (в 1960–1970-е годы: в нашей стране в виде «теории этноса», на Западе – в виде «этничности») и доныне остается предметом оживленных и подчас

довольно ожесточенных споров. «Победителей» в таких дискуссиях не бывает. Поэтому, наверное, они протекают в циклическом режиме, периодически то оживляясь, то затухая, соответственно росту или паданию оптимизма относительно возможности решить проблему понимания сути этнического и выразить ее в каких-то четких формулировках. Во всяком случае, в отечественной этнологии в течение многих последних лет продолжается, пожалуй, как раз период спада (см.: Чешко 2014: 21).

Впрочем, большинство отечественных авторов, пишущих на этнологические и этнополитические темы, но плохо разбирающихся в эволюциях этнологической мысли, кажется, пребывают в убеждении, что «победа» все же состоялась: победил *конструктивизм*, а проиграл *примордиализм*, к которому причисляют и советскую «теорию этноса». Поэтому и пишут с позиций «прогрессивного» конструктивизма, обычно понимаемого довольно поверхностно. Ситуация во многом напоминает риторику официозного обществоведения советских времен, только с точностью наоборот. Тогда «правильный» исторический материализм противопоставлялся «буржуазной науке», теперь же «правильный» конструктивизм противопоставляется неправильной «теории этноса» и вообще всему, что в той или иной степени ассоциируется с марксизмом и теоретическими построениями советской этнографической школы.

В результате в качестве базы этнополитологических текстов закладываются нередко весьма догматизированные представления о закономерностях и механизмах движения этнической материи, от чего такие штудии оказываются малопригодными для исследования, анализа, интерпретации реальных этнополитических или этнокультурных процессов. А если дело доходит до учебных пособий, то получается и вовсе плохо. Но и в тех случаях, когда учебники пишут профессиональные этнологи, в квалификации которых невозможно усомниться, то тоже не всегда получается удачно, но уже по другой причине – в силу чрезмерного углубления и, соответственно, окунания студентов в нюансы этнологической теории. Одно дело писать научные труды, рассчитанные на коллег-ученых, и другое дело – учебные пособия для тех, чья задача состоит в том, чтобы учиться, а потом сдавать экзамены и зачеты. Для них надо бы попроще, подходчивей, чтобы можно было запомнить и «разложить по полочкам». Разумеется, при этом нельзя и впадать в другую крайность – сознательное упрощение излагаемой проблематики.

Так вот, об учебнике* Л.В. Савинова. Симптоматично само название – «Управление национальными отношениями». И это, видимо, не оговорка. Автор определяет (с. 4) в качестве основной задачи своего труда «развитие аналитических навыков, использование современных методов исследования, диагностики и оценки процессов, связанных с *управлением этнонациональными отношениями*» (курсив мой – С.Ч.). Оговоркой, скорее, можно считать использование словосочетания «национальные отношения», поскольку, судя по тексту учебника, автор понимает различия между *национальным* и *этническим*.

Обращает на себя внимание типичный бюрократический подход к пониманию роли государства как института, который обладает правом и способностью эффективно *управлять* всем в делах общества. Если бы так было, то не было бы нужды, например, в рыночной экономике, в общественных объединениях и движениях – да

* Для краткости я употребляю термин «учебник», хотя рецензируемая публикация имеет статус *учебного пособия*. Разница заключается, в частности, в том, что учебное пособие как жанр несколько менее «канонический» допускает некоторые авторские вольности.

во всей совокупности негосударственных структур и инициатив, именуемой гражданским обществом. А в области этнокультурного развития не потребовался бы институт национально-культурной автономии. Дело-то как раз в том и состоит, что управленческая компетенция государства ограничена (сферами обороны, обеспечения правопорядка, руководством стратегическими отраслями экономики), а его главная функция заключается в *регулировании* общественных процессов путем создания законодательных и иных условий развития общества. «Управление» и «регулирование» – это вовсе не игра слов. Если этого не будут понимать будущие чиновники, которых готовит РАГСИНХ, то они не смогут понять и разницы между, например, тоталитаризмом и демократией. Странно, что это надо объяснять после драматических коллизий, приведших к становлению нынешнего российского/постсоветского государства. И будто бы не было весьма противоречивой политики в «национальном вопросе», которая явилась одной из причин распада СССР.

В числе задач, определяемых Л.В. Савиновым для своей работы, значится: «... уметь разрабатывать программы этнополитики и определять возможности их реализации в условиях конкретного социального пространства и времени» (с. 5). Да извинит меня автор, но это выглядит как задача ученикам ПТУ научиться сколотить табуретку. В 1990-е годы целые коллективы сотрудников Госкомнаца, а затем и Министерства по делам национальностей трудилась над такими программами. В результате удалось разработать и принять несколько не очень плохих законов и подзаконных актов.

Апофеозом явилась «Стратегия государственной политики Российской Федерации до 2025 года». Она не лишена недостатков, но я бы выделил ее определенные достоинства. Первое – там есть много правильных положений и нет явно вредных. Второе, и самое, главное: Концепция имеет общеидеологический характер, это не детализованная инструкция по *управлению*, а разъяснение по *регуливанию*.

А всевозможных «программ», сочиненных в федеральных ведомствах, мне приходилось видеть и рецензировать немало. В своем большинстве такие программы содержали благопожелания и перечень запланированных этнографических шоу в виде конференций, семинаров, фестивалей и т.п. Что имеет в виду Л.В. Савинов, неясно, поскольку он не приводит конкретных методических рекомендаций, как такие программы надо составлять. Указание на необходимость «конкретного социального пространства и времени» должно подкрепляться именно конкретикой, которой в учебнике Л.В. Савинова нет. Рассуждения об этнической тематике без основательной этнологической подготовки, которая отсутствует в подавляющем большинстве российских вузов, обречены быть схоластикой.

Верхом амбициозности Л.В. Савинова является его намерение «обучить основным методикам и технологиям разрешения межэтнических противоречий и конфликтов» (с. 4). Тот, кому бы это удалось сделать, был бы, полагаю, немедленно удостоен Нобелевской премии и многих других почестей.

В главе 1 «Основные положения этнополитики» (наверное, все же правильной «положения этнополитологии») приводятся всевозможные дефиниции, авторские размышления о содержании этнополитики и этнополитологии. Тут есть с чем поспорить, но вряд ли надо тратить на это время и листаж – эти рассуждения слишком схоластичны, чтобы они могли рассматриваться в качестве какой-то авторской позиции или полезного для студентов материала. Для наглядности приведу только один пример.

«Этнизация – пишет Л.В. Савинов, – это процесс преднамеренного или непреднамеренного включения этнического в социальные явления и процессы; это выстраивание микросистемы, в том числе из этнических конструкций, этническими антрепренерами. *Этнизация* – это придание социальным явлениям и процессам этнического содержания, т. е. фактически это конструирование-описание микросистемы все теми же этническими антрепренерами» (с. 13). И кто это может понять?

Данная глава, как и почти все остальные, изобилует наукообразными сентенциями, ничего не дающими для тематики учебника и лишь отвлекающими читателя/студента от ее освоения. Тоже лишь один пример, чтобы не быть голословным. «Следовательно – рассуждает автор, – общественное (социальное) сознание в самом широком смысле есть углубленный поиск онтологичности происходящего в социальном пространстве и времени, либо постижение трансцендентных форм бытия. Поэтому окружающий нас пространственно-временной континуум – это уже не только и не столько микросистема в социальной перспективе, сколько трансцендентальная метареальность, конструируемая, реконструируемая в каждой точке пространственно-временных координат...» (с. 10).

И, конечно, куда же деваться без *примордиализма* и *конструктивизма*! Похоже, эта тема стала чем-то вроде «Карфаген должен быть разрушен». Автор обращается к ней в связи с размышлениями о соотношении коллективных и индивидуальных прав и, в частности, о праве на самоопределение.

Л.В. Савинов пишет: «Примордиалисты же призывают своих коллег объединиться в поисках ответа на сакраментальный вопрос о том, как соотносить принцип государственной целостности со стремлением народов к самоопределению». И далее: «Конструктивисты же, напротив, полагают, что наиболее разумной для ответственных политиков и общественных деятелей представляется стратегия игнорирования деклараций о самоопределении» (с. 20).

С сожалением приходится констатировать, что автор пишет о том, чего не знает и не понимает. Водораздел во мнениях о соотношении коллективных и индивидуальных прав вовсе не проходит по линии примордиализм – конструктивизм. Эта методологическая коллизия не имеет никакого отношения к дискуссиям о праве на самоопределение. Проблема противоречия между самоопределением и императивом суверенитета и целостности государств, заложенная в документах ООН, давно признана и обсуждается представителями самых разных научных дисциплин, в том числе юристами, слыхом не слышавших о примордиализме и конструктивизме.

Чтобы закончить с этой, уже порядком надоевшей темой. Автор пишет о недостатках советской этнологической школы «основанной в значительной степени на крайне примордиалистском (природно-историческом) понимании сущности этноса и этничности», на котором «была построена и вся советская национальная политика» (с. 23). И еще мы узнаем: «Одной из наиболее ошибочных и опасных по своим политическим последствиям позиций советской национальной политики был принцип исторической иерархии форм этноса – “племя – народность – нация”» (с. 23).

Судя по всему, Л.В. Савинов просто не читал, например, работы Ю.В. Бромлея, который и ввел в широкий научный оборот понятие «этнос» и который рассматривал его как явление социальное. А о природном характере этносов писал С.М. Широкогоров, уподоблявший их биологическим видам. Но его никак нельзя отнести к представителям советской этнологии. Видимо, автор не читал и И.В. Сталина, литературу сфор-

мулировавшего знаменитую триаду, которую, кстати, критиковал тот же Бромлей. Сталин писал не о формах этноса, а об «исторических общностях людей». И совсем непонятно, чем это так опасна сталинская триада.

И последнее – это уже из главы 3 «Нации и национализм» (кстати, не очень хорошо заимствовать название известной книги Э. Геллнера). «Примордиалистский подход – утверждает автор, – строится на представлении о том, что этносы являются естественной и неизменной данностью» (с. 68). Беру на себя ответственность возразить, что такое представление вообще никто и никогда не высказывал, в том числе ученые, на которых ссылается Л.В. Савинов, – П.Л. Ван ден Берге и Э. Смит. А вот в Википедии можно вычитать именно такое понимание примордиализма.

Вообще говоря, в рецензируемом сборнике применяется весьма своеобразная система ссылок. Автор охотно цитирует авторов, писавших на философские и общесоциологические темы, не имеющие отношения к предмету. Но не приводит ни одной ссылки на первоисточники, когда речь заходит о методологии исследования этнополитических проблем. Так, он пишет: «... В. Тишков предлагает “нулевой вариант”, т. е. отказ от попыток определения научных понятий нации вообще...» (с. 62). А ссылка дается на публикацию самого Л.В. Савинова. И закрадывается мысль, что это сделано, видимо, не только по причине небрежного отношения к правилам ссылок, а и для того, чтобы предельно затруднить читателю возможность проверить. Не ссылается автор и на работу Б. Андерсона, о позиции которого сказано так: «Согласно этому подходу, нация и, соответственно, национализм являются искусственными конструктами» (с. 69). Обычно в таком роде пишут те, кто у Андерсона не прочитал ни одной страницы, за исключением названия книги – «Imagined Communities».

Не буду останавливаться на главе 2 «Зарубежный опыт этнополитики», но и не решился бы рекомендовать ее к изучению. Изложить на 34-х страницах даже лишь наиболее важные вехи этнополитики в Китае, Турции и странах Западной Европы, ее даже лишь наиболее важные особенности, без риска упрощения и упущения существенных моментов, представляется несколько самонадеянным делом. О наиболее интересных положениях третьей главы уже говорилось.

Глава 4 – «Нациестроительство. Российская формула гражданской нации». Здесь мое внимание привлекли две темы.

Л.В. Савинов вновь обращается к проблеме соотношения индивидуальных и коллективных прав. Он исходит из «категоричного императива» равноправия граждан перед государством и приходит к выводу, что поэтому «теряет всякий смысл спор о приоритетах или даже паритетах между личными и групповыми правами»; «никакого примата групповых этнических прав над индивидуальными быть не может» (с. 88).

Надо отдать должное смелости автора, который сильно рисковал подставиться под ожесточенную критику идеологов этнонационализма. Надо, кстати, заметить, что именно для этой идеологии, мало что имеющей с методологическими построениями в этнологии/антропологии, а вовсе не для примордиализма, характерно многое из того, за что Л.В. Савинов критикует эту парадигму.

Не скрою, позиция Л.В. Савинова мне понятна и близка. Но, думаю, не следовало быть столь категоричным в учебном пособии. Да, гражданское равноправие и полноправие есть фундаментальное условие удовлетворения интересов также отдельных групп людей. Но в чистом виде такая причинно-следственная связь возможна, наверное, в каком-то идеальном, рафинированном обществе, лишенном социальных проти-

воречий. Реально же любое общество нуждается в специальном регулировании прав коллективных – например, прав пожилых людей и инвалидов, детей и других групп населения. Сюда же можно отнести и этнокультурные права, но эта область гораздо менее очевидна, поскольку всегда возникает вопрос, можно ли выделить безусловно общие, единые интересы для целых этнических сообществ. Скорее всего, нет.

А другая тема – это понимание автором российской нации. Автор полагает, что «Российскую Федерацию можно с уверенностью отнести к примеру подвижной полиэтнической нации со всеми вытекающими отсюда последствиями: сложностью процесса национальной самоидентификации, угрозами потери цивилизационной (социокультурной) специфики, вызовами новых этнонационализмов и, наконец, острой необходимостью поиска национальной идеи». И еще: «Так, еще не сформулирован убедительный ответ на вопрос: что есть и как возможна российская нация? Более того, в сознании большинства россиян закрепилось ошибочное суждение об исконной предопределенности межэтнических эксцессов и конфликтов...» (с. 78).

В этих пассажах все вызывает вопросы. Что такое «подвижная нация»? В чем заключается сложность национальной самоидентификации в российских условиях? Где автор обнаружил признаки потери «цивилизационной специфики»? С чего он взял, что большинство россиян страдает этническими фобиями? Мне не известно ни одного исследования, ни одного массового опроса общественного мнения, которые подтверждали бы такое утверждение. Скорее, наоборот. Наконец, сколько можно твердить о пресловутой «национальной идее» и тиражировать этот надуманный лозунг, а тут еще и вбивать его в головы студентов? И сколько можно горевать по поводу российской нации? Она давно существует.

А заключает главу совершенно непонятная дефиниция: «Таким образом, *формулу российской гражданской нации можно определить как этничность* (императив обеспечения этнокультурных потребностей, сохранения этнокультурной идентичности) – *русская цивилизационная идентичность* (пространство русского мира, скрепляемое русским языком) – гражданственность (надгрупповая общегражданская российская национальная идентичность)» (с. 91). Этничность, гражданственность, русскость, российскость, цивилизованность – все смешано в кучу.

В главе 5 «Государственная этнополитика» рассматриваются вопросы этнической политики в постсоветской России. Привлекают некоторые здравые мысли, высказанные автором.

К тому, о чем я писал выше. Л.В. Савинов, оказывается, все же понимает необходимость специальных мер в сфере этнокультурных прав: «...актуальна государственная поддержка коренных исчезающих этнических общностей...» (с. 102). Автор делает важное уточнение: «Деление населения на коренное и некоренное в ином контексте представляется некорректным, поскольку все народы России считают ее своей исторической родиной» (с. 102). И, на мой взгляд, он совершенно прав, считая, что ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» должен распространяться «и на лиц, не относящихся к малочисленным народам, но постоянно проживающих в местах традиционного проживания и осуществляющих традиционное хозяйство названных народов» (с. 102). Такое мнение высказывалось уже давно (прежде всего, речь идет о некоторых старожильческих группах русских в Сибири), но пока оно не находит понимания у федеральных законодателей.

Вызывает только вопрос, где это в России автор нашел исчезающие народы? Воз-

можно, одна из уникальных особенностей отечественной истории как раз в том и состоит, что на ее протяжении не было таких случаев, обусловленных целенаправленной политикой государства, будь-то царская Россия, СССР или современная Российская Федерация. Изменения в номенклатуре этнических общностей, фиксировавшихся в советских и постсоветских переписях населения (их становилось то меньше, то больше), объясняются отчасти самой процедурой переписей, а отчасти естественными процессами внутриэтнической консолидации, когда субэтнические или контактные группы растворялись в более крупных этнических образованиях. Впрочем, в последние десятилетия наблюдается и обратный процесс, связанный с феноменом «проснувшейся этничности». А большинство народов, включенных в «Единый перечень коренных малочисленных народов», становятся все более многочисленными.

Редкостью для отечественных публикаций является позиция автора в отношении понятия «диаспора»: «... наличие совокупности лиц одной этнической принадлежности, живущих вне этнонационального очага, пусть даже многочисленных и укорененных на новой родине, – это еще не диаспора, а только необходимое условие ее реализации. В силу этого, например, невозможно говорить об алтайской или тувинской диаспоре в Новосибирске, однако существует армянская или казахская диаспоры» (с. 112).

Непонятно, правда, что имеется в виду под «условиями реализации». Если автор думает, что логика заключается в том, что мигрантская группа, не будучи первоначально «диаспорой», по мере укоренения становятся таковой, то это, как минимум, небесспорная логика. Скорее наоборот, она становится коренной этнической группой, все больше уходящей от своей исторической родины и все больше интегрирующейся в родину новую. Казахо́в в Оренбургской области или армя́н в Москве, в Ростовской области и Краснодарском крае вряд ли можно считать диаспорой (подробней о моей позиции см.: *Cheshko* 2015).

Оставляю без комментариев главу 6 «Особенности региональной этнополитики» и главу 7 «Миграция как фактор этнополитики». Разве что последняя глава выглядит не на своем месте.

В целом работа Л.В. Савинова, на мой взгляд, небезинтересна – во всяком случае тем, что она довольно типична для современных отечественных авторов, рассматривающих этничность и этнополитические проблемы в ракурсе абстрактных, зачастую оторванных от реальности суждений и понятийных стереотипов. А вот как учебное пособие, это пример того, как такие пособия писать не надо.

Литература

- Чешко 2014 – Чешко С.В. Вспомнить об «этносе»? // Вестник антропологи, 2014. № 2 (28). С. 20–25.
- Cheshko 2015 – Cheshko Sergei. «Diaspora» in the Contemporary World What is It? // International Journal of Global Diaspora Studies, 2015. Vol. 1. No. 2. Pp. 3–10. URL: www.wadis.or.kr.

References

- Cheshko S.V. Vspomnit' ob "etnose"? // Vestnik antropologii, 2014. No. 2 (28). Pp. 20–25.
- Cheshko Sergei. «Diaspora» in the Contemporary World – What is It? // International Journal of Global Diaspora Studies, 2015. Vol. 1. No. 2. Pp. 3–10. URL: www.wadis.or.kr.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

УДК 347.781.54

Е. Королева

КОГДА УХОДИТ ЭНЕРГИЯ ДОВЕРИЯ*

Вестник антропологии, 2015. № 2 (30). С. 136–140<http://static.iea.ras.ru>**A PROPOS**© *С.В. Чешко*

А НАДО ЛИ ПЕРЕВОДИТЬ СОПРОМАТ НА ЯЗЫК АЙНОВ?

«Автор критикует изданный сборник документов ООН на языках коренных малочисленных народов российского Дальнего Востока в контексте ключевых проблем государственной политики в отношении этих народов.»

***Ответное письмо представителя коренного малочисленного народа
Севера Сахалинской области***

Уже более месяца живу под впечатлением реплик С.В. Чешко...

Вспоминала встречи на различных конференциях, семинарах и других мероприятиях с учеными Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН В.Ю. Зориным, В.А. Тишковым, Л.И. Миссоновой, Н.И. Новиковой. Предалась воспоминаниям, как впервые слушала выступление В.А. Тишкова о проблемах этнической идентичности в Институте народов Севера и осмелилась задать вопрос, вызвавший дискуссию. Как легко и доверительно общался с нами, представителями коренных этносов, известный ученый, как перевернул мое сознание и как усилил внутреннюю мотивацию: «Надо слушать людей науки!». Припомнилась позиция В.Ю. Зорина о государственно – частном партнерстве, которая, вдруг, оказалась поразительно схожа с моей, выстраданной за годы взаимодействия с нефтяными компаниями. Перебрала в памяти семинары, которые в доступной форме проводила Н.И. Новикова для коренного сообщества островного региона по проблематике критериев качества жизни и проведения этнологической экспертизы. Воссоздала первую личную встречу с Л.И. Миссоновой в Сахалинской областной Думе как поражена была я, узнав, что эта хрупкая женщина жила у оленеводов – уйльта на севере Сахалина. И Наталью Новикову, и Людмилу Миссонову сахалинские аборигены знают давно и любят как родных, и почитают за ту энергию доверия, которую излучали эти ученые, когда принесли нивхам и нанайцам, уйльта и эвенкам слово

* В этой рубрике мы публикуем письма читателей, которые поступили на адрес редакции. Письма читателей не редактируются и не комментируются.

науки! Вспомнилась и теплая встреча с Ришардом Комендой, когда он приезжал к нам в Южно – Сахалинск.

Решилась написать ответ

Автор (как указано «Писал как обычный автор», так что можно без учета регалий) проявил удивительную антинаучную дремучесть «в контексте ключевых проблем государственной политики в отношении этих народов», потому ему и не удалось «спровоцировать коллег на живую дискуссию». В основе государственной политики в отношении коренных народов лежат их права, определенные федеральным законодательством, а также международные стандарты. Просто возмутительна фраза автора: «С трудом представляю себе нивхов или эвенков, которые с наслаждением читают документы ООН на уже почти неведомых им родных языках предков». Почему такое пренебрежение к малочисленным народам со стороны главного научного сотрудника института этнологии? А что русские или англичане часто сидят и с наслаждением читают документы ООН на русском или английском языках? Речь идет о равноправии народов РФ пользоваться культурными ценностями вне зависимости от их численности! Равноправие в данном случае и заключается в праве иметь эти документы на языках народов Севера. Именно народы Сахалина сами определили необходимость существования обсуждаемого «сборника документов ООН». В этот «сборник» на языках коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области вошли: «Всеобщая декларация прав человека» и Декларация организации объединенных наций о правах коренных народов» на русском, английском, нивхском, уильтинском, нанайском и эвенкийском языках с комментариями на разных языках о самих народах и о публикуемых документах. Автор не знает реалий обсуждаемого вопроса. Автору даже не известно, что коренные народы Сахалина вовсе не относятся к «аборигенным народам Сибири», а составляют часть коренных народов Дальнего Востока. Решение о переводе и публикации было вынесено на Региональном совете уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области, поддержано Правительством Сахалинской области и при содействии Управления Верховного комиссара ООН по правам человека издано при финансовой поддержке компании «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.»

Автор утверждает, что перевод специальных текстов (научных, технических, юридических, правовых, экономических и др.) на языки аборигенных народов сопряжен с серьезными трудностями, обусловленными ограниченными лексическими возможностями, или особенностями, этих языков. Согласна. В свою очередь, перевод документов ООН на нивхский язык, выполненный В.М.Санги, основоположником нивхской литературы и автором нивхского букваря, разве не обогатил значительно нивхский язык? Помню, как на презентации в Доме ООН в Москве Владимир Санги рассказывал, что в процессе работы ему фактически пришлось создавать новый язык, а именно придумывать новую лексику и синтаксические конструкции, и стилистику, поскольку до сих пор на нивхском языке политические темы не обсуждались.

После ознакомления со статьей я позвонила учителю нивхского языка А.В. Дашиевой в пгт. Ноглики. Спросила, использует ли она на уроках переведенную на нивхский язык Всеобщую декларацию о правах человека. Аннета Валерьевна, не задумываясь, ответила, что использует как образец официального делового текста, а также всю имеющуюся литературу. Например, изданную на средства областного бюджета

«Библиотеку нивхского школьника «Я читаю с бабушкой» (автор – В.М. Санги). Как учитель английского языка, я понимаю коллегу в части обучения детей стилям и типам речи. А как разработчик Закона Сахалинской области от 16.10.2007 № 91 – 30 «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Сахалинской области», радуюсь и горжусь, что педагогическим работникам, преподающим родные языки коренных народов в образовательных учреждениях, устанавливается доплата за счет средств областного бюджета в размере 15 процентов тарифной ставки.

На рассуждения автора о средствах компании «Сахалин Энерджи» отмечу следующее. В Сахалинской области много нефтяных компаний, ведущих на разных этапах освоения природных ресурсов свою промышленную деятельность в исконной среде обитания коренных этносов. К чести компании «Сахалин Энерджи» она выполняет международные стандарты деятельности в отношении коренного сообщества. Так, принцип предварительного, добровольного и осознанного согласия коренных народов стал основополагающим в выстраивании государственно – частного партнерства между коренными народами, компанией и Правительством Сахалинской области, которые второе десятилетие совместно реализуют Третий План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области на 2016–2020 годы. Об опыте Первого Плана содействия мне довелось докладывать на Форуме коренных народов мира в ООН в 2010 году. Какое чувство гордости испытала сахалинская делегация, когда наша практика трехстороннего взаимодействия была названа лучшей в мире. Сегодня в управляющей структуре Плана содействия основная роль отведена коренным народам. Именно они сами решают вопросы распределения финансирования в объеме более 300 тысяч долларов США ежегодно. Так что прав упомянутый автором и уважаемый коренными народами Г.П. Ледков, президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, депутат Госдумы и член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям! Утверждаю это как член Правления Плана содействия.

Страшно далек автор от реалий жизни коренного сообщества Сахалинской области! Неведомо ему, что областные программы господдержки на основе заявочного принципа общин и родовых хозяйств дают возможность приобретать для коренных этносов лодки и моторы, снегоходы и автомобили, холодильное оборудование, компьютеры и факсимильную технику, сетеснастное оборудование, слайсеры для нарезки рыбы и мини - коптильни и многое другое. Знаю это как один из разработчиков этих госпрограмм. Неведомо автору, сколько нужной литературы издается для коренного сообщества по заявкам их общественных объединений на средства областного бюджета, компаний «Сахалинская энергия» и «Эксон Нефтегаз Лимитед». Вместо указанной автором «фольклористической показухи» в регионе по инициативе Регионального совета уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера второй год проходит международный семинар по внедрению методики «родового гнезда» при изучении родного языка с участием ученых из Финляндии. Проводятся обучающие семинары по традиционным промыслам для общин и родовых хозяйств. Именно на Сахалине впервые был проведен симпозиум на родных языках с участием известных ученых из Санкт-Петербурга, Японии, Польши, Хабаровского края, когда представители нивхов, нанайцев, эвенков и уйльта предъявили доклады на родных

языках. Много лет по инициативе снизу люди изучают родные языки в общественных объединениях. Например, при клубе «Нивхинка» или Охинской местной общественной организации «Центр по сохранению и развитию традиционной культуры коренных народов Севера «Кыхкых» («Лебедь»)). Возрождаются обрядовые праздники, на которых на «круглых столах» аборигены обсуждают проблемы своего развития совместно с органами власти и органами местного самоуправления.

Правительством региона решен вопрос о выделении квот на лососевые для поддержания традиционного образа жизни: любой представитель коренных этносов имеет право на вылов 300 кг в год. На 2016 год по распоряжению Губернатора О.Н. Кожемяко объем программы господдержки увеличен на 100 миллионов рублей из областного бюджета. Проблем много у коренных народов, но они решаются во взаимодействии с областной властью. Так, в соответствии с указом Губернатора в настоящее время идет процесс согласования кандидатур в Совет представителей коренных малочисленных народов Севера при Губернаторе.

Так что, уважаемый автор, проблема туалетов, поднятая Вами, осталась как Ваша реплика на бумаге! А жанр «реплики» и открытая Вами рубрика с антинаучным подходом «всезнайки» подрывает энергию доверия к известному изданию «Вестник антропологии». А надо ли переводить бумагу?

11.04.2016

Екатерина Королева, нивха, Сахалинская область.

CONTENTS

Editors-in-Chief Column

- Vasiliev S.V., Cheshko S.V.* History of Science – for Science 4

A Jubilee of Yu.V. Bromley

- S.V. Cheshko.* Heritage of Yu.V. Bromley 6
- G.A. Komarova.* The role of Yu.V. Bromley in domestic Ethnic Sociology 25
- M.N. Guboglo.* Allusions of Impressionism in Ethnic Sociology 54

Physical (biological) Anthropology Studies

- I.I. Salivon, O.V. Marfina.* The Impact of Migrations on the Anthropological Composition of the Belarus Population 81
- T.Yu. Shvedchikova, N.V. Kharlamova, A.V. Rasskazova, O.S. Chagarov.* Medieval population of North-Eastern Pontic region (case study of anthropological materials from the excavations of Christian basilica near Veseloe settlement 9-11th cent. AD) 94
- Yu.A. Yampolskaya.* Gracilization of the physique and constitutional types: population and intragroup diversity (second half of the XX century, Moscow) 117

Oral History Studies

- Sergis Manolis. G.* Memories and Oblivion: An occupied village in the Rhodopes (Western Thrace, Greece, 1941–1944) 127

Anthropological Mosaic

- T.S. Kalandarov.* To the Problem of Anthropological Study of Islam in Central Asia 152
- E.V. Liliavina.* The evolution of the maternity rites of Tomsk Tatars in the the XX – XXIs 167

Reviews

- S.V. Cheshko.* Review to: *Савинов Л.В. Управление национальными отношениями: учеб. пособие. РАНХиГС, Сиб. Ун-т упр. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. – 164 с.* 185

Readers' letters

- E.A. Koroleva.* Where does energy trust 192

- Our authors** 197

- Rules for authors** 199

OUR AUTHORS

Sergei Cheshko – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Email: ieamoscow@mail.ru.

Ongar Chagarov – Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: chagarov89@gmail.com.

Mikhail Guboglo – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Email: guboglo@yandex.ru.

Tokhir Kalandarov – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Email: tohir_s70@mail.ru.

Natalia Kharlamova – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: natasha_kharlamova@iea.ras.ru.

Galina Komarova – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Email: galakom@mail.ru.

Elena Liliavina – Tomsk state pedagogical University. Tomsk, Russia.

Email: Lena4igrina@mail.ru.

Olga Marfina – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, Republic of Belarus.

Email: belantrop@tut.by.

Anna Rasskazova – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: rasskazova.a.v@mail.ru.

Inessa Salivon – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, Republic of Belarus.

Email: belantrop@tut.by.

Manolis G. Sergis – Democritus University of Thrace. Komotini, Greek Republic.

E-mail: msergis@otenet.gr.

Tatiana Shvedchikova – Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: tashved@gmail.com.

Yulia Yampolskaya – Federal State Autonomous Institution «Scientific Center of Children's Health» Of the Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow, Russia.

E-mail: yu.yamp@rambler.ru.

ЧИТАТЕЛЯМ!

В предыдущем номере журнала по вине редакции были допущены досадные ошибки.

1. При публикации рецензии В.С. Хана приведены устаревшие данные об авторе. Правильно: кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Института истории АН РУз, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального университета Узбекистана (НУУз), советник ректора НУУз, директор Центра планирования стратегии развития НУУз. Эл. почта: khanval@yahoo.com.
2. На с. 132 (4-й абзац) следует читать: «Думаю, что читателям не составит труда сделать выводы».
3. В рецензии Герасимовой в подстрочнике не указаны ее данные, а в Содержании и колонтитулах неверно даны ее инициалы – Г.Г. Герасимова вместо М.М. Герасимова
4. В Information about the authors нет данных о С.А. Арутюнова, М.М. Герасимовой и М.В. Васехи.

Исправленная электронная версия номера Вестника антропологии 1 (33), 2016 доступна на сайтах: www.antromercury.ru и www.iea-ras.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ (АВТОРАМ)

Авторы представляют два распечатанных экземпляра работы и файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц. **Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.**

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Примечания помещаются в конце основного текста статьи, перед списком использованной литературы. Примечания должны иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами по всей работе. В выходных данных книг следует указывать город, год и издательство.

Ссылки на литературу следует давать не с помощью номерных сносок, а посредством указания фамилии автора, года работы и страницы в скобках (например: Иванов 2014: 45). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя сборника), либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор которого неизвестен (газетная заметка и т.д.), указывается также одно или два слова из начала заголовка материала (Наши будни 1999). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться: например, «Акты археографической комиссии» – в «ААК» (ААК 1962: 40–44); в этих случаях прилагается список сокращений. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать: «и др.» (*Смирнов и др.* 1985); в случае зарубежных изданий – «et al.» (*Smith et al.* 1970). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* (в случае зарубежных изданий – латинские буквы *a*, *b*, *c*) к году издания (*Чернов* 1987а: 22; *Brown* 1964b: 35).

При ссылках на личные полевые материалы автора в списке литературы отдельно указывается не каждый информант, но конкретная экспедиция либо работа в конкретном районе, при этом в скобках указываются все информанты, рабочие тетради автора, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Например: ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Н-ский р-н Н-ский обл. Август 2002 г. (информанты – А.Б. Иванова, 1928 г.р.; К.А. Петрова, 1932 г.р. и т.д.). В тексте статьи ссылки даются следующим образом (ПМА 1: Иванова).

Правильно:

Санин 2004 – Санин Г. Ингушский трамплин // Итоги, 2004. № 32 (www.itogi.ru).
Дятлова – Дятлова В.А. Немецкие поселения Енисейской губернии // История и культура немцев Сибири (http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib).

Неправильно:

Ингушский трамплин – http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_8_Дятлова – http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/germ_posel.htm

ЭТО ВАЖНО!

Вводится новый подраздел References, представляющий собой латинизированный вариант подраздела «Научная литература». Транслитерация с кириллицы производится согласно системе Библиотеки Конгресса США (примеры и инструкции по транслитерации приведены в правилах оформления статей).

References (латинизированный список)

Список «References» содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Транслитерация производится согласно системе Библиотеки Конгресса США. Порядок оформления публикаций в этом списке несколько отличается от оформления основных списков литературы в Вашей статье.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных, и делается по требованиям РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Инструкции:

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык]

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]

Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку Convert посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей. Основная работа проделана: теперь Вам нужно исправить типичные мелкие ошибки и оформить список согласно правилам Web of Science.

2) Оформление литературы:**Шапка оформления ссылки на книгу:**

Familia I.O. Nazvanie knigi ili monografii. Gorod: Izdatel'stvo, 1988.

Шапка оформления ссылки на сборник научных статей:

Familia I.O. (ed.) Nazvanie sbornika statei. Gorod: Izdatel'stvo, 1988 (впереди указывается фамилия отв. редактора или составителя сборника)

Шапка оформления ссылки на статью в научном журнале:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala, 1988. No. 2. Pp. 64–74.

Шапка оформления ссылки на статью в научном сборнике:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie sbornika, I.O. Sostavitel (ed.). Gorod: Izda-

tel'stvo, 1988. Pp. 4–24 (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)

3) Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

а) указания на «Том», «№», «С.» (страницы) издания должны быть переведены на англ. «vol.», «no.» и «pp.»

б) все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.

в) проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «Х», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.)

г) имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале.

Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.

д) курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов (или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

4) Примеры:

В итоге публикации из Вашего списка «Научная литература» должны выглядеть следующим образом в списке «References»:

Мосс 1996 – Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.

Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii. Moscow: Vostochnaia literatura 1996.

Бернштам 1983 – Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983.

Bernshtam 1983 – Bernshtam T.A. Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v. Leningrad: Nauka, 1983.

При оформлении материалов по физической антропологии следует соблюдать следующие дополнительные условия.

В начале статьи необходимо указать *код универсальной десятичной классификации* (УДК). Рекомендуемая структура текста: **Введение, Постановка проблемы, Материалы и методы, результаты и их обсуждение, Заключение, Литература.**

Стилевое оформление:

При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов с проставлением знака переноса, а просто автоматический перенос. Не допускать перенос одного слога в конце абзаца (можно не менее 4 знаков).

Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

Дефисы, где этого требует правила орфографии, исправить на тире (– → – [Ctrl “–” самая правая верхняя кнопка на клавиатуре]). Тире ставится во всех случаях

кроме «дефиса» по правилам русского языка, например,

Правильно: красно-коричневый, но 1990–1991 гг.

Неправильно: 1990-1991 гг.

В датах тире ставится без пробела (1990–1991)

После десятилетий полностью пишется слово «годы», например 1990-х годов, после даты, коротко г. , например, 1970 г.

Кавычки в основном тексте «», в тексте уже внутри цитаты “”.

Правила оформления литературы

Литература

Бутинов 1975 – Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975.

Иванова 2010а – Иванова Л.А. Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 2010. № 2. С. 97–106.

Иванова 2010б – Иванова Л.А. Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929 – 02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 189–191.

Филатов 2002 – Филатов С.Б. Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 470–484.

References

Butinov N.A. Put' k Beregu Maklaia. Khabarovsk, 1975.

Ivanova L.A. N.N. Mishutushkin i vystavka "Etnografiia i iskusstvo Okeanii" (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 2. Pp. 97–106.

Meliksetova I.M. Vstrecha s Okeaniei 70-kh godov. Moscow, 1976.

Filatov S.B. Posleslovie. Religiia v postsovetsoi Rossii // Religiia i obshchestvo: Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii. Moscow; St. Petersburg: Letnii sad, 2002. Pp. 470–484.

ФОТО, ГРАФИКИ, ДИАГРАММЫ и РИСУНКИ

Размер файла в формате jpeg – 600 dpi. Файл подается отдельно от статьи (в текст не вставляются), в тексте указывается ссылка на рисунок (например, рис. 1).

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

новая серия

2016. № 2 (34)

Выпускающий редактор – Н.А. Белова

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 06.06.2016.

Формат 70 х 108/16. Усл. печ. 9

Тираж 500 экз. Заказ № 95

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Начальник участка – В.М. Маршанов

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А